УЧЕНІЕ АРИСТОТЕЛЯ

„О ДУШѢ“

ВЪ СВЯЗИ СЪ УЧЕНІЕМЪ О НЕЙ

СОКРАТА И ПЛАТОНА.

Aristotelis «de anima» libri tres.

СОЧИНЕНІЕ

ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА ФИЛОСОФІИ, КАНДИДАТА

Ѳ. ЗЕЛЕНОГОРСКАГО.

Πολλὰ τὰ δεινὰ, κ'οὐδὲν ἀνθρώπου δεινότερον πέλει.

Софокл Антиг. 333

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня Б. И. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.

1871.

ПРО - 1957

По опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета печатать дозволяется 4-го Сентября 1871 года.

Исправляющій должность декана *Н. Благовѣщенскій*

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1811
26

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ. (Стр. I — X).

Глава I.

Критическій разборъ и опроверженіе мнѣній о душѣ предшествующихъ мыслителей. (Стр. 1 — 4).

Критическій разборъ мнѣній о душѣ, сдѣланный Аристотелемъ. Цѣль, съ которою сдѣланъ Аристотелемъ критическій разборъ мнѣній о душѣ, высказанныхъ предшествующими мыслителями, и важность для насъ познакомиться съ этимъ разборомъ Перечисленіе главныхъ мнѣній о душѣ, высказанныхъ предшествующими мыслителями Разборъ и опроверженіе мнѣній тѣхъ изъ мыслителей, которые присвояли природѣ души «движеніе», и, въ частности, опроверженіе мнѣнія Платона, высказаннаго въ діалогѣ «Тимей». Разборъ и опроверженіе мнѣнія тѣхъ изъ мыслителей, которые присвояли душѣ «чувствованіе» и «знаніе» Общій выводъ изъ критическаго разбора, сдѣланнаго Аристотелемъ **Критическій разборъ мнѣній о душѣ, представленный Платономъ.** Разборъ мнѣнія о душѣ, какъ гармоніи, высказаннаго Пиѳагорейцами Одинаковый духъ и направленіе критики Платона съ критическимъ разборомъ Аристотеля

Глава II.

Опредѣленіе души. (Стр. 4 — 18).

Опредѣленіе души, данное Сократомъ. Трудность опредѣленія души, послѣдовавшая въ новомъ взглядѣ на природу человѣка, высказанномъ Сократомъ Отрицательное опредѣленіе души, устраняющее отъ природы души все матеріальное и чувственное. Положительное опредѣленіе души, какъ «разума» **Опредѣленіе души, данное Платономъ.** Отрицательное опредѣленіе души, — повтореніе опредѣленія, даннаго Сократомъ Собственное міровоззрѣніе Платона. Психологическое основаніе опредѣленій отрицательныхъ, или опредѣленій «отъ противоположнаго». Опредѣленіе души, какъ «движущей саму себя» и другое, и характеръ этого опредѣленія Опредѣленіе души, какъ «недѣлимой на части» и какъ «жизни» Трудность, выраженная Платономъ, — дать положительное опредѣленіе души въ ея чистой природѣ. Представленіе «идеи» души при помощи миѳа. Сократъ и Платонъ согласны между собою въ опредѣленіи души **Опре-**

дѣленіе души, данное Аристотелемъ. Наша цѣль и побужденіе подробнаго изложенія опредѣленій души, данныхъ Сократомъ и Платономъ. Опредѣленіе «сущности» вообще, данное Аристотелемъ Аристотель обнаруживаетъ себя ученикомъ Платона въ опредѣленіи сущности Опредѣленіе души, какъ «энтелехіи» Филологическое объясненіе слова энтелехія, объясненіе Аристотеля, какъ понимать энтелехію къ отношенію къ душѣ. Мнѣніе Сентъ-Илера о сущностяхъ «сложныхъ» Аристотеля, наше объясненіе этихъ сущностей Полное опредѣленіе души, данное Аристотелемъ. Общій выводъ Стремленіе Сократа, Платона и Аристотеля изучить душу, какъ «умъ» Отступленіе Аристотеля отъ Сократа и Платона Послѣдовательность этого отступленія въ силу метода, даннаго Сократомъ **Рѣшеніе Аристотелемъ вопроса. «не тожественна ли душа съ тѣломъ».** Сравненія и примѣры — доказывающіе, что душа не тожественна съ тѣломъ Неубѣдительность доказательствъ Аристотеля, что душа не тожественна съ тѣломъ Матеріализмъ ближайшихъ къ Аристотелю школъ

Глава III.

Раздѣленіе души по видамъ и способностямъ. (Стр. 18 — 24).

Дѣленіе души по видамъ у Сократа. Сократъ намѣтилъ дѣленіе души на «разумную» и «неразумную» или животную **Дѣленіе души по видамъ у Платона.** Повтореніе дѣленія, даннаго Сократомъ. Объясненіе, какъ понималъ Платонъ «виды» вообще, и въ частности, «виды» въ отношеніи къ душѣ Аналитическій методъ Платона и психологическое основаніе этого метода. Другое, найденное Платономъ, дѣленіе души на три вида· «разумный», «желательный» и «страстный». Признаніе души единой въ существѣ и объясненіе значенія и мѣста видовъ ея, характеръ видовъ души, найденныхъ Платономъ. **Дѣленіе души по видамъ или способностямъ у Аристотеля.** Основаніе, изъ котораго вытекла у Аристотеля необходимость рѣшить вопросъ о видахъ души. Взглядъ Аристотеля на виды души Дѣленіе души на четыре вида душу «питающую», «ощущающую», «разумную» и «движущую къ мѣсту». **Критическія замѣчанія** Критическая оцѣнка дѣленія души по видамъ, даннаго Платономъ и Аристотелемъ. Замѣчаніе о введеніи въ психологическую терминологію термина: «способность», начало употребленія его у Сократа, употребленіе его Платономъ въ приложеніи къ внѣшнимъ чувственнымъ органамъ — зрѣнію, слуху и проч. **Порядокъ, въ которомъ раскрываются способности души.** Душа питающая, душа ощущающая и движущая къ мѣсту, душа разумная.

Глава IV.

О душѣ питающей (ἡ ψυχὴ θρεπτικὴ). (Стр. 24 — 30).

Методическіе пріемы изслѣдованія у Сократа, Платона и Аристотеля Поводъ говоритъ здѣсь о методическихъ пріемахъ изслѣдованія Методическіе пріемы у Сократа «опредѣленіе» и «индукція» Методическіе пріемы Платона: «гипотезы», «соединенія» или «обобщенія» видовъ въ родѣ и «дѣленіе» по видамъ. Сомнѣніе Аристотеля относительно годности одного метода во всѣхъ изслѣдованіяхъ и перечисленіе методическихъ пріемовъ, замѣченныхъ у него въ изложенномъ выше Общее стремленіе троихъ мыслителей древности — Сократа, Платона и

Аристотеля—изучить жизненный фактъ въ его процессѣ и потребность анализа. **Душа питающая и рождающая у Аристотеля.** Основаніе необходимости признать дѣйствіе души въ питаніи. Тождество души питающей и рождающей. Заимствованіе Аристотелемъ у Платона мысли о душѣ рождающей. Теорія питанія, представленная Аристотелемъ; рѣшеніе вопроса. «подобное дѣйствуетъ на подобное» или «противное дѣйствуетъ на противное». Оцѣнка мысли Аристотеля — присвоить питаніе душѣ.

Глава V.

О душѣ ощущающей (ἡ ψυχὴ αἰσθητική). (Стр. 31 — 41).

Теорія происхожденія ощущеній, высказанныя мыслителями до Аристотеля. Нужда объяснить происхожденіе ощущеній, вытекшая изъ недовѣрія къ чувствамъ въ дѣлѣ истиннаго знанія. Объемъ области изслѣдуемыхъ ощущеній у мыслителей до Сократа. Тотъ же объмъ у Сократа и Платона. Тотъ же объемъ у Аристотеля. Теорія Демокрита о происхожденіи ощущеній въ чувственныхъ органахъ, теорія философовъ, названныхъ Платономъ «текущими»; теорія мыслителей, признавшихъ въ ощущеніяхъ дѣйствіе «подобнаго на подобное». Теорія Платона **Теорія происхожденія ощущеній, признанная Аристотелемъ.** Одинаковость теоріи происхожденія ощущеній, признанной Аристотелемъ, съ теоріей, данной Платономъ. Опроверженіе мнѣнія тѣхъ, которые доказываютъ противное **Дѣленіе ощущеній, сдѣланное Аристотелемъ** а) Ощущенія «собственныя для каждаго чувственнаго органа», б) ощущенія «случайныя», в) ощущенія «общія». **Анализъ матеріальнаго процесса въ ощущеніяхъ.** Сложность матеріальнаго процесса въ ощущеніяхъ. Объясненіе ощущенія, какъ «перемѣны» въ чувственномъ органѣ; объясненіе это дано Платономъ и принято Аристотелемъ. Страдательное состояніе чувственнаго органа въ ощущеніи, самодѣятельность силъ или способностей, присущихъ чувственнымъ органамъ. Необходимость и участіе «посредствующаго» въ ощущеніяхъ, объясненіе, почему растѣнія не имѣютъ ощущеній. **Разсмотрѣніе Аристотелемъ каждаго внѣшняго чувства отдѣльно.** Порядокъ этого разсмотрѣнія, находящійся въ трактатѣ о душѣ, значеніе различныхъ группъ внѣшнихъ чувствъ для человѣка Причина, по которой оставлено нами подробное изложеніе ученія Аристотеля о каждомъ отдѣльномъ чувствѣ. **Объясненіе Аристотеля происхожденія въ насъ ощущеній «общихъ».** Доказательство, что общія ощущенія получаются нами чрезъ внѣшніе чувственные органы, намъ извѣстные. Объясненіе, какъ онѣ пріобрѣтаются нами. Чувство «критическое» или судящее, въ которомъ главный дѣйствующій агентъ есть наша душа.

Глава VI.

О воображеніи (φαντασία), памяти (μνήμη) и припоминаніи (ἀνάμνησις). (Стр. 42 — 58).

Разграниченіе между ощущеніемъ и знаніемъ или высшей дѣятельностію души, которая приводитъ къ знанію и основывается на памяти. Прогрессъ въ наукѣ о душѣ, сдѣланный Сократомъ и Платономъ на основаніи сознанія важности и значенія памяти въ нашей душевной жизни и дѣятельности Погрѣш-

ность предшествующихъ мыслителей, отождествлявшихъ ощущеніе и знаніе. Діалогъ Платона «Теэтетъ» или «о знаніи», написанный съ цѣлію — указать погрѣшность древнихъ мыслителей и обнаружить различіе между ощущеніемъ и знаніемъ или высшей дѣятельностію души, ведущею къ знанію. Повтореніе того же различія у Аристотеля **Перечисленіе Платономъ способностей, дѣйствующихъ послѣ совершающагося въ насъ ощущенія, и ученіе его о воображеніи, памяти и припоминаніи** Знаніе и мнѣніе зиждутся на воображеніи, памяти, припоминаніи, размышленіи и разумѣ Метафизическое ученіе Платона о памяти и воспоминаніи. Психологическое ученіе Платона о воображеніи, памяти и припоминаніи, разграниченіе между памятью и припоминаніемъ и законъ дѣятельности припоминанія «по подобію» **Перечисленіе познавательныхъ способностей у Аристотеля** Познавательныя способности: ощущеніе, воображеніе, мнѣніе, знаніе, умъ. **Ученіе Аристотеля о воображеніи.** Причина, по которой въ книгѣ «объ умѣ» помѣщено Аристотелемъ окончаніе ученія объ ощущеніяхъ «общихъ» и воображеніи. Односторонность Аристотеля, ограничившаго свои наблюденія одними внѣшними ощущеніями Производство слова φαντασία Объясненіе задержки въ насъ образовъ отсутствующихъ предметовъ. Отдѣленіе воображенія отъ другихъ познавательныхъ способностей. Замѣчаніе о способностяхъ, какъ «навыкахъ» усвоемыхъ тѣлесными органами движеній, въ нихъ часто повторяющихся **Ученіе Аристотеля о памяти.** Рѣшеніе Аристотелемъ вопроса «помнимъ ли мы аффектъ и напечатлѣніе предмета, или — самый предметъ отсутствующій? Замѣчаніе о перенесеніи Аристотелемъ въ область памяти того, что общее сознаніе относитъ къ воспоминанію **Ученіе Аристотеля о припоминаніи** Указаніе Аристотелемъ закона припоминанія «по смежности» **Общее замѣчаніе по поводу ученія Платона и Аристотеля о припоминаніи.**

Глава VII.

Объ умѣ (νοῦς). (Стр. 59 — 74).

Важность ученія Аристотеля «объ умѣ», признаваемая толкователями философіи Аристотеля, и нашъ взглядъ на это ученіе. Толкованіе ученія Аристотеля «объ умѣ» и «безсмертіи души», данное Александромъ Афродисскимъ и Аверроэсомъ. Важность, приписываемая схоластиками метафизическому ученію Аристотеля «объ умѣ», и игнорированіе ими психологическаго ученія о немъ Тотъ же недостатокъ у современныхъ нѣмецкихъ толкователей ученія Аристотеля «объ умѣ» Интересъ знакомства съ психологическимъ ученіемъ Аристотеля «объ умѣ» Краткость и отрывочность ученія Аристотеля «объ умѣ» и причина этой краткости и отрывочности. Нашъ планъ изложенія ученія Аристотеля «объ умѣ» **Ученіе Сократа и Платона «объ умѣ» и предметахъ «умственныхъ».** Ученіе Сократа «объ умѣ божественномъ» и о дѣйствіи его въ мірѣ вещей или о признакахъ и слѣдахъ, напечатлѣнныхъ на вещахъ дѣйствіемъ ума божественнаго Ученіе Платона объ умѣ божественномъ и предметахъ умственныхъ или «идеяхъ», присущихъ вещамъ Психологическое ученіе Платона о предметахъ «умственныхъ» Психологическое объясненіе Платона происхожденія въ насъ познанія предметовъ умственныхъ и ученіе объ умѣ индивидуальномъ, какъ иномъ родѣ, чѣмъ мнѣніе и ощущеніе. **Ученіе Аристотеля «объ умѣ» и предметахъ «умственныхъ».** Ученіе Аристотеля объ умѣ индивидуальномъ,

какъ отличномъ отъ другихъ способностей познавательныхъ и какъ о сущности безсмертной. Психологическое ученіе Аристотеля о предметахъ «умственныхъ» или «недѣлимыхъ въ видѣ» и объясненіе происхожденія въ насъ познанія ихъ. Замѣчаніе о важности психологическаго объясненія, даннаго Платономъ и Аристотелемъ относительно происхожденія въ насъ познанія предметовъ умственныхъ **Ученіе Аристотеля объ умѣ «дѣятельномъ» и «страдательномъ».** Ученіе Аристотеля объ умѣ «въ возможности» и умѣ «въ реальности» Ученіе его объ умѣ «страдательномъ» и умѣ «дѣятельномъ» Замѣчаніе по поводу этого ученія. **Общее замѣчаніе по поводу ученія Платона и Аристотеля объ умѣ и умственномъ познаніи.**

Глава VIII.

О душѣ движущей къ мѣсту (ἡ ψυχὴ κινητικὴ κατὰ τόπον). (Стр. 74 — 79).

Опредѣленіе души движущей къ мѣсту и причина, по которой разсмотрѣніе души движущей къ мѣсту помѣщено Аристотелемъ въ концѣ трактата. Внутренняя сила или способность, отъ дѣйствія которой происходятъ внѣшнія дѣйствія, и внутренніе импульсы, вызывающіе внѣшнія дѣйствія Сложность процесса, совершающагося въ насъ прежде всякаго внѣшняго дѣйствія, и раскрытіе этого процесса Сократомъ и Платономъ Необходимость говорить напередъ о познавательныхъ способностяхъ, участвующихъ въ процессѣ, предшествующемъ внѣшнему дѣйствію **Внутренніе импульсы или двигатели, указанные Сократомъ и принятые Платономъ.** Двигатели эти: а) страсти и чувственныя удовольствія, б) разумъ Анализъ желаній пищи и питія, представленный Платономъ, и выводъ изъ этого анализа. «нѣтъ желанія тѣлеснаго» **Внутренніе импульсы или двигатели, признанные Аристотелемъ.** а) аппетиты или чувственныя желанія и б) разумъ или практическое размышленіе. Движущее, движимое и орудіе, которымъ движущее движетъ **Общее замѣчаніе къ главѣ о душѣ движущей къ мѣсту.**

Заключеніе.

Отличіе и характеристика самостоятельныхъ психологическихъ изслѣдованій Аристотеля, заключающихся въ его трактатѣ «о душѣ», и результаты этихъ изслѣдованій. Самостоятельность психологическихъ изслѣдованій Аристотеля, выраженная въ трактатѣ «о душѣ». Характеристика этихъ изслѣдованій и отличіе ихъ отъ изслѣдованій Сократа и Платона Результаты: а) тѣло должно быть сложно, чтобъ имѣть душу и жизнь; б) раскрытіе и богатство способностей стоитъ въ зависимости и связи съ развитіемъ и богатствомъ органовъ тѣлесныхъ. Общій критическій отзывъ о психологическихъ изслѣдованіяхъ Аристотеля, а также и объ изслѣдованіяхъ Сократа и Платона. Послѣднее слово о трактатѣ Аристотеля, извѣстномъ подъ заглавіемъ. «De anima libri tres».

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ученіе Аристотеля „о душѣ“, изложенное въ настоящемъ трудѣ, заимствовано нами изъ трактата, который дошелъ до насъ въ числѣ другихъ сочиненій, приписываемыхъ Аристотелю, и извѣстенъ подъ заглавіемъ: „Три книги о душѣ“ (De anima libri tres).

Принадлежитъ ли этотъ трактатъ Аристотелю, отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужитъ, между прочимъ, наше послѣдующее изложеніе трактата. Филологи собрали и указали изъ другихъ сочиненій Аристотеля мѣста, въ которыхъ онъ дѣлаетъ ссылки и указанія на трактатъ о душѣ, и мѣста изъ самаго трактата, въ которыхъ Аристотель дѣлаетъ указанія на другія свои сочиненія. Равнымъ образомъ, критиками и филологами собраны и указаны изъ другихъ сочиненій Аристотеля мѣста, въ которыхъ или повторяется то, что высказано въ трактатѣ „о душѣ“, или можетъ служить дополненіемъ и объясненіемъ того, что высказано въ трактатѣ. Тѣ и другія, собранныя учеными, мѣста достаточно говорятъ въ пользу того, что трактатъ принадлежитъ Аристотелю. Мы, съ своей стороны, въ дополненіе высказаннаго о подлинности трактата другими, можемъ присовокупить слѣдующее: трактатъ о душѣ по своему содержанію доказываетъ, что все, что̀ лучшаго и разумнѣйшаго было высказано о душѣ Сократомъ и Платономъ, понято и усвоено въ трактатѣ такъ, какъ не понято и не усвоено ни однимъ изъ послѣдующихъ мыслителей, даже изъ тѣхъ, которые считали себя послѣдователями ученія Платона. Въ этомъ случаѣ мы разумѣемъ по преимуществу психологическое, а не метафизическое ученіе о душѣ и душевныхъ явленіяхъ, высказанное Сократомъ и Платономъ. Передать это ученіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно передано въ трактатѣ о душѣ, могъ только такой геніальный

ученикъ Платона, каковъ былъ Аристотель. Кромѣ того, изъ трактата о душѣ видно, что писавшій его хорошо понималъ, на чемъ остановилась разработка психологическихъ вопросовъ до него и на что нужно обратить вниманіе въ дальнѣйшей разработкѣ этихъ вопросовъ. Поэтому, онъ и самъ дѣлаетъ попытку продолжить разработку психологическихъ вопросовъ въ тѣхъ пунктахъ, которые или совершенно опускали изъ вниманія Сократъ и Платонъ, или касались ихъ мимоходомъ (эти пункты мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ). Здѣсь мы опять должны сознаться, что мы знаемъ одного Аристотеля, который послѣ Сократа и Платона былъ такимъ мыслителемъ, какого мы сейчасъ указали, и дѣлалъ то, о чемъ сейчасъ сказано.

Трактатъ о душѣ Аристотеля есть первый опытъ систематическаго изложенія ученія о душѣ, дошедшій до насъ отъ древнихъ. Но онъ не есть, какъ мы сказали, первый опытъ разработки и изслѣдованія вопросовъ о душѣ. Самъ Аристотель въ первой книгѣ трактата излагаетъ о душѣ мнѣнія мыслителей, жившихъ до него. Эти мнѣнія о душѣ, въ первый разъ, сколько намъ извѣстно, собранныя вмѣстѣ Аристотелемъ, показываютъ, какъ рано вопросы о душѣ стали занимать мыслителей греческихъ.

Особенно въ лицѣ Сократа вопросы о человѣкѣ и въ частности о душѣ выдвинуты были на первый планъ. Хотя мыслители до Сократа и касались въ своихъ философскихъ размышленіяхъ вопросовъ о человѣкѣ и о душѣ, но главный предметъ ихъ размышленій была, по выраженію Ксенофонта и Платона, „исторія природы“ (ἱστορία περὶ φύσεως). Сократъ же, по свидѣтельству Ксенофонта, никогда не разсуждалъ о природѣ всѣхъ вещей; разсуждалъ же онъ „о предметахъ нравственныхъ“ и „о всемъ, касающемся до человѣка“ [1]). Сократъ училъ познавать „самого себя“ (γνῶθι σεαυτόν). По свидѣтельству Ксенофонта, Сократъ оставилъ разсужденія о природѣ всѣхъ вещей и обратился къ изученію самого себя и человѣка вообще, равно и другихъ призывалъ къ этому изученію потому, что въ изученіи человѣка онъ видѣлъ непосредственную практическую пользу, которой не видѣлъ въ разсужденіяхъ о природѣ, высказанныхъ пред-

[1]) Memor. 1, 1, 11. Изд. August. Ernesti. Οὐδὲ γὰρ περὶ τῆς τῶν πάντων φύσεως, ὅπερ τῶν ἄλλων οἱ πλεῖστοι, διελέγετο. Ibid. 1, 1, 16. Αὐτὸς δὲ περὶ τῶν ἀνθρωπείων ἀεὶ διελέγετο.

шествующими мыслителями. „Знающіе самихъ себя знаютъ, говорилъ Сократъ, и то, что имъ нужно, и то, что они могутъ сдѣлать и чего не могутъ; чрезъ это они могутъ судить и о другихъ людяхъ". „Такія знанія доставятъ пользу имъ самимъ и другимъ, кому они захотятъ сообщить ихъ" [1]), говоритъ Сократъ въ другомъ мѣстѣ. Ту же практическую пользу отъ изученія самого себя выставляетъ Сократъ Алкивіаду въ діалогѣ Платона „Алкивіадъ первый".

Нѣсколько раньше Сократа софистами подняты были вопросы о воспитаніи человѣка и его общественномъ положеніи. Историки, какъ напримѣръ Геродотъ и Ѳукидидъ, изучали душу народовъ и племенъ. Поэты и трагики изучали страсти (πάθη) человѣческія.

Вообще послѣ Персидскихъ войнъ въ Греціи и въ частности въ Аѳинахъ открывается блестящій періодъ образованія. Неравносильная борьба, въ которой персидскій царь своимъ громаднымъ войскомъ могъ подавить малую Грецію, и счастливый исходъ этой борьбы для Грековъ возбудили въ мыслящихъ людяхъ того времени много вопросовъ о положеніи государствъ и людей и о правосудной судьбѣ (μοῖρα), правящей міромъ и людьми. Геродотъ вѣрилъ, что въ греческомъ войскѣ сражались противъ Персовъ герои Троянской войны. Трагикъ Эсхилъ призналъ неусыпно дѣйствующею въ мірѣ „судьбу", которая хранитъ слабыхъ отъ нападенія сильныхъ и неумолимо поражаетъ сильныхъ, несправедливо нападающихъ на слабыхъ. Отъ міровыхъ вопросовъ трагики перешли къ вопросамъ о судьбѣ частныхъ личностей. Уже Эсхилъ писалъ трагедіи, предметомъ которыхъ служила судьба частныхъ личностей, какова напримѣръ трагедія „Орестейя" (Ὀρεστεία). Софоклъ въ своихъ трагедіяхъ рисуетъ судьбу исключительно частныхъ личностей. Главный вопросъ, который взялись рѣшить трагики, былъ такой: откуда въ мірѣ зло, по которому нерѣдко гибнутъ люди повидимому невинные и не заслужившіе несчастной участи. Эсхилъ продолжалъ указывать на неумолимую судьбу и боговъ, гнѣва и наказанія которыхъ не можетъ избѣжать ни одинъ смертный. Софоклъ тоже обыкновенно указываетъ въ своихъ тра-

[1]) Memor. IV, 2, 24. Καὶ διαγιγνώσκειν, ἃ τε δύνανται καὶ ἃ μή. Διὰ τοῦτο δὲ καὶ τοὺς ἄλλους ἀνθρώπους δυνάμενοι δοκιμάζειν. Ibid. 1, 1, 15. Ἆρ ὥσπερ οἱ τ ἀνθρώπεια μανθάνοντες, ἡγοῦνται τοῦθ', ὅτι ἂν μάθωσιν, ἑαυτοῖς τε καὶ τῶν ἄλλων, ὅτῳ ἂν βούλονται ποιήσειν.

гедіяхъ на судьбу, губящую людей; но послѣднюю онъ указалъ въ самомъ же человѣкѣ — въ силѣ „страстей“, которыя овладѣваютъ человѣкомъ и губятъ его. Такое рѣшеніе упомянутаго выше вопроса было для поэта-трагика сильнымъ мотивомъ къ тому, чтобы вполнѣ предаться изученію природы человѣка и въ частности страстей человѣческихъ. Сколько успѣлъ въ этомъ поэтъ-трагикъ, показываютъ его безсмертныя творенія. Преемникъ Софокла Эврипидъ за живое и сильное изображеніе человѣческихъ страстей названъ былъ „τραγικότατος“. Онъ признается, что цѣлыя темныя ночи онъ размышлялъ о положеніи людей. Софоклъ искалъ средства спасти человѣка отъ ударовъ неумолимой судьбы и нашелъ его опять въ самомъ же человѣкѣ, въ данномъ ему „разумѣ“. При помощи послѣдняго человѣкъ можетъ, по убѣжденію Софокла, овладѣвать страстями и укрощать ихъ, какъ онъ овладѣваетъ окружающею его природой.

Такимъ образомъ, вопросы о нравственности, о человѣкѣ, о душѣ и проч. живо затронуты были до Сократа не въ сферѣ философіи, а въ сферѣ самой жизни и поэзіи. Явилось сознаніе важности и необходимости для человѣка изучать самого же человѣка и природу его. Въ это же время явился знаменитый испытатель природы — Гиппократъ, который считалъ необходимымъ „изучать человѣка въ отношеніи къ тому, что онъ ѣстъ и пьетъ и чѣмъ занимается, также — слѣдствія, отсюда проистекающія“ [1]); слѣдовательно, изучалъ съ тою же практическою цѣлію, съ какою изучалъ его и Сократъ.

Замѣчательно, что первое непосредственное изученіе человѣка и наблюденіе надъ нимъ привело мыслителей къ признанію въ человѣкѣ двойственной природы. Сократъ въ первый разъ рѣзко и отчетливо высказалъ взглядъ о двойственной природѣ въ человѣкѣ. Онъ отличаетъ въ человѣкѣ душу и тѣло [2]). „Воспоминанія о Сократѣ“ Ксенофонта показываютъ, что онъ признавалъ также, какъ и трагикъ Софоклъ, силу страстей въ человѣкѣ и разумъ, который можетъ овладѣвать страстями и господствовать надъ ними [3]). Разумъ онъ признавалъ принадлежностію души, а страсти—принадлежностію нашего

[1]) Grot Geschicht Griechland. IV т., 642 стр.

[2]) Memorab 1, 5, . Ibid. 2, 1, 18. Ἵνα δύνατοι γενόμενοι καὶ τοῖς σώμασι καὶ ταῖς ψυχαῖς.

[3]) Memorab. 2, 1, 18. Οὐδὲ γαρ τὴν ἑαυτοῦ σὺ γε ψυχὴν ὁρᾷς, ἢ τοῦ σώματος κυρία ἐστίν Ibid. 1, 4, 17. Και ο σος νοῦς ἐνὼν το σον σῶμα, ὅπως βούλεται μεταχειρίζεται.

тѣла [1]). Природу души, которую Сократъ поставлялъ въ разумѣ, онъ признавалъ отличною отъ природы тѣла: природу души онъ называлъ причастною природы божественной (τῶ θείῳ μετέχει) [2]).

Это былъ новый взглядъ на душу. По свидѣтельству Аристотеля, представленія о душѣ мыслителей до Сократа были матеріальныя. Ее называли огнемъ, водою, воздухомъ и проч. Лучшаго представленія о ней достигли тѣ, которые присвояли природѣ души движеніе и чувствованіе. Но и эти свойства природы души предшествующіе мыслители старались выяснить себѣ изъ извѣстныхъ имъ матеріальныхъ началъ. Сократъ природу души сталъ представлять противоположною природѣ вещества и всего вещественнаго.

Такое новое представленіе о душѣ, какъ существѣ иной природы, чѣмъ міръ матеріальный, пробудило въ мыслителяхъ сильное желаніе и стремленіе узнать, какъ и откуда является въ міръ столь чудная душа и какая ея судьба послѣ смерти человѣка; затѣмъ желаніе отличить въ себѣ требованія и стремленія, которыя принадлежатъ одной душѣ помимо тѣла; наконецъ, какія силы души и виды проявленій ея дѣятельности и проч. Такимъ стремленіемъ всецѣло проникнутъ и воодушевленъ послѣ Сократа Платонъ. Въ діалогѣ „Алкивіадъ первый“ Платонъ Дельфійскую надпись „познай самого себя“ объясняетъ отъ лица Сократа такъ, что она предписываетъ изучать не иное-какъ нашу душу, отличную (ἕτεραν) отъ тѣла и всего относящагося къ тѣлу [3]).

Итакъ, вопросы о душѣ, о ея природѣ и явленіяхъ были предметомъ размышленій и изслѣдованій мыслителей до Аристотеля и получили уже нѣкоторую разработку и опредѣленность, особенно въ лицѣ Сократа и Платона. Въ первой главѣ первой книги трактата Аристотель показываетъ намъ, сколь ясно и какіе вопросы о душѣ и ея изслѣдованіи опредѣлились ко времени Аристотеля. Впрочемъ, Аристотель перечисляетъ здѣсь только тѣ вопросы, которые, по его убѣжденію, не получили до него удовлетворительнаго рѣшенія и пред-

---

[1]) Memorab. 1, 4, 9. Ibid. 1, 4, 17.

[2]) Memorab. 4, 3, 14. Ἀλλα μὴν καὶ ἀνθρώπῳ γε ψυχὴ, εἴπερ τι καὶ ἄλλο τῶν ἀνθρωπίνων τοῦ θεοῦ μετέχει.

[3]) Alcib. I-й. 130. A Издан. Stallbaum. Ἕτερον ἄρα ὁ ἄνθρωπός ἐστι τοῦ σώματος τοῦ ἑαυτοῦ... Ἦ οὐν ἄλλο τι χρῆται αὐτῷ ἡ ἡ ψυχὴ

ставляютъ особенную трудность для рѣшенія. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ:

1. Какому методу слѣдовать въ изученіи души и ея сущности?

2. Есть ли душа сущность, или она количество, качество и проч.?

3. Имѣетъ ли душа части, или она не имѣетъ частей?

4. Нужно ли остановиться на изученіи души только въ одномъ человѣкѣ, или признать душу и въ животныхъ? Если признать душу въ послѣднихъ, то въ родѣ или только видами различается душа?

5. Относительно страстей и душевныхъ волненій нужно ли признать, что всѣ онѣ общи душѣ съ тѣломъ, или есть между ними такія, которыя исключительно принадлежатъ душѣ.

6. Кому слѣдуетъ изучать душу — физику ли, который изучаетъ тѣло, или діалектику, который изучаетъ понятія.

Аристотель ясно понимаетъ значеніе изученія души какъ для нашихъ знаній вообще, такъ въ частности для знанія природы. „Знаніе исторіи души, говоритъ Аристотель въ началѣ трактата, весьма приложимо ко всякой истинѣ, преимущественно же оно приложимо къ природѣ; ибо душа есть именно начало живыхъ существъ“ [1]).

Такимъ образомъ, хотя трактатъ о душѣ есть первый опытъ систематическаго изложенія ученія о душѣ, тѣмъ не менѣе этотъ опытъ явился уже тогда, когда размышленіе и думы многихъ мыслителей, изученіе ими человѣческой природы и непосредственное наблюденіе надъ ней дали много матеріаловъ для научнаго изложенія и опредѣлили область изученія, а также и вопросы, которые должны обратить вниманіе сочинителя трактата о душѣ. Мы увидимъ при самомъ изложеніи трактата, что такіе мыслители, какъ Сократъ и Платонъ, владѣли замѣчательнымъ умѣньемъ и методомъ изучать душу и ея проявленія. Аристотель, въ свою очередь, не уступалъ самъ въ геніальности ума двумъ знаменитымъ своимъ предшественникамъ. Воспользовавшись всѣмъ лучшимъ, высказаннымъ о душѣ, Аристотель продолжилъ разработку вопросовъ психологическихъ. Для наблюденій и изученія души онъ имѣлъ новый матеріалъ въ изученіи царства животныхъ, гдѣ онъ показалъ замѣчательную наблюдательность. Первый опытъ систематическаго изложенія ученія о душѣ, сдѣланный

[1]) De anim. 1, 1, 1. Δοκεῖ δε καὶ πρὸς ἀλήθειαν ἅπασαν αὐτῆς (τῆς ψυχῆς ἱστορίας) μεγάλα συμβάλλεσθαι, μάλιστα δὲ πρὸς τὴν φύσιν, ἔστι γὰρ οἷον ἀρχὴ τῶν ζώων.

Аристотелемъ, сталъ для послѣдующихъ мыслителей образцомъ; самъ Аристотель сдѣлался авторитетомъ въ психологическихъ вопросахъ. Оказалось такъ, что послѣ Аристотеля исторія не представила на долгое время мыслителей съ такимъ творческимъ геніальнымъ умомъ, каковы были Сократъ, Платонъ и Аристотель. Трактатъ о душѣ былъ вмѣстѣ завершеніемъ самостоятельныхъ изслѣдованій вопросовъ о душѣ, то-есть, такихъ, которыя или вносили новый принципъ въ изученіе души (каковы, напримѣръ, изслѣдованія Сократа, заговорившаго о божественной природѣ души и ея нематеріальности; каковы изслѣдованія Аристотеля, доказывавшаго необходимость изученія души въ связи съ изученіемъ тѣла, такъ что изучающій душу долженъ быть и физикомъ), или которыя открывали научные законы явленій душевныхъ и разъясняли дѣйствіе этихъ законовъ и ихъ всеобщность (каковы, напримѣръ, изслѣдованія Платона, открывшаго законы самостоятельной и независимой дѣятельности нашей души; или—изслѣдованія Аристотеля, представившаго попытку объяснить дѣйствіе нашихъ „способностей“ чрезъ движенія, происходящія въ тѣлѣ).

Среди вопросовъ, которые перечислилъ Аристотель въ началѣ трактата о душѣ, найдутся такіе, которые занимаютъ психологовъ и до настоящаго времени и о которыхъ и теперь едва-ли можно сказать, что они получили уже окончательное рѣшеніе. Нельзя при этомъ сказать, чтобы намъ хорошо было извѣстно то, какъ упомянутые вопросы и другіе, относящіеся къ психологіи, были рѣшаемы лучшими древними мыслителями, каковы были: Сократъ, Платонъ и Аристотель. Въ этомъ случаѣ, мы можемъ указать на то, что трактатъ, напримѣръ, Аристотеля о душѣ разработанъ едва-ли не менѣе всѣхъ другихъ его трактатовъ. Притомъ, и въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя посвящены трактату о душѣ, занимаетъ авторовъ по преимуществу или опредѣленіе души, и общіе принципы ученія о душѣ (гдѣ весьма много разсуждается о томъ, что̀ понимаетъ Аристотель подъ терминами: ἐντελέχεια, ἐνέργεια, δύναμις), или ученіе Аристотеля объ умѣ (νοῦς), (гдѣ разсуждается о томъ, что̀ понимаетъ Аристотель подъ νοῦς ποιητικὸς и νοῦς παθητικὸς). Мы перечислимъ здѣсь сочиненія, которыя посвящены трактату Аристотеля о душѣ.

Trendelenburg. Commentarii in Aristotelis de anima libros tres (эти комментаріи на три книги Аристотеля „о душѣ“ (περὶ ψυχῆς) нахо-

дятся при изданіи греческаго текста трактата, изданнаго Тренделенбургомъ, которое признается однимъ изъ лучшихъ изданій и по которому сдѣлано нами изложеніе трактата).

Pansch. De Aristotelis animae definitione. Gryphisv, 1861.

Fischer. De principiis Aristotelicae de anima doctrinae. Erlangae, 1845.

Volkmann. Die grundzuge der Aristotelischen Psychologie. Prag, 1858.

Hartenstein. De Psychologiae vulgaris origine ab Aristotele repetenda. Lips. 1840.

Eberhard Die Aristotelische definition der Seele und ihr Werth für die Gegenwart. Berlin. 1868.

Ribbentrop. Aristotelis Νοῦς. Berolini, 1840.

Starke. Die Lehre von Νοῦς behandeln. Neu-Ruppin, 1838.

Wolf. Aristotelis de intellectu agente et patiente doctrina. Berlin, 1844.

Brentano (Franz). Die Psychologie des Aristoteles, inbesondere reine Lehre vom Νοῦς ποιητικὸς. Mainz, 1867.

Beck. De sensuum actione. Berolin, 1850.

Сюда же относится переводъ трактата о душѣ на французскій языкъ Сентъ-Илера (Traité de l'ame. Paris, 1846), при которомъ написано предисловіе, заключающее въ себѣ критическій взглядъ переводчика на психологію Аристотеля, свободное изложеніе всего трактата въ его послѣдовательности и подробности и комментаріи при самомъ переводѣ.

Еще менѣе разработано ученіе Платона о душѣ, особенно психологическое. Послѣднее почти совершенно опускалось изъ вниманія. Обращало вниманіе по преимуществу метафизическое ученіе Платона о душѣ (особенно ученіе о міровой душѣ, изложенное въ діалогѣ „Тимей“).

Изучая трактатъ Аристотеля о душѣ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона, мы пришли къ убѣжденію, что существуетъ тѣсная связь между тѣмъ, что̀ высказано о душѣ Сократомъ и Платономъ, и тѣмъ, что высказано о ней въ трактатѣ „о душѣ“ Аристотеля. Намъ могутъ сказать, что этимъ мы не высказываемъ ничего новаго, что это сознавалось гораздо раньше тѣми, которые старались примирить и согласить философію Платона съ философіей Аристотеля, и что иначе и быть не могло, такъ какъ Аристотель былъ уче-

никомъ Платона. Мы, намѣреваясь изложить въ этомъ сочиненіи ученіе Аристотеля о душѣ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона, не имѣли претензіи высказать, какъ новое, мысль о томъ, что существуетъ связь между философіей Аристотеля и философіей Платона. Главная наша задача—изложить и передать въ своемъ сочиненіи ученіе о душѣ, заключающееся въ трактатѣ Аристотеля, извѣстномъ подъ заглавіемъ: „Три книги о душѣ“. Такъ какъ этотъ трактатъ написанъ сжато и отрывочно и поэтому представляетъ особенныя трудности для пониманія, мы нашли возможнымъ устранить нѣкоторыя изъ этихъ трудностей, обращаясь къ тому, что было высказано въ томъ или другомъ случаѣ о душѣ Сократомъ и Платономъ. Нужно сказать, что Аристотель кратко и отрывочно говоритъ въ трактатѣ по преимуществу о томъ, о чемъ подробно говоритъ и что обстоятельно раскрылъ, напримѣръ, Платонъ. Насъ интересовало и занимало по преимуществу научно-психологическое ученіе о душѣ, какъ Аристотеля, трактатъ котораго о душѣ былъ предметомъ нашего изученія, такъ Сократа и Платона. Въ этомъ случаѣ, для насъ важно было опредѣлить и указать, что̀ собственно Аристотелю принадлежитъ въ ученіи о душѣ, изложенномъ въ его трактатѣ, и что̀ новаго внесъ онъ въ это ученіе. Для достиженія высказанной сейчасъ цѣли, мы необходимо должны были войдти въ подробности психологическаго анализа, сдѣланнаго Сократомъ и Платономъ. Мы замѣтили, что толкователей и критиковъ интересовало больше метафизическое ученіе Платона о душѣ и мало интересовало психологическое ученіе о ней. То же съ нѣкоторымъ ограниченіемъ можно сказать о толкователяхъ и критикахъ ученія о душѣ, изложеннаго Аристотелемъ. Мы находимъ болѣе интереснымъ и болѣе необходимымъ въ настоящее время узнать и раскрыть психологическое ученіе о душѣ, высказанное лучшими древними мыслителями въ лучшемъ направленіи ученія о душѣ, явившемся въ древнемъ мірѣ. Это ученіе развивалось постепенно и послѣдовательно въ лицѣ Сократа, Платона и Аристотеля, такъ что каждый изъ двухъ послѣднихъ продолжалъ трудиться въ изъясненіи и изслѣдованіи того, что не было изъяснено и изслѣдовано предшественникомъ, — слѣдуя при этомъ тому направленію ученія о душѣ, которому начало положилъ Сократъ. На этотъ разъ мы встрѣтили при переводѣ Сентъ-Илера и въ ком-

ментаріяхъ Тренделенбурга (отчасти и у другихъ) только нѣсколько указаній, въ которыхъ показывается сходство и различіе ученія Платона и Аристотеля относительно частныхъ пунктовъ ученія о душѣ. Напротивъ, мы не встрѣтили сочиненія, которое было бы посвящено изложенію ученія о душѣ, постепенно развивавшагося въ лицѣ Сократа, Платона и Аристотеля. Поставивъ для себя задачею — изложить ученіе о душѣ, заключающееся въ трактатѣ Аристотеля, мы, при высказанныхъ нами выше, условіяхъ, находя необходимымъ очень часто обращаться къ мыслямъ, высказаннымъ о душѣ Сократомъ и Платономъ, старались дать понятіе и о постепенномъ развитіи ученія о душѣ въ направленіи, начавшемся отъ Сократа. Въ частныхъ пунктахъ мы сочли нужнымъ и полезнымъ войдти въ нѣкоторыя подробности психологическаго анализа, представленнаго Платономъ и Аристотелемъ. Какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ ученія о душѣ, представленнаго Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ, въ направленіи, даннымъ Сократомъ, найдется нѣчто такое, что̀ можетъ быть интересно и поучительно и въ настоящее время для тѣхъ, кого занимаютъ вопросы психологическіе.

ГЛАВА I.

Критическій разборъ и опроверженіе мнѣній о душѣ предшествующихъ мыслителей.

Критическій разборъ мнѣній о душѣ, сдѣланный Аристотелемъ. — Критическій разборъ мнѣній о душѣ, представленный Платономъ.

Въ началѣ трактата о душѣ Аристотель излагаетъ мнѣнія о ней, высказанныя предшествующими мыслителями. Вслѣдъ за тѣмъ онъ дѣлаетъ критическій разборъ этихъ мнѣній. Самъ Аристотель считаетъ нужнымъ изложить и критически разобрать мнѣнія о душѣ, высказанныя до него, съ тою цѣлію, чтобы „принять въ нихъ то, что̀ высказано было истинно; а что̀ имѣетъ какія-либо ошибки, того избѣгнуть“ [1]). Для насъ же важно познакомиться съ критическимъ разборомъ Аристотеля мнѣній о душѣ, высказанныхъ до него, въ томъ отношеніи, что этотъ разборъ покажетъ намъ, въ какомъ направленіи обращаются мысли и убѣжденія о душѣ самого автора трактата.

Мнѣнія о душѣ тѣхъ мыслителей, которые считали душу водой, воздухомъ, огнемъ или другимъ матеріальнымъ элементомъ, Аристотель не удостоиваетъ критическаго разбора, находя такія представленія о душѣ слишкомъ грубыми [2]). Съ своимъ критическимъ разборомъ онъ обращается къ мнѣніямъ тѣхъ изъ мыслителей, которые природу души поставляли „въ движеніи“ (ἐπὶ τὸ κινεῖσθαι) и „чувствованіи“ или „познаніи“ (ἐπὶ τό γινώσκειν καὶ τὸ αἰσθάνεσθαι).

Сначала Аристотель разбираетъ мнѣнія, по которымъ сущность души состоитъ „въ движеніи“. Мы однако ограничимся не многими выдержками.

---

[1]) De anim 1, 2, 1. Издан. Тренделенбурга. Ὅπως τὰ μὲν καλῶς εἰρημένα λάβωμεν, εἰ δέ τι μὴ καλῶς τοῦτ' εὐλαβηθῶμεν.

[2]) De anim. 1, 2, 18. Аристотель называетъ «слишкомъ грубыми» (φορτικώτεροι) тѣхъ философовъ, которые считали душу какимъ-либо изъ матеріальныхъ элементовъ.

Всякій предметъ, говоритъ Аристотель, можетъ быть движимымъ или чрезъ себя самого или чрезъ другой предметъ [1]). Душѣ принадлежитъ, конечно, движеніе перваго рода [2]). Такимъ образомъ, душѣ свойственно движеніе; она причастна ему по природѣ. Противоположное движенію есть покой. Если о послѣднемъ разсуждать въ отношеніи къ душѣ такъ же, какъ о первомъ, то какимъ образомъ двѣ противоположныя силы могутъ находиться въ одной природѣ души? [3]) И какое движеніе принадлежитъ душѣ? Если она движется вверхъ, то она будетъ огонь (εἰ μέν ἄνω κινήσεται, πῦρ ἔσται); если она движется внизъ, то будетъ земля (εἰ δὲ κάτω, γῆ). Эти движенія принадлежатъ указаннымъ сейчасъ элементамъ природы.

Разбирая мнѣнія о душѣ, присвоявшія ея природѣ „движеніе“, Аристотель подвергаетъ своему критическому разбору и мнѣніе своего учителя Платона, который также приписывалъ природѣ души движеніе. Аристотель указываетъ на мѣсто въ „Тимеѣ“ [4]), гдѣ говорится, что душа движетъ тѣло. Душа представляется здѣсь въ соединеніи съ элементами природы и движеніе ея названо „круговымъ“ [5]).

Аристотель замѣчаетъ, что Тимей говоритъ здѣсь о міровой душѣ и разумѣетъ, конечно, разумъ. Но разумъ, говоритъ Аристотель, единиченъ и существуетъ одинаково постоянно (συνεχὴς) [6]). По изложенному же ученію душа представлена величиной. Если разумъ есть величина, то какъ онъ мыслитъ—всецѣло или чрезъ части?.. Далѣе, если допустить движеніе души круговое, то нужно допустить, что оно безостановочно. Но какъ согласить съ этимъ то, что наши мысли имѣютъ свои предѣлы и ограниченія; напримѣръ, мысли практическія имѣютъ свой исходъ и конецъ; также мысли отвлеченныя имѣютъ свой предѣлъ, ограничивающій ихъ дальнѣйшее движеніе. Силлогизмъ, когда направляется къ заключенію, идетъ по прямой линіи, а не по круговой. Наконецъ, здѣсь снова можно спросить, какъ объяснить въ душѣ покой, если ея движеніе постоянно? и проч.

---

[1]) De anim 1, 3, 2. Διχῶς δε κινημένη πάντος ἢ γὰρ καθ' ἕτερον ἢ κατ' αὐτό.

[2]) De anim. 1, 3, 4. Τῆς δε ψυχῆς ἔσται, εἴπερ φύσει κινήσεως μετέχει.

[3]) De anim. 1, 3, 4, Καὶ ἠρεμεῖ ἐν τοῦτω φύσει. Ποίαι δέ βιαίοι τῆς ψυχῆς κινήσεις ἔσονται καὶ ἠρεμίαι

[4]) De anim. 1, 3, 11.

[5]) De anim. 1, 3, 11—22.

[6]) Аристотель поясняетъ тутъ же, въ какомъ смыслѣ νοῦς онъ называетъ συνεχὴς, именно. νοῦς συνεχὴς онъ понимаетъ въ смыслѣ ἀμερὴς (недѣлимый), въ противоположность μεγεθος—величинѣ, множеству, дѣлимому на части (μεριστόν).

Тѣ мыслители, которые поставляли сущность души въ чувствованіи, говорили, что человѣкъ чувствуетъ и познаетъ вещи чрезъ элементы, которые составляютъ его природу [1]). Аристотель указываетъ на Эмпедокла и приводитъ его собственныя слова: „чрезъ землю мы знаемъ землю, чрезъ воду—воду, чрезъ воздухъ мы знаемъ воздухъ божественный, чрезъ любовь познаемъ любовь, чрезъ вражду—вражду ненавистную". Сюда относятся всѣ тѣ мыслители, которые говорили, что „подобное познается чрезъ подобное". Аристотель, въ опроверженіе этихъ мыслителей, умозаключаетъ такимъ образомъ: если познается подобное чрезъ подобное, то душа въ нѣкоторомъ родѣ сама будетъ тѣ же самые элементы, которые познаютъ подобное себѣ [2]). Положимъ, продолжаетъ Аристотель, что душа познаетъ элементы указаннымъ образомъ, но чѣмъ и какъ познаетъ она совмѣстное существованіе вещей? Какъ чувствуетъ она, что̀ такое Богъ, человѣкъ, тѣло, кость? Нужно спросить: не существуетъ ли въ душѣ камень, человѣкъ и проч., также количество, качество и другія категоріи? Если подобное познается чрезъ подобное, то у насъ будетъ больше незнанія, чѣмъ знанія, ибо земля, напримѣръ, не способна чувствовать. Съ другой стороны, для насъ достаточно бываетъ одного изъ противоположныхъ элементовъ, чтобы судить о другомъ изъ нихъ; напримѣръ, достаточно знанія о прямомъ, чтобы судить о томъ, что̀ криво.

Такъ критикуетъ Аристотель мнѣнія о душѣ предшествующихъ мыслителей. Изъ всего критическаго разбора Аристотеля видно, что онъ нападаетъ на представленія о душѣ, заимствованныя изъ міра матеріальнаго и вещественнаго. Недостатокъ, допущенный мыслителями,—представлять душу и ея дѣйствіе матеріально Аристотель находитъ до такой степени общимъ всѣмъ мыслителямъ, жившимъ до него, что даже своего учителя Платона обличаетъ (хотя не вполнѣ справедливо, какъ мы увидимъ дальше) въ томъ же недостаткѣ. Понятно, что Аристотель свои мысли и убѣжденія о душѣ вынесъ изъ новаго ученія о ней, даннаго Сократомъ, который въ первый разъ высказалъ рѣзкое разграниченіе между тѣломъ и душею и провозгласилъ нематеріальность и невещественность души.

Но раньше Аристотеля Платонъ, проникнутый духомъ ученія о душѣ, высказаннаго Сократомъ, опровергалъ нѣкоторыя мнѣнія пред-

---

[1]) De anim 1, 5, 5

[2]) De anim 1, 5, 5. Τίθενται γαρ γνωρίζειν τῷ ὁμοίῳ το ὅμοιον, ὥσπερ ἂν εἰ τὴν ψυχὴν τὰ πραγματα τιθεντες

шествующихъ мыслителей о ней въ томъ же духѣ и направленіи, въ какомъ опровергаетъ ихъ Аристотель. Въ „Федонѣ", напримѣръ, Платонъ опровергаетъ мнѣніе о душѣ, какъ гармоніи, высказанное Пиѳагорейцами [1]).

Гармонія, говоритъ Платонъ, есть вещь сложная. Душа въ этомъ смыслѣ есть нѣкоторая гармонія, сложенная изъ элементовъ и зависящая отъ напряженія этихъ элементовъ. Раньше Платонъ доказывалъ, что душа существовала раньше тѣла. Если это справедливо, заключаетъ Платонъ, то душа не походитъ на гармонію, потому что въ гармоніи сначала получаютъ существованіе и лира и звуки и струны, гармонія же является послѣ. Далѣе Платонъ указываетъ на то, что гармонія необходимо зависитъ отъ частей, входящихъ въ ея составъ, такъ что если лира настроена выше, то и гармонія дѣлается выше. Не то бываетъ въ душевной жизни. Здѣсь, съ одной стороны, выдвигаются тѣлесныя пожеланія и страсти, съ другой — разсудительность, противоборствующая страстямъ и господствующая надъ ними. Случается, что человѣка мучитъ зной или жажда, но душа или разумъ воспрещаетъ ему пить; человѣка томитъ голодъ, но душа побуждаетъ къ противному—не ѣсть. Образное представленіе этого акта души Платонъ находитъ у поэта:

> Въ грудь онъ (Одиссей) ударилъ себя и сказалъ:
> Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло.

ГЛАВА II.

Опредѣленіе души.

Опредѣленіе души, данное Сократомъ — Опредѣленіе души, данное Платономъ — Опредѣленіе души, данное Аристотелемъ — Общій выводъ. — Рѣшеніе Аристотелемъ вопроса: «не тожественна ли душа съ тѣломъ».

Что̀ такое душа?

Этотъ вопросъ послѣ Сократа получилъ, какъ мы видѣли, особенную важность. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался и особенно труднымъ для рѣшенія.

Сократъ ограничился, кажется, по преимуществу отрицательными опредѣленіями души. Онъ указывалъ на душу, какъ на нѣчто иное, отличное отъ тѣла (ἕτερον τι καὶ ἄλλο), противоположное сему послѣд-

---

[1]) Phaed. 91, A — 95, A.

нему. Онъ называлъ душу „невидимой“, въ противоположность тѣлу видимому (ὁρᾶται δὲ οὐδ' αὐτή· οὐδὲ γὰρ τὴν ἑαυτοῦ σύ γε ψυχὴν ὁρᾷς) [1]). Сократъ находилъ достаточнымъ признавать существованіе въ насъ души по тѣмъ несомнѣннымъ признакамъ ея дѣйствія въ насъ, по которымъ она является господствующею въ насъ (ὅτι μεν γαρ βασιλεύει ἐν ἡμῖν, φανερὸν) [2]). „Ты не видишь своей души, говоритъ Сократъ Аристодему, которая управляетъ твоимъ тѣломъ; поэтому можно сказать тебѣ, что ты все дѣлаешь по случаю, а не по предварительному разсужденію“ [3]). „Вы не видите моей души, повторяетъ у Ксенофонта слова Сократа умирающій Киръ, но вы наблюдаете ее, какъ дѣйствительно существующую (αὐτὴν ὡς οὖσαν κατεφορᾶται), въ тѣхъ несомнѣнныхъ дѣйствіяхъ, которыя она производитъ“ [4]). Господство души надъ тѣломъ Сократъ называлъ иначе господствомъ „разума“. Послѣдній признавалъ онъ началомъ божественнымъ въ насъ. Въ силу даннаго намъ разума мы, по словамъ Сократа, способны „къ ученію“ (μαθησις) и „произвольному выбору“ (προαίρεσις) и тѣмъ отличаемся отъ животныхъ. На „разумъ“ (νοῦς) мы можемъ такимъ образомъ смотрѣть, какъ на положительное опредѣленіе души, данное Сократомъ. Мы увидимъ послѣ, что Платонъ, глубоко проникнутый ученіемъ Сократа „о разумѣ“, какъ началѣ божественномъ съ насъ, стремился постигнуть природу нашей души въ тѣхъ проявленіяхъ, въ которыхъ она обнаруживаетъ себя въ насъ стороною разумной.

У Платона мы встрѣчаемъ, вопервыхъ, тѣ же отрицательныя опредѣленія души, какъ и у Сократа. Платонъ весьма много говоритъ о душѣ въ діалогѣ „Федонъ“. Извѣстно, что въ этомъ діалогѣ Платонъ передаетъ послѣднюю бесѣду Сократа съ учениками. Согласно обстоятельствамъ, бесѣда рѣшаетъ вопросы о душѣ и ея безсмертіи. „Если мы будемъ существовать и за гробомъ, то это существованіе продолжится не иначе, какъ чрезъ безсмертную душу“. Что же такое душа, которой несвойственно умереть? Замѣчательно, что Платонъ повторяетъ здѣсь отъ лица Сократа то же, что передано о душѣ Ксенофонтомъ. Душа наша, говорится здѣсь, „невидима“ и „не принадлежитъ къ роду вещей чувственныхъ“; она „господствуетъ надъ тѣломъ и управляетъ имъ“; „существенное свойство ея есть разум-

[1]) Memorabil. IV, 4, 14.

[2]) Memorabil. III, 4, 14.

[3]) Memorabil. 1, 4, 9. Οὐδέ γάρ τὴν ἑαυτοῦ σύ γε ψυχὴν ὁρᾷς ἢ τοῦ σώματος κυρία ἐστίν, ὥστε κατά γε τοῦτο ἔξεστί σοι λέγειν, ὅτι οὐδὲν γνώμῃ, ἀλλὰ τύχῃ πάντα πράττεις.

[4]) Cyroped. VIII, 7, 17.

ность“ [1]). Эти опредѣленія души у Платона обставлены болѣе полно и выражены болѣе методически, чѣмъ у Ксенофонта. Нужно сказать, что Платонъ выработалъ и свое собственное воззрѣніе на міръ. Это міровоззрѣніе онъ вводитъ и тамъ, гдѣ, повидимому, передаетъ лишь мысли своего учителя Сократа. Поэтому, считаемъ нужнымъ кратко передать здѣсь собственное міровоззрѣніе Платона. Оно достаточно высказано Платономъ въ томъ же діалогѣ „Федонъ“.

Платонъ выработалъ такой взглядъ на вещи. Всѣ вещи, которыя мы видимъ и ощущаемъ или воспринимаемъ чувственными органами, нельзя назвать истинно существующими, потому что онѣ никогда и нигдѣ не существуютъ одинаковымъ образомъ; онѣ измѣнчивы и преходящи. Но тѣмъ же самымъ вещамъ присуще неизмѣнное, постоянное, истинно существующее. Измѣнчивы эти видимыя и ощущаемыя вещи, потому что онѣ сложны. Входящее въ вещи или исходящее изъ нихъ производитъ въ нихъ перемѣну и не позволяетъ имъ оставаться одинаковымъ образомъ. Эти видимыя вещи, по ихъ постоянной измѣнчивости, Платонъ называетъ „образами“ (εἰκόνες), „видами“ (εἴδη), „кажущимся“, „являющимся“. Такъ какъ эти образы вещей воспринимаются нашими чувствами, то Платонъ называетъ ихъ „чувственными образами“, въ противоположность познаваемому нашимъ умомъ. Хотя неизмѣнное, истинно сущее мы нигдѣ не можемъ наблюдать внѣшними чувствами, тѣмъ не менѣе познавать это непзмѣнное мы можемъ при помощи разума.

Когда Платонъ приступаетъ къ доказательству [2]), что душа не можетъ умереть или разрушиться, онъ спрашиваетъ, что̀ подлежитъ разрушенію или исчезновенію? „Не тому ли, говоритъ онъ, что̀ слагается и сложно по природѣ, свойственно вступать въ это состояніе, то-есть, раздѣляться на свои начала“? Отличить, что̀ сложно и что̀ несложно, не трудно. „Всегда то же существующее тѣмъ же образомъ не есть ли несложное? Бывающее иногда такъ, иногда иначе и никогда не остающееся тѣмъ же, не есть ли сложное?“ [3]). „Не правда ли, послѣднее ты можешь постигать осязаніемъ, зрѣніемъ и другими чувствами, а первое, существующее одинаковымъ образомъ, можно постигать не иначе, какъ умомъ, поелику оно не имѣетъ вида и не

---

[1]) Phaed. 79, C. Ibid. 79, A. B. Ibid. 80, A. Ibid. 79, D. Τῇ (ψυχῇ) δε ἄρχειν καὶ δεσπόζειν (προστάττει).

[2]) Phaed 78, C. Перевод. Карпова.

[3]) Phaed. 78, C

подлежитъ зрѣнію“ [1]). „Существа невидимыя и безвидныя всегда одинаковы, продолжаетъ Платонъ; а видимыя никогда не остаются тѣми же“ [2]). Если такимъ же образомъ говорить о природѣ человѣческой, то о душѣ нужно сказать, что она „невидима и болѣе походитъ на существо безвидное“; „ей болѣе сродно быть существомъ тождественнымъ, однороднымъ, слѣдовательно и не разрушаться“ [3]). Для доказательства, что душа именно такова, Платонъ указываетъ на стремленія нашей души къ одному чистому, всегда сущему, безсмертному, божественному, тождественному и проч. Все это ей сродно, ибо она сама такова по своей природѣ.

Видно, что указанныя опредѣленія души суть опредѣленія отрицательныя, то-есть, о душѣ высказывается то, что̀ она не есть, что̀ ей не принадлежитъ. Такія опредѣленія часто можно встрѣтить у Платона. Въ „Тимеѣ“, напримѣръ, Платонъ называетъ душу „недѣлимой на части“ (ἀμερὶστος), въ противоположность тѣламъ, дѣлимымъ на части [4]). Въ „Федонѣ“ присвояетъ онъ душѣ „жизнь“, въ противоположность смерти [5]) и проч.

Здѣсь неизлишне сказать, что опредѣленіе „отъ противоположнаго“ Платонъ возвелъ въ принципъ методическаго опредѣленія. Опредѣленія этого рода онъ основалъ на законахъ нашего разума или нашей души. По словамъ Платона, „душа наша мыслитъ и познаетъ общее и отличное (κοινὸν καὶ ἕτερον) въ ощущеніяхъ, подобное и неподобное, тоже и противоположное“. [6]) Это такой всеобщій законъ познавательной дѣятельности нашей души, что онъ при помощи памяти распространяется на самыя разнообразныя наши ощущенія— настоящія и прошедшія. „Наша мысль, по словамъ Платона, не иначе

---

[1]) Phaed. 79, A.

[2]) Phaed. 79, A.

[3]) Phaed. 79, B. Τί οὖν περὶ ψυχῆς λέγομεν; ὁρατὸν εἶναι ἢ οὐχ' ὁρατὸν; οὐχ' ὁρατὸν. Ἀειδὲς ἄρα; Ναί. Ibid 79, E. Ὅλῳ καὶ πάντι ὁμοιότερόν ἐστι ψυχὴ τῷ ἀεὶ ὡσαύτως ἔχοντί μᾶλλον ἢ τῷ μή. Ibid. 8, 13. Τῷ μέν θείῳ καὶ ἀθανάτῳ καὶ νοητῷ καὶ μονοειδεῖ καὶ ἀδιαλύτῳ καὶ ἀεὶ ὡσαύτως κατὰ ταὐτὰ ἔχοντι εαὐτῷ ὁμοιότατον εἶναι ψυχὴν, τῷ δ' ἀνθρωπίνῳ καὶ θνητῷ καὶ ἀνοήτῳ καὶ πολυειδεῖ καὶ διαλυτῷ καὶ μηδέποτε κατὰ ταὐτὰ ἔχοντι εαὐτῷ ὁμοιότατον αὖ εἶνσι σῶμα. Ibid. 79, C. Ὅταν δέ γε αὐτὴ καθ' αὑτὴν σκοπῇ, ἐκεῖσε οἴχεται εἰς τὸ καθαρὸν τε καὶ ἀεὶ ὂν καὶ ἀθάνατον καὶ ὡσαύτως ἔχον.

[4]) Tim. 35.

[5]) Phaed. 106, C, D.

[6]) Teaet. 186, A. Ἦ καὶ τὸ ὅμοιον καὶ τὸ ἀνόμοιον, καὶ τὸ ταὐτὸ καὶ ἕτερον. Ibid. 185, D. Αὐτὴ ἡ ψυχὴ τὰ κοινὰ μοι φαίνεται περὶ πάντων ἐπισκοπεῖν.

возбуждается, какъ противоположными ощущеніями“ [1]). Но мы будемъ еще имѣть возможность не одинъ разъ указать на значеніе указаннаго закона нашего разума. Платонъ открылъ этотъ законъ и умѣлъ воспользоваться имъ въ широкихъ размѣрахъ.

Между опредѣленіями души, данными Платономъ, неизлишнимъ считаемъ упомянуть еще объ одномъ. Платонъ приписываетъ природѣ души „движеніе“. Душа движетъ сама себя [2]) и другое, отъ нея отличное. Мы видѣли выше, что Аристотель критикуетъ это опредѣленіе души, данное Платономъ, и находитъ его ошибочнымъ. Аристотель беретъ это опредѣленіе изъ діалога Платона „Тимей“; но оно же высказано Платономъ и въ другомъ діалогѣ „Федръ“. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ діалогѣ говорится о „міровой душѣ“. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что указанное сейчасъ опредѣленіе души получено Платономъ тѣмъ же путемъ, какимъ получены и перечисленныя выше опредѣленія. Въ „Федрѣ“ Платонъ говоритъ, что въ мірѣ одно движется чрезъ само себя, другое получаетъ движеніе отъ иного; первое существуетъ съ движеніемъ непрерывнымъ, безостановочнымъ, во второмъ, напротивъ, движеніе существуетъ съ перерывами [3]). Отсюда онъ заключаетъ, что то, что̀ составляетъ начало движенія, должно существовать съ движеніемъ непрерывнымъ и не можетъ разрушиться, „иначе за его разрушеніемъ послѣдовало бы сліяніе и остановка всего неба, всего рожденія и не было бы уже причины, по которой движимое снова пришло бы въ движеніе“ [4]). Съ такимъ непрерывнымъ движеніемъ (ἀεικίνητον) существуетъ въ мірѣ душа, какъ самодвижущееся (τὸ αὐτὸ κινοῦν), въ противоположность движимому отъ другаго (ὑπ᾽ἄλλου κινούμενον), въ которомъ движеніе начинается и прекращается.

Платонъ сознаетъ вообще трудность сказать, что̀ такое душа въ ея чистой природѣ. Въ X книгѣ „Политики“ онъ говоритъ, что въ настоящей жизни, когда душу мы знаемъ въ соединеніи съ тѣломъ и въ поврежденномъ состояніи ея, для насъ совершенно невозможно знаніе чистой и истинной природы души. Вотъ какъ онъ описываетъ здѣсь душу, какою она является и въ настоящей жизни. „Если бы

---

[1]) De Rep. Lib. VII, 523, C, 524, D.

[2]) Phaed. 245, E. Μὴ ἄλλο τι εἶναι τὸ αὐτὸ ἑαυτὸ κινοῦν ἡ ψυχὴ.

[3]) Phaedr. 245, C. Τὸ δ᾽ ἄλλο κινοῦν καὶ ὑπ᾽ ἄλλου κινούμενον παῦλαν ἔχον παύλαν ἔχει ζωῆς. Μόνον δὴ τὸ αὐτὸ κινοῦν, ἅτε οὐκ ἀπολεῖπον ἑαυτό, οὐ πότε λῆγει κινούμενον, ἀλλα καὶ τοῖς ἄλλοις ὅσα κινεῖται τοῦτο πηγὴ καὶ ἀρχὴ κινήσεως.

[4]) Phaedr. 245, D.

мы смотрѣли на Главкона, живущаго въ морѣ, мы не легко узнали бы его прежнюю природу, оттого что изъ прежнихъ частей его тѣла однѣ переломались, другія стерлись и совершенно испорчены волнами, иныя же приросли вновь, образовавшись изъ раковинъ, морскихъ мховъ и кремней до того, что его природа стала походить гораздо скорѣе на звѣриную, чѣмъ на прежнюю". „Такъ созерцаемъ мы и душу, исполненную многихъ золъ" [1]. Чтобы понять природу души, на сколько это возможно для насъ, нужно, по убѣжденію Платона, обратиться „къ философіи души" [2], то-есть, нужно наблюдать, къ чему она привязывается. Въ „Федрѣ" Платонъ представилъ намъ истинную привязанность души и ея стремленія. Узнать стремленія души значитъ, по смыслу Платона, узнать „идею" души. Эту идею души въ „Федрѣ" Платонъ передаетъ при помощи миѳа.

„Мы уподобимъ ее (то-есть, идею души) нераздѣльной силѣ крылатой пары запряженныхъ коней и возничаго" [3], такъ начинаетъ Платонъ. Стремленіе этой пары, управляемой возничимъ, направлено подъ высшее пространство небеснаго свода. Кони, худо накормленные, порываясь вверхъ, тяготѣютъ къ землѣ. Пища души, замѣчаетъ Платонъ, есть созерцаніе сущаго, божественнаго. Отъ этой пищи возрастаютъ крылья души. Платонъ въ блестящихъ и сильныхъ поэтическихъ выраженіяхъ описываетъ состояніе души, когда она порывается вверхъ къ небесной красотѣ,—всю тревогу ея, когда она не можетъ подняться вверхъ и ослабѣваетъ. Мы не будемъ излагать миѳа далѣе. Платонъ этимъ миѳомъ старается показать, что въ душѣ нашей, — въ глубинѣ ея природы лежитъ „стремленіе", которое дѣлается неудержимымъ, страстнымъ, не даетъ человѣку покоя, постоянно держитъ его въ напряженіи, гонитъ, нудитъ его. Это стремленіе есть нѣчто божественное въ насъ и влечетъ къ сродному себѣ. Истинное назначеніе этого стремленія состоитъ въ достиженіи истиннаго познанія. Достиженіе познанія возможно для человѣка въ настоящемъ его положеніи только постепенное. Платонъ представляетъ въ упомянутомъ миѳѣ самую постепенность достиженія истиннаго знанія. Знаніе начинается съ отдѣльныхъ предметовъ, или стремле-

---

[1]) De rep. Lib. X, 611, D. Οὕτω καὶ τὴν ψυχὴν ἡμεῖς θεώμεθα, διακειμένην ὑπὸ μυρίων κακῶν.

[2]) De rep. Lib. X, 611, D. Εἰς τὴν φιλοσοφίαν αὐτῆς (ψυχῆς) δεῖ ἐκεῖσε βλέπειν, καὶ ἐννοεῖν ἅπτεται.

[3]) Phaedr. 246, A—256, E. Περὶ δε τῆς ἰδέας αὐτῆς (ψυχῆς) ὧδε λεκτέον. Ἐοικέτο δὴ ξυμφύτῳ δυνάμει ὑποπτέρῳ ζεύγει τε καὶ ἡνιόχῳ

ніе къ званію первоначально обнаруживается въ привязанности къ отдѣльнымъ видимымъ предметамъ Стремленіе души часто задерживается на низшей ступени, находя свой исходъ въ привязанности къ чувственнымъ предметамъ. Оно дѣлается тогда страстію грубою, безумною, недостойною истиннаго назначенія человѣка.

Платонъ сошелся такимъ образомъ съ Сократомъ въ опредѣленіи сущности нашей души, поставляя истинную природу ея въ „разумѣ“ (νοῦς) и „разумности“ (φρόνησις). Послѣднюю онъ называетъ въ „Федонѣ“ существеннымъ свойствомъ души [1]).

Переходимъ къ опредѣленію души, данному Аристотелемъ.

Мы съ намѣреніемъ довольно подробно изложили рѣшеніе вопроса о сущности и природѣ души, какое дано Сократомъ и Платономъ. Аристотель, изложивши мнѣнія о душѣ предшествующихъ мыслителей, совершенно не упомянулъ о мнѣніи Сократа и едва коснулся мнѣнія Платона. У послѣдняго онъ взялъ для своего критическаго разбора такое мнѣніе, которое, по нашему убѣжденію, не есть главное. Какъ мы видѣли, Сократомъ и Платономъ было высказано о душѣ и ея сущности многое такое, чего Аристотель не могъ и не долженъ былъ обойдти молчаніемъ для полнаго разбора мнѣній о душѣ мыслителей, живших до него.

Всегда сознавалась трудность понять опредѣленіе души, данное Аристотелемъ. Намъ кажется, что эта трудность уменьшится, если мы при изложеніи ученія Аристотеля будемъ обращаться къ тѣмъ же или подобнымъ мыслямъ, высказаннымъ Сократомъ и Платономъ. Мы уже видѣли, что Аристотель критикуетъ мнѣнія о душѣ предшествующихъ мыслителей въ томъ направленіи, начало которому положилъ Сократъ, и которому слѣдовалъ Платонъ. Хотя Аристотель представилъ свое оригинальное опредѣленіе души, отличное отъ опредѣленія ея, даннаго Сократомъ и Платономъ, тѣмъ не менѣе метафизическое міровоззрѣніе Аристотеля, изъ котораго вытекло его опредѣленіе души, выработано имъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ философіи Сократа и Платона.

Порядокъ нашего изложенія слѣдуетъ плану, принятому Аристотелемъ въ его трактатѣ о душѣ.

Опредѣленіе души дано Аристотелемъ въ началѣ 2-й книги трактата, въ которой начинается изложеніе собственнаго ученія о душѣ Аристотеля. „Попытаемся, говоритъ онъ, опредѣлить, что̀ такое

[1]) Phaed. 71, D.

душа, и дать объ ней возможно „общее понятіе“ (κοινότατος λόγος αὐτῆς) [1]).

Въ началѣ трактата Аристотель, подобно Платону, заявляетъ о трудности дать опредѣленіе души и вообще разсуждать о душѣ [2]). Во 2-й книгѣ трактата Аристотель, приступая къ опредѣленію души, предпосылаетъ опредѣленіе „сущности“ вообще. „Въ сущности, говоритъ онъ, на первомъ мѣстѣ нужно отличать матерію, которая есть то, что̀ не существуетъ само по себѣ; на второмъ — форму, видъ, иначе сказать то, почему вещь носитъ извѣстное названіе; наконецъ, третье, происшедшее изъ этихъ двухъ“ [3]). Извѣстно, что Аристотель старался не сходиться съ Платономъ въ философскомъ мышленіи. И въ понятіи сущности онъ разошелся съ Платономъ. Платонъ сущностями называлъ идеи. Послѣднія онъ описывалъ безтѣлесными, безвидными, умственными. Аристотель отвергъ умственныя идеи Платона и въ сущность внесъ и матерію. Но Аристотель тѣмъ не менѣе самымъ опредѣленіемъ сущности показалъ себя ученикомъ Платона и послѣдователемъ направленія, начавшагося съ Сократа. Главное въ сущности, по убѣжденію Аристотеля, это—форма, видъ (εἶδος), иначе— то̀, по чему вещь носитъ извѣстное названіе. Платонъ называлъ свои идеи образцами (παραδείγματα) и образцовыми формами вещей, по которымъ вещи носятъ извѣстное названіе [4]). Онъ также, какъ и Ари-

---

[1]) De anim. 2, 1, 1. Πειρώμενοι διορίσαι τί ἐστι ψυχὴ καὶ τίς ἂν εἴη κοινότατος λόγος αὐτῆς.

[2]) De anim. 1, 1, 2 Πάντῃ δὲ πάντως ἐστὶ τῶν χαλεποτάτων λαβεῖν τίνα πίστιν περὶ αὐτῆς (ψυχῆς) Первая глава трактата показываетъ, какъ близко ставилъ Аристотель свои размышленія о душѣ со всѣмъ, что̀ было высказано о ней Платономъ. Бо̀льшая часть затрудненій въ изслѣдованіяхъ о душѣ, какія представлялись Аристотелю, высказана Платономъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ трудностей единственно въ первый разъ столкнулся Платонъ. Онѣ вытекали изъ извѣстнаго рѣшенья вопросовъ о душѣ, предлагаемаго въ томъ направленіи мыслей о ней, въ которомъ обращался Платонъ согласно своему міровоззрѣнію; напримѣръ, изъ частей состоитъ душа, или она не дѣлима на части; различаются ли души только въ видахъ, или различаются онѣ и въ родѣ и проч.

[3]) De anim. 2, 1, 2. Ταύτης (οὐσίας) δὲ τὸ μὲν ὡς ὕλην, ὃ καθ' αὑτὸ μὲν οὐκ ἔστι τόδε τι, ἕτερον δὲ μορφὴν καὶ εἶδος, καθ' ἣν ἤδη λέγεται τόδε τι, καὶ τρίτον τὸ ἐκ τοῦτων. Платонъ представляетъ въ «Филебѣ» четыре вида, по которымъ произошли вещи: «я полагаю, говоритъ онъ, первымъ видомъ неопредѣленное, вторымъ — опредѣленное, третьимъ — существо произведенное, четвертымъ — причину смѣшенія». Phileb. 27, B. То же дѣленіе представляетъ Платонъ въ «Тимеѣ». Tim. 28, B.

[4]) Phaed. 103, E.

стотель, говорилъ о матеріи, какъ о чемъ-то несуществующемъ (τὸ μὴ ὄν) и непознаваемомъ, (ἄγνωστον) [1]) Коль скоро въ матерію входятъ идеи, изъ соединенія происходитъ извѣстная опредѣленная вещь, Аристотель, въ противоположность Платону, назвалъ форму и матерію нигдѣ и никогда не существующими раздѣльно и отдѣлимыми одна отъ другой только въ нашей мысли при помощи разума (κατὰ τὸν λόγον) Кажется, самъ Платонъ подалъ поводъ къ такому смѣшенію формы и матеріи. Онъ физическіе элементы, напримѣръ, огонь, воздухъ и проч, называлъ также идеями [2]). Какимъ же образомъ въ огнѣ, напримѣръ, который матеріаленъ, матерію можно представить существующей отдѣльно отъ формы [3])? „Всѣ тѣла, говоритъ Аристотель, есть, кажется, сущности, и въ частности, тѣла природы: ибо онѣ составляютъ элементы другихъ тѣлъ“ [4]). Платонъ, говоря объ идеяхъ и образахъ или видахъ, различалъ то и другое „по способу познаванія“ нами тѣхъ и другихъ. Образы или виды подлежатъ наблюденію нашихъ чувствъ; идеи познаются и созерцаются нашимъ умомъ (εἶδω вижу, знаю). Если онъ говоритъ объ объективномъ существованіи того, что мы познаемъ чрезъ чувства и умъ, то познаваемое чувствами онъ называлъ „смѣшаннымъ“, „нечистымъ“; напротивъ, познаваемое умомъ называлъ не смѣшаннымъ, чистымъ. Чистыя начала входятъ въ соединеніе съ другими началами и съ матеріей (ἐκμαγεῖον) и чрезъ это теряютъ свою чистоту. Въ этомъ видѣ они дѣлаются доступными наблюденію нашихъ чувствъ, проявляя свою силу въ соединеніи. То, что Платонъ называетъ чистыми началами, Аристотель называетъ сущностями „въ возможности“, а начала въ проявленіи или соединеніи съ другими онъ называетъ сущностями „въ актѣ“, „энтелехіи“, въ полной и совершенной „реальности“; напримѣръ, огонь, въ соединеніи съ матеріаломъ сгараемымъ (καυστὸν), есть огонь „въ актѣ“, въ полной „реальности“; огонь же, не соединенный ни съ чѣмъ, огонь, какъ начало чистое, есть огонь „въ возможности“.

Душа, по опредѣленію Аристотеля, есть сущность. Въ трактатѣ Аристотеля о душѣ является особый терминъ, равносильный сущности и съ одинаковымъ значеніемъ; это—„энтелехія“ (ἐντελέχεια). По объ-

---

[1]) Tim. 49. Δύναμις τοιάνδε μάλιςα πάσης εἶναι γενέσεως ὑποδοχὴν αὐτὸ οἷον τιθήνην. Arist. Met. 111, 4. Τὸ δυνάμει ὂν καὶ μὴ ἐντελέχεια ἀόριςόν ἐστιν

[2]) Tim. 51.

[3]) Phys. 11, 1. Ἡ μορφὴ καὶ τὸ εἶδος οὐ χωριστὸν ὄν, ἀλλ' ἡ κατὰ τὸν λόγον.

[4]) De anim. 2, 1, 3. Οὐσίαι δὲ μάλις' εἶναι δοκοῦσι τὰ σώματα, καὶ τούτων τὰ φυσικα ταῦτα γὰρ των ἄλλων ἀρχαὶ.

ясненію филологическому, ἐντελέχεια есть слово составное. Оно сложено изъ „ἐν„ (предл.) „τέλος“ — конецъ, цѣль и „ἔχειν“ — имѣть [1]). Самъ Аристотель, употребивъ терминъ: „энтелехія“, прибавляетъ, что „энтелехію“ нужно понимать въ двоякомъ смыслѣ: или какъ „знаніе“ (ἐπιστήμη) вообще, или какъ „наблюденіе“ (θεωρεῖν) или знаніе въ актѣ. Въ другомъ мѣстѣ этой же главы Аристотель объясняетъ свое пониманіе „энтелехіи“ другимъ сравненіемъ: то, что онъ назвалъ выше „наблюденіемъ“, или знаніемъ въ актѣ, здѣсь онъ сравниваетъ съ „бодрствованіемъ“ (ἐγρήγορσις), въ противоположность „сну“ (ὕπνος), въ которомъ нѣтъ дѣйствія, но силы находятся въ возможности дѣйствовать [2]). Природѣ энтелехіи Аристотель присвояетъ „энергію“ (ἐνέργεια), въ которой заключается и дѣйствіе и начальный толчекъ къ дѣйствію. Все это напоминаетъ намъ стремленіе идеи Платона.

Замѣчаютъ, что Аристотель пользуется терминомъ „энтелехія“ по преимуществу въ трактатѣ о душѣ и душу называетъ по преимуществу „энтелехіей“. Мы обратимъ вниманіе на то раздѣленіе сущностей, которое считаетъ нужнымъ сдѣлать Аристотель въ трактатѣ о душѣ. „Между тѣлами, говоритъ онъ, однѣ имѣютъ жизнь (ἔχει ζωήν), другія ея не имѣютъ“. Первыя, по замѣчанію Аристотеля, суть тоже сущности, но сущности „сложныя“ (συνθέτη) [3]). Затрудняются понять, что Аристотель называетъ сложными сущностями. Сентъ-Илеръ (Saint-Hilaire) замѣчаетъ, что тутъ никакой нѣтъ трудности, что Аристотель указалъ лишь на вышеприведенное опредѣленіе сущности, по которому послѣдняя состоитъ изъ формы и матеріи, и изъ третьяго, составленнаго изъ той и другой [4]). Намъ кажется замѣчаніе Сентъ-Илера невѣрнымъ. Аристотель недаромъ замѣчаетъ это о тѣлахъ, имѣющихъ жизнь. Каждое тѣло есть сущность, но не каждое тѣло имѣетъ жизнь. Сложная или составная сущность имѣетъ въ своемъ составѣ другія сущности. Но эти послѣднія, входящія въ составъ главной сущности, суть второстепенныя. Ихъ Аристотель называетъ въ другомъ мѣстѣ „состихіями“ (συνστοιχίαι) [5]). У Платона въ „Фе-

---

[1]) Trendelenb., De anim. Comment. стр. 319—21.

[2]) De anim 2, 1, 2. Καὶ τοῦτο διχῶς, τὸ μὲν ὡς ἐπιστήμη, τὸ δ' ὡς τὸ θεωρεῖν. Ibid. 2, 1, 5. Ἐν γαρ τῷ ὑπάρχειν τὴν ψυχὴν καὶ ὕπνος καὶ ἐγρήγορσίς ἐστιν, ἀνάλογον δ' ἡ μὲν ἐγρήγορσις τῷ θεωρεῖν, ὁ δ' ὕπνος τῷ ἔχειν καὶ μὴ ἐνεργεῖν.

[3]) De anim. 2, 1, 3. Τῶν δε φυσικῶν τὰ μὲν ἔχει ζωὴν, τά δ' οὐκ ἔχει. Οὐσία δ' οὕτως ὡς συντέθη.

[4]) Traité de l'ame 163 стр. прим.

[5]) Arist. Met. A, 7.

донѣ“ есть замѣчаніе: „другое дѣло — причина, говоритъ здѣсь Сократъ, и другое дѣло—то, безъ чего причина не могла быть причиной“ [1]). Подъ первой причиной Платонъ разумѣетъ умъ и его дѣйствіе; остальное, чѣмъ умъ распоряжается, есть матерія. Аристотель первую причину въ сложныхъ сущностяхъ называетъ „душею“. Второстепенныя сущности въ общемъ своемъ соединеніи въ существѣ органическомъ составляютъ то, что обыкновенно называется „тѣломъ“. Въ отношеніи къ главной причинѣ, которую иначе нужно назвать „формой“, второстепенныя сущности занимаютъ мѣсто „матеріи“ или субстрата (μᾶλλον δε ὡς ὑποκείμερον καὶ ὕλη). „Душѣ, говоритъ Аристотель, необходимо быть формой тѣла, имѣющаго жизнь въ возможности“ [2]). Понятно, почему здѣсь потребовался Аристотелю по преимуществу терминъ, который бы выражалъ собою, что существо въ основаніи своей природы имѣетъ стремленіе къ опредѣленной, разумной цѣли (ἐντελέχεια—имѣющая въ себѣ цѣль). Въ этомъ терминѣ, на который привыкли смотрѣть, какъ на собственность, принадлежащую исключительно Аристотелю, выражается лишь характеристика цѣлаго философскаго направленія, признавшаго дѣйствіе въ мірѣ разумныхъ цѣлей; такъ мыслили Сократъ и Платонъ. „Душа, говоритъ Аристотель, есть энтелехія тѣла, имѣющаго жизнь въ возможности“ [3]). Мысль Аристотеля въ данномъ сейчасъ опредѣленіи души будетъ для насъ ясна, когда мы обратимся, напримѣръ, къ объясненію Аристотеля, какъ происходитъ въ насъ питаніе. Аристотель передаетъ, что происхожденіе въ насъ питанія объясняли различнымъ образомъ: одни предложили теорію, что „подобное питаетъ подобное“; другіе доказывали, что главная причина совершенія въ насъ питанія есть огонь. Аристотель старается доказать, что тѣ и другіе говорили невѣрно. Нельзя считать огонь, напримѣръ, главною причиной, производящею въ насъ питаніе. Огонь способенъ обыкновенно возрастать и распространяться въ безконечность, если только есть для него пища, то-есть, сгараемое. Не то мы видимъ въ питаніи. Здѣсь ростъ тѣла всегда

---

[1]) Phaed. 99, A. Ἄλλο μὲν τί ἐστι τὸ αἴτιον, ἄλλο δ' ἐκεῖνο, ἄνευ οὗ τὸ αἴτιον οὐκ ἄν ποτ' εἴη αἴτιον. Платонъ называетъ «сопричинами» — συναίτιον то, безъ чего причина не могла бы быть причиной» (Tim. 46, C Polit. 281, C). Аристотель въ этомъ же смыслѣ «сопричиной» — συναίτιον называетъ огонь и элементы пищи въ питаніи. De anim. 2, 4, 8.

[2]) De anim. 2, 1, 4. Ἀναγκαῖον ἄρα τὴν ψυχὴν οὐσίαν εἶναι ὡς εἶδος σώματος φυσικοῦ δυνάμει ζωὴν ἔχοντος.

[3]) De anim. 2, 1, 4.

находится въ извѣстныхъ границахъ. Вообще цѣлесообразное распредѣленіе пищи въ тѣлѣ доказываетъ, что питаніе совершается въ насъ силою разумною. Мы должны, по ученію Аристотеля, признать, что питаніе совершается въ насъ при содѣйствіи нашей души. Она есть главная причина, производящая въ насъ питаніе [1]); все же прочее составляетъ причины второстепенныя (сопричины — συναίτιον) въ питаніи.

Аристотель, называя душу „энтелехіей“ тѣла, добавляетъ: „энтелехія тѣла органическаго“ [2]). Наблюденіе показываетъ, что всѣ существа, имѣющія жизнь, имѣютъ органы; не исключаются отсюда и самыя растенія.

Такимъ образомъ, вотъ полное опредѣленіе души, данное Аристотелемъ: „Душа есть энтелехія тѣла органическаго, имѣющаго жизнь въ возможности“.

Сколько можно видѣть изъ сказаннаго доселѣ „о душѣ“, стремленіе трохъ замѣчательныхъ философовъ древности направлено къ пониманію и изученію души, какъ „разума“ (νοῦς). Въ этомъ сказалось направленіе воззрѣнія на міръ, начавшагося съ Анаксагора, на котораго Аристотель не разъ съ глубокимъ уваженіемъ указываетъ въ своемъ трактатѣ о душѣ. Анаксагоръ высказалъ ученіе „о божественномъ умѣ“, какъ устроителѣ міра. Сократъ всюду видѣлъ въ мірѣ дѣйствіе божественнаго ума, дѣйствующаго по цѣлямъ. Человѣкъ, по ученію Сократа, сдѣлался участникомъ ума божественнаго [3]). Подъ душею человѣка и нужно понимать ту искру божественную, которую наслѣдовалъ человѣкъ по своей природѣ. Изученіе души въ этомъ направленіи шло рядомъ съ изученіемъ дѣйствія ума божественнаго, дѣйствующаго въ мірѣ. Изученіемъ одного пополнялось и объяснялось изученіе другаго. Сократъ изучалъ умъ индивидуальный въ полной его дѣятельности и силѣ, на сколько это было возможно, и отъ дѣятельности индивидуальнаго ума по аналогіи заключалъ о дѣятельности и силѣ ума божественнаго. И наоборотъ, изучая дѣятельность ума божественнаго въ созданіи и устройствѣ природы, онъ заключалъ объ истинномъ назначеніи даннаго человѣку разума. Платонъ продолжалъ изучать умъ божественный и умъ индивидуальный въ томъ же духѣ и направленіи. Но Платонъ перешелъ и къ другому вопросу:

---

[1]) De anim. 2, 4, 7—9.

[2]) De anim. 1, 2, 6.

[3]) Memorabil. 1, 4, 9. Νοῦν δὲ μόνον ἄρα οὐδαμοῦ ὄντα σὲ εὐτυχῶς πῶς δοκεῖς συναρπάσαι.

какъ часть ума божественнаго, которая является въ человѣкѣ, дѣлается умомъ индивидуальнымъ? Здѣсь Платонъ представилъ, какъ мы видѣли, замѣчательный миѳъ о смѣшеніи идеи души съ матеріей. Умъ явился въ подчиненномъ положеніи у начала неразумнаго и враждебнаго ему. Въ этомъ состояніи высшая природа въ человѣкѣ заявляетъ себя стремленіемъ соединиться съ сроднымъ себѣ началомъ. Платонъ старается подмѣтить и прослѣдить, какъ умъ, погруженный въ неразумную матерію, постепенно освобождается изъ-подъ ея власти, дѣлается независимымъ и достигаетъ того, что овладѣваетъ самою матеріей. У Аристотеля въ ученіи „о формѣ“ сказалось ученіе сейчасъ указанныхъ мыслителей объ умѣ міровомъ и умѣ индивидуальномъ. Душа изучается Аристотелемъ, какъ „форма“. Выраженіе „формы“ есть выраженіе „разумное“. Душу Аристотель называетъ иначе „энтелехіей“, дѣйствующей по цѣли; а это однозначуще съ дѣйствіемъ начала разумнаго.

Нужно замѣтить, что у Аристотеля сгладилось различіе между дѣйствіемъ въ мірѣ ума божественнаго и дѣятельностію ума индивидуальнаго. Трудно отвѣтить, что̀ изучаетъ Аристотель, когда изучаетъ душу, какъ „форму“ тѣла,—дѣйствіе ли ума индивидуальнаго, или ума міроваго. Сократъ и Платонъ въ устройствѣ тѣла человѣческаго и тѣла животныхъ изучали дѣйствіе въ мірѣ ума божественнаго, дѣйствующаго подобно художнику. У Аристотеля тѣло устрояется душею, какъ „формою“. Странно то, что душа, какъ учитъ Аристотель, разумно дѣйствуетъ въ устройствѣ тѣла, напримѣръ, въ питаніи, и неразумно, ошибочно начинаетъ дѣйствовать послѣ—въ ощущеніяхъ (общихъ) и въ воображеніи.

Замѣтимъ далѣе, что Сократъ, проповѣдуя: „γνῶθι σεαυτὸν“, держался исключительно области познанія человѣка и его внутренней жизни. Самое изученіе человѣка онъ начиналъ преимущественно съ того момента, съ котораго человѣкъ отступаетъ отъ животнаго и начинаетъ жить разумною жизнію. Для него дорога̀ была въ человѣкѣ способность „къ ученію“ и развитію, въ которой онъ видѣлъ искру божественной природы въ человѣкѣ. Источникомъ изученія души было у Сократа „самонаблюденіе“. Аристотель такъ далеко отступилъ отъ Сократа, что изученіе души перенесъ туда, куда не проникаетъ уже наше сознаніе; напримѣръ, таково питаніе. Аристотель признаетъ существованіе души и въ растеніяхъ.

Нужно сознаться, что взглядъ Аристотеля на душу вытекалъ нѣкоторымъ образомъ послѣдовательно, благодаря методу, которому на-

БИБЛ... КОММУНИСТ... АКАДЕМ...

чало положилъ самъ Сократъ. Ксенофонтъ замѣчаетъ, что Сократъ разсуждалъ „по родамъ“ (κατὰ γένη) [1]). Аристотель говоритъ, что Сократъ ввелъ въ употребленіе „опредѣленіе и индукцію“ [2]). Платонъ объяснялъ опредѣленіе Сократа, какъ „обобщеніе“ (κοινονία) или „соединеніе“ (συναγογὴ) видовъ въ одномъ родѣ. Требованіе индукціи таково, чтобы наведеніе начинать съ явленій самыхъ простыхъ. Животныя обнаруживаютъ столь много общаго съ явленіями внутренней жизни человѣка, что Платону уже казалось невозможнымъ, въ силу требованій метода, дѣлить существа одушевленныя на „человѣка и животныхъ“. Въ „Гражданинѣ“ Платонъ говоритъ, что все существующее нужно дѣлить на существа, „имѣющія душу“ (ἔμψυχα), и существа, „не имѣющія души“ (ἄψυχα) [3]). Поэтому, человѣкъ принадлежитъ, какъ видъ, къ роду существъ, имѣющихъ душу. Но Платонъ, слѣдуя Сократу, изучалъ душу по преимуществу въ „самонаблюденіи“. Аристотель находилъ, что, въ силу требованій метода, нельзя отказать въ присутствіи души и растеніямъ. Поэтому, не ограничиваясь самонаблюденіемъ, онъ изучалъ душу тамъ, гдѣ видятъ большею частію дѣйствіе одной матеріи.

Такимъ образомъ, рѣзкое разграниченіе между душею и тѣломъ, по которому возможно было для Сократа и Платона только отрицательное опредѣленіе души, у Аристотеля, повидимому, сгладилось. Аристотель чувствовалъ это. Поэтому, онъ спѣшилъ отвѣтить на могущее послѣдовать возраженіе: „не тождественны ли душа и тѣло“? Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сравненіями и примѣрами. Онъ указываетъ, напримѣръ, на воскъ и фигуру, которая отпечатлѣвается на первомъ. Фигура, по его словамъ, не тождественна съ тѣмъ, на чемъ она отпечатлѣвается, то-есть, воскомъ. Такъ и душа не тождественна съ тѣломъ [4]). Душа есть сущность извѣстнаго тѣла; но она есть сущность такимъ же образомъ, какъ сущность топора есть его назначеніе — „рубить“ [5]). Если отъ топора отнять послѣднее, то останется только нѣчто „однопменное“ (ὁμωνύμος), топоръ не будетъ тогда извѣстнымъ инструментомъ. Равнымъ образомъ, нужно, продолжаетъ Аристотель, понимать и сущность, напримѣръ, глаза въ существѣ

---

[1]) Memorabil. W. 5. 12.

[2]) Met. M. 4.

[3]) Polit 261, B. Τὰ μὲν ἄψυχα αὐτῶν ἐστί πᾳ ξυμπάντων, τὰ δ' ἔμψυχα.

[4]) De anim. 2, 1, 7 и слѣд. Διο καὶ οὐ δεῖ ζητεῖν εἰ ἓν ἡ ψυχὴ καὶ τὸ σῶμα, ὥσπερ οὐδὲ τον κηρὸν καὶ τὸ σχῆμα.

[5]) De anim. 2, 1, 8. Ἦν γὰρ ἂν τὸ πελέκει εἶναι ἡ οὐσία αὐτοῦ, καὶ ψυχὴ τοῦτο.

одушевленномъ. „Душа глаза будетъ зрѣніе“ [1]). Если послѣдняго не будетъ въ глазѣ, какъ, напримѣръ, въ глазѣ статуи, то глаза въ собственномъ смыслѣ нѣтъ; есть только „одноименное“ глазу. По аналогіи (ἀνάλογον ἔχει), такимъ же образомъ нужно судить и о всемъ тѣлѣ. Сущность тѣла есть душа, подобно какъ сущность глаза есть зрѣніе [2]). Душа не тождественна съ тѣломъ, но она, по словамъ Аристотеля, можетъ быть отдѣлена отъ тѣла „только разумомъ“ (κατὰ τὸν λόγον).

Что доказательства такого рода не убѣдительны, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. По крайней мѣрѣ, эти доказательства не составляютъ достоинства строго-научнаго метода и не выдерживаютъ научной критики. Исторія показала, что философскія школы, возникшія послѣ Аристотеля и подъ вліяніемъ его ученія, склонились къ отождествленію духа и матеріи. Хотя самъ Аристотель остался вѣренъ принципу Сократа, поставившаго рѣзкое разграниченіе между душею и тѣломъ, но опредѣленіе души, данное Аристотелемъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто такое, что̀ противно пониманію души, высказанному Сократомъ и Платономъ. Если душа есть только „форма“ и „энтелехія“ тѣла, то можно думать, что послѣдняя цѣль и назначеніе души состоитъ лишь въ совершенствѣ тѣла и не простирается далѣе тѣла; что въ душѣ и нѣтъ болѣе силъ кромѣ тѣхъ, которыя обнаруживаетъ тѣло, съ другой стороны, что тѣло въ состояніи проявить въ себѣ все, что̀ есть въ душѣ. Это противно духу ученія о душѣ Сократа и Платона. Но, по нашему мнѣнію, самъ Аристотель въ своемъ ученіи „объ умѣ“ не остался вполнѣ вѣренъ своему опредѣленію души.

ГЛАВА III.

Раздѣленіе души по видамъ и способностямъ.

Дѣленіе души по видамъ у Сократа — Дѣленіе души по видамъ у Платона — Дѣленіе души по видамъ у Аристотеля — Критическія замѣчанія — Порядокъ, въ которомъ раскрываются способности души.

Послѣ вопроса—не отождествляется ли душа съ тѣломъ, Аристотеля ожидалъ другой вопросъ, съ которымъ раньше Аристотеля столкнулся Платонъ. Это — вопросъ о частяхъ, видахъ или способностяхъ

---

[1]) De anim. 2, 1, 9. Ψυχὴ ἂν ἦν αὐτοῦ (ὀφθαλμοῦ) ἡ ὄψις.

[2]) De anim. 2, 1, 11. Ἀλλ' ὥσπερ ὁ ὀφθαλμος ἡ κόρη καὶ ὄψις κἀκεῖ ἡ ψυχὴ και το σῶμα το ζῶον.

души. Уже Сократъ признавалъ душу и въ животныхъ [1]). Такъ какъ предметомъ изученія Сократа былъ исключительно человѣкъ и преимущественно разумная природа его, то Сократъ и не разсуждалъ о томъ, сколько нужно признать видовъ души. Есть, впрочемъ, и у Сократа намекп на душу „неразумную“ (ἄλογος) или „животную“ (θηριωείδες) и „разумную“ (λογιστικὸς). Платонъ тоже по преимуществу изучалъ разумную природу въ человѣкѣ; но онъ не ограничился исключительно изученіемъ одной разумной природы въ человѣкѣ, а стремился изучить душу во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мы видимъ, что Платона сильно уже занимаетъ вопросъ о томъ, сколько нужно признать видовъ души.

Мы уже видѣли, какъ вообще понпмалъ Платонъ виды, къ чему бы они ни относились. Видъ у Платона равносиленъ образу, обнаруженію идеп въ явленіяхъ. Обнаруженіе идеп не иначе возможно, какъ въ соединеніи ея съ чѣмъ-либо инымъ, отъ нея отличнымъ. Такъ смотрѣлъ Платонъ и на виды души. Идея души стремится къ сродному себѣ—божественному, разумному и проч.; но душа соединена съ тѣломъ и дѣйствуетъ не иначе, какъ въ соединеніи съ нимъ. Отсюда является она въ различныхъ видахъ. Въ соединеніи съ тѣломъ неразумнымъ душа сама является „неразумною“ (ἄλογος). Когда же она достигаетъ въ тѣлѣ возможности соединиться съ роднымъ себѣ,— разумнымъ, она является „разумною“ (λογιστικὸς).

Міровоззрѣніе, усвоенное Платономъ, по которому все въ мірѣ только является въ образахъ и въ соединеніи съ другимъ, побудило Платона найдти такой методъ познанія, при посредствѣ котораго было бы возможно открывать начала чистыя, не смѣшанныя. Какъ мы упомянули выше, возможность открывать такія начала Платонъ нашелъ въ природѣ нашего разума, — въ способности его „мыслить и познавать общее и отличное въ ощущеніяхъ“. На этомъ твердомъ основаніи Платонъ выработалъ методъ „аналитическій“, въ которомъ далъ главное значеніе „дѣленію по видамъ“. Въ силу требованій нашего разума Платонъ былъ убѣжденъ, что, если „прекрасное, напримѣръ, и безобразное различны между собою, то ихъ два и каждое изъ нихъ есть одно „(хотя въ явленіяхъ они и встрѣчаются вмѣстѣ) [2]). „То же въ отношеніи къ тому же и для того же не можетъ

---

[1]) Memorabil. 1, 3, 13

[2]) De Rep. Lib. V,4 76, A. Ἐπειδὴ ἐστιν ἐναντίον καλὸν αἰσχρῷ, δύο αὐτὼ εἶναι. Πῶς δ' οὔ, οὐκοῦν ἐπειδὴ δύο, καὶ ἓν ἑκάτερον, καὶ τοῦτο.

(по признанію разума) дѣйствовать и терпѣть противное, такъ что, если въ томъ же мы найдемъ это (то-есть, противное), то будемъ знать, что то же было не то же, а больше чѣмъ то же“ [1]).

Этотъ научный методъ Платонъ спѣшилъ приложить и къ изслѣдованію видовъ души. Методическій анализъ, который Платонъ представилъ намъ въ IV книгѣ „Политики“, привелъ его къ признанію въ душѣ трехъ главныхъ, основныхъ видовъ души: „разумнаго“ (τὸ λογιστικὸν), „желательнаго“ (τὸ ἐπιθυμητικὸν) и „страстнаго“ (τὸ θυμοειδὲς) [2]). Эти три обнаруженія души Платонъ называетъ то „видами“ (εἴδη) ,то „родами“ (γένη). Какъ явленія души, они справедливо должны быть названы „видами“; но поелику это самые общіе и основные виды души, то они могутъ быть названы „родами“. Каждый изъ этихъ родовъ имѣетъ свои разнообразные виды.

Такимъ образомъ, дѣленіе души по видамъ является у Платона двоякое: одно представляетъ два вида души, другое — три. Платонъ собственно признавалъ душу единою въ ея существѣ. Виды суть явленія, обнаруженія одной души. Душа, единая въ существѣ, въ дѣйствіи обнаруживаетъ себя различными сторонами. Такъ какъ въ настоящей жизни душа соединена съ тѣломъ, то въ соединеніи съ началомъ неразумнымъ она проявляетъ себя иначе, чѣмъ когда она соединяется съ началомъ разумнымъ. Благодаря соединенію съ тѣломъ, душа, кромѣ проявленія себя стороною „разумною“, обнаруживаетъ себя еще въ двухъ видахъ, именно — стороною „желательною“ и „страстною“. Обнаруженіе стороною разумною зависитъ отъ большей или меньшей зависимости души отъ тѣла, такъ, что если душа бываетъ увлечена перевѣсомъ тѣла — начала, противоположнаго разумности, она уже не имѣетъ полной возможности проявлять себя стороною разумною. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что Платонъ отличилъ и отмѣтилъ такіе виды, которые никакъ не могутъ быть объяснены изъ дѣйствія вещества. Они справедливо должны быть названы ду-

[1]) De Rep. Lib. IV, 436, B Δῆλον, ὅτι ταὐτὸν τἀναντία ποιεῖν ἢ πάσχειν κατὰ ταὐτὸν γε καὶ πρὸς ταὐτὸν οὐκεθελήσει-ἅμα, ὥστ', ἂν ποῦ εὑρίσκωμεν ἐν αὐτοῖς ταῦτα γιγνόμενα, εἰσόμεθα, ὅτι οὐ ταὐτὸν ἦν ἀλλὰ πλείω.

[2]) De Rep. IV, 435, C—441, D. Θυμοειδές мы не приводимъ, а приспособительно къ терминологіи современной психологіи, замѣняемъ терминомъ «страстный» Θύμος намъ кажется неудобнымъ переводить словомъ: «гнѣвъ», какъ это дѣлаютъ нѣкоторые. Гнѣвъ относится къ θύμος, какъ видъ къ роду Своимъ возрастающимъ страстнымъ движеніемъ, какъ гнѣвъ обыкновенно проявляется, онъ характеризуетъ ту силу души, которую Платонъ называетъ θυμοειδές. Это «δαιμόνιον» души, движущій всею душею.

шевными видами. Видъ желательный и видъ страстный всего ближе стоятъ къ дѣйствію вещества и въ своемъ дѣйствіи находятъ поддержку и пищу въ тѣлѣ. Не смотря на это, характеръ этихъ явленій— оригинальный, отличный отъ явленій матеріи и вещества.

Аристотель призналъ присутствіе души и въ растеніяхъ, не говоря уже о животныхъ. Вслѣдствіе этого Аристотель никакъ уже не могъ послѣ Платона обойдти вопроса о раздѣленіи души по видамъ или частямъ и о томъ, какъ примирить это раздѣленіе въ единствѣ души. Наблюдая надъ растеніями и животными, онъ замѣтилъ такого рода наглядныя явленія: отрѣзанная часть растенія производитъ новое растеніе на новомъ мѣстѣ; отрѣзанная часть насѣкомаго продолжаетъ нѣкоторое время обнаруживать жизнь [1]). Является вопросъ: не дѣлится ли одна и та же душа на части? Если дѣлится, то въ отдѣльной части душа всецѣло существуетъ или нѣтъ? Если отрѣзанная часть насѣкомаго обнаруживаетъ ощущеніе, то она имѣетъ и побужденіе; если же имѣетъ то и другое, то должна имѣть воображеніе и желаніе [2]). Но, съ другой стороны, мы видимъ, что одни животныя имѣютъ ощущеніе, но не имѣютъ въ то же время движенія; бо̀льшая часть животныхъ хотя имѣетъ то и другое, но не имѣетъ разума, который имѣетъ человѣкъ [3]). Такимъ образомъ, нужно ли признавать то, что душа состоитъ изъ частей, какъ показываютъ наблюденія, или же признавать то, что она частей не имѣетъ? Если душа является въ различныхъ видахъ, то эти виды души различаются ли „въ родѣ“, или они суть обнаруженія одной и той же души? [4])

Лучшій исходъ для устраненія вышеизложенныхъ недоразумѣній относительно единства души и ея явленій въ различныхъ видахъ Аристотель видѣлъ въ томъ же, въ чемъ нашелъ его и Платонъ. Всѣ эти виды души суть явленія души, „болѣе извѣстныя намъ“, а не „сущность“ души, доступная только познанію нашего разума [5]). Самое обыденное сознаніе намъ говоритъ, что въ насъ дѣйствуетъ единая нераздѣльная души. Когда мы говоримъ, напримѣръ, что мы

---

[1]) De anim 2, 2, 8.

[2]) De anim 2, 2, 8.

[3]) De anim. 2, 2, 5—7.

[4]) De anim. 1, 1, 4 Εἰ μεριςὴ (ψυχὴ) ἢ ἀμερὴς, καὶ πότερον ὁμοειδὴς ἅπασα ψυχὴ ἢ οὐ, εἰ δὲ μὴ ὁμοειδὴς, πότερον εἴδει διαφέρουσιν, ἢ γένει.

[5]) De anim 2, 2, 1. Ἐπει δ' ἐκ τῶν ἀσαφῶν μεν φανερωτέρων δε γίγνεται τὸ σαφές καὶ το κατα τον λογον, πειρατεον . .

познаемъ, мы называемъ двояко то, чѣмъ познаемъ: мы говоримъ, что познаемъ знаніемъ или, иначе, — мы познаемъ душею; точно также, какъ мы двояко называемъ то, чѣмъ мы бываемъ здоровы, — тѣломъ или какою-нибудь частію тѣла [1]). Душа есть энтелехія тѣла и въ соединеніи съ послѣднимъ она является въ различныхъ видахъ, вызываемыхъ требованіями назначенія этого тѣла, находящагося въ возможности. „Душа, говоритъ Аристотель, производитъ то, что̀ есть въ возможности“ [2]); поэтому является такою, какою позволяетъ явиться ей эта возможность. Аристотель повторяетъ въ этомъ случаѣ опредѣленіе души, какъ „формы“, матерію которой составляетъ тѣло „Тѣ разумно говорятъ, замѣчаетъ Аристотель, которые высказали, что душа не существуетъ безъ тѣла [3]), какъ форма не существуетъ безъ матеріи.

Приступая къ изложенію видовъ души, какіе принималъ Аристотель, мы должны отмѣтить одно изъ существенныхъ отличій психологіи Аристотеля отъ психологическихъ изысканій, сдѣланныхъ Платономъ и Сократомъ. Аристотель принимаетъ не три вида души, какъ принялъ Платонъ, а четыре. Эти виды суть слѣдующіе: душа питающая (τὸ θρεπτικὸν, ἡ ψυχὴ θρεπτικὴ), душа чувствующая (τὸ αἰσθητικὸν, ἡ ψυχὴ αἰσθητικὴ), душа движущая къ мѣсту (τὸ κινητικὸν, ἡ ψυχὴ κινητικὴ) и душа разумная (τὸ διανοητικὸν, ἡ ψυχὴ διανοητικὴ).

Какъ ни разумно кажется дѣленіе души по видамъ, которое представилъ Платонъ, какъ ни удивительна сила и тонкость анализа, съ какою выдѣлены имъ три основныхъ вида души; не смотря на это, Аристотель отвергъ сдѣланное Платономъ дѣленіе видовъ души и представилъ свое, которое казалось ему лучшимъ и разумнѣйшимъ. Аристотелю сама природа указала отличіе видовъ души и ихъ раздѣленіе. Вопервыхъ, видъ души „питающей“ нужно, говоритъ Аристотель, признать отдѣльнымъ и самостоятельнымъ видомъ души, потому что есть существа, которыя имѣютъ одинъ лишь этотъ видъ души: таковы растенія [4]). Далѣе, нужно признать самостоятельными

[1]) De anim. 2, 2, 12. Ἐπεὶ δὲ ᾧ ζῶμεν καὶ αἰσθανόμεθα δ'χῶς λέγεται, καθάπερ ᾧ ἐπιστάμεθα, λέγομεν δὲ τὸ μὲν ἐπιστήμην τὸ δε ψυχήν. Ἑκατερω γὰρ τοῦτων φαμὲν ἐπίστασθαι. ὁμοίως δὲ καὶ ὑγιαίνομεν, τὸ μὲν ὑγιεία, τὸ δὲ μορίῳ τοῦ σώματος ἢ καὶ ὅλῳ.

[2]) De anim. 2, 2, 15. Ἑκάστη γὰρ ἡ ἐντελέχεια ἐν τῷ δυνάμει ὑπάρχοντι καὶ τῇ οἰκείᾳ ὕλῃ πέφυκεν ἐγγίνεσθαι.

[3]) De anim. 2, 2, 14. Καὶ διὰ τοῦτο καλῶς ὑπολαμβάνουσιν οἷς δοκεῖ μητ' ἄνευ σώματος εἶναι.

[4]) De anim. 2, 3, 2. Ὑπάρχει δε τοῖς μὲν φυτοῖς τὸ θρεπτικὸν μονον. Ibid. 7. Τοῦ δ' αἰσθητικοῦ χωρίζεται θρεπτικὸν ἐν τοῖς φυτοῖς.

видами души: „ощущеніе“ и „движеніе къ мѣсту“. Ощущеніе отличаетъ животныхъ отъ растеній. Движеніе, которое тоже отличаетъ животныхъ отъ растеній, нужно отличать отъ ощущенія потому, что нѣкоторыя изъ животныхъ хотя имѣютъ ощущеніе, но не имѣютъ при этомъ произвольнаго движенія [1]). Наконецъ, человѣкъ имѣетъ „разумъ“, который мы не встрѣчаемъ у другихъ животныхъ; слѣдовательно разумъ есть отдѣльный видъ души, отличный отъ прочихъ [2]).

Какъ ни разумно, въ свою очередь, дѣленіе видовъ души, представленное Аристотелемъ, Платонъ не могъ бы принять его, если бы только хотѣлъ остаться вѣрнымъ своему принципу дѣленія души по видамъ. Различіе дѣленія души по видамъ Аристотеля и Платона болѣе глубоко и существенно, чѣмъ какъ оно можетъ показаться сначала. То и другое дѣленіе характеризуетъ область наблюденія, въ которой обращается тотъ и другой мыслитель. Платонъ обращается въ области „самонаблюденія“; „внѣшнее же наблюденіе служитъ ему только вспомогательнымъ средствомъ. Строго ограничиваясь областію самонаблюденія, Платонъ не могъ говорить, напримѣръ, о питаніи, какъ явленіи душевномъ, на томъ основаніи, что процессъ питанія не достигаетъ нашего сознанія. На этотъ случай Платонъ замѣчаетъ въ „Филебѣ“, что не всякое движеніе, происходящее въ тѣлѣ, достигаетъ души. Онъ указываетъ при этомъ именно на процессъ питанія. Аристотель, напротивъ, обращается въ области „внѣшняго наблюденія“; „самонаблюденіе“ же служитъ ему вспомогательнымъ средствомъ. Аристотель въ третьей книгѣ трактата, въ началѣ отдѣла о душѣ, „движущей къ мѣсту“, критикуетъ дѣленіе души по видамъ, представленное Платономъ, находя неудачнымъ это дѣленіе. Но Платонъ съ своей точки зрѣнія могъ бы представить и Аристотелю свои возраженія противъ представленнаго послѣднимъ дѣленія души по видамъ. Но тѣ и другія возраженія едва-ли были бы справедливы, пока не былъ бы удовлетворительно рѣшенъ главный вопросъ о томъ, самонаблюденіе или наблюденіе внѣшнее должно быть главною областію явленій, въ которой должно обращаться изученіе души.

Виды души Аристотель называетъ иначе „способностями“ (δύναμις). Извѣстно, какое значеніе получилъ этотъ терминъ въ психологіи въ послѣдствіи. Нельзя сказать, чтобъ указанный терминъ въ психо-

---

[1]) De anim. 2, 3, 7. Καὶ τῶν αἰσθητικῶν τὰ μὲν ἔχει τὸ κατὰ τόπον κινητικον, τὰ δ' οὐκ ἔχει.

[2]) De anim. 2, 3, 7 Οὐ πᾶσι λογισμὸς

логіи былъ употребленъ Аристотелемъ въ первый разъ. Начало употребленія его въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ его Аристотель, замѣтно еще у Сократа („знающіе самихъ себя знаютъ, что̀ они „могутъ“ сдѣлать, и чего „не могутъ“). Хотя Платонъ три вида души нигдѣ не называетъ способностями души, тѣмъ не менѣе терминъ „способность“, „сила“ (δύναμις) онъ употребляетъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляетъ его Аристотель. Мы можемъ указать въ этомъ случаѣ на мѣсто въ V-й книгѣ „Политики“ [1]), гдѣ Платонъ разсуждаетъ о „силахъ“ или „способностяхъ“. Онъ относитъ терминъ „сила“, „способность“ (δύναμις) по преимуществу къ силамъ тѣлеснымъ, напримѣръ, къ органамъ ощущеній — къ зрѣнію, слуху и проч. Но вопросъ о способностяхъ выяснится намъ въ послѣдствіи.

Замѣтимъ еще о порядкѣ, въ которомъ слѣдуютъ виды или способности души. Этотъ порядокъ таковъ: „душа ощущающая“ и „движущая къ мѣсту“ не можетъ существовать безъ души „питающей“. „Душа разумная“ можетъ быть только тамъ, гдѣ существуютъ всѣ прочіе виды души. Упомянутые виды души суть какъ-бы степени развитія души, такъ что низшая степень, обнаруживающаяся въ душѣ питающей, есть вмѣстѣ и основаніе развитія души, безъ котораго не можетъ быть никакихъ душевныхъ явленій. Съ этой-то способности Аристотель и начинаетъ свое разсмотрѣніе способностей души.

ГЛАВА IV.

О душѣ питающей (ἡ ψυχὴ θρεπτική).

Методическіе пріемы изслѣдованія у Сократа, Платона и Аристотеля. — Душа питающая и раждающая у Аристотеля.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ держаться высказаннаго нами выше плана, то-есть, обращаться къ мыслямъ Сократа и Платона, гдѣ это потребуется для полноты и ясности излагаемаго предмета.

Аристотель, приступая къ изложенію видовъ души, говоритъ въ началѣ о томъ, какому методу нужно слѣдовать при изслѣдованіи видовъ или способностей души.

Со времени Сократа требованіе метода при изслѣдованіи всякаго предмета выдвинуто на первый планъ. Ксенофонтъ передаетъ, что Сократъ употреблялъ методъ „діалектическій“ (διαλέγεσθαι) [2]). Въ

[1]) De Rep. Lib. V, 477, C Д.

[2]) Memorab 4, 5, 12.

частности, Сократъ обращался прежде всего къ „опредѣленію“ предмета и разсуждалъ по *родамъ*. Послѣ этого ему открывалось широкое поле индукціи или наведенія. Къ методу Сократа Платонъ присоединилъ пріемъ „дѣленій по видамъ“. Платонъ такъ увѣренъ былъ въ истинности своего метода, что называлъ его „божественнымъ, принесеннымъ съ неба Прометеемъ“ [1]); говорилъ, что при помощи этого метода „сдѣланы всѣ открытія въ наукахъ“ [2]), и что онъ самъ старается „неуклонно слѣдовать этому методу“ [3]). Главные пріемы этого метода: „гипотезы“, „обобщенія“ или „соединенія видовъ въ одномъ родѣ“ и „дѣленія по видамъ“.

Аристотель скептически относится къ тому, чтобъ одинъ и тотъ же методъ могъ быть приложимъ къ изслѣдованію каждаго предмета. По крайней мѣрѣ, по его словамъ, еще не найдено такого метода. Нѣтъ, говоритъ онъ, такого метода, который бы во всѣхъ случаяхъ и относительно всѣхъ вещей приводилъ къ познанію сущности. „А когда нѣтъ одного метода, приходится угадывать, для какого предмета какой методъ пригоденъ“ [4]). И въ отношеніи къ изученію души Аристотель выражаетъ колебаніе, какой выбрать методъ [5]). Трудно опредѣлить, какому методу слѣдовалъ Аристотель въ томъ, что̀ было высказано доселѣ. Видно, между прочимъ, что Аристотель сознавалъ значеніе „дѣленія“, которое такъ высоко цѣнилъ Платонъ. Аристотель воспользовался этимъ методическимъ пріемомъ въ опредѣленіи видовъ души; но преимущество Аристотель отдавалъ „доказательствамъ“ (ἀπόδειξις). Въ доказательствахъ не малое значеніе имѣютъ у него „примѣры“ и „сравненія“ (напримѣръ, въ доказательствахъ отличія души отъ тѣла или въ доказательствахъ единства души). Онъ обращается иногда и къ примѣрамъ, заимствованнымъ изъ геометріи [6]). Не маловажную роль играетъ въ пріемахъ метода Аристотеля и критика мнѣній объ изслѣдуемомъ предметѣ, высказанныхъ раньше мыслителями. Вообще же рѣзко выдается у Аристотеля стремленіе къ

---

[1]) Pheleb. 16, C.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid 16, 13.

[4]) De anim. 1, 1, 2 Ει δὲ μή ἐστι μία τις καὶ κοινὴ μεθοδος περὶ τὸ τί εστιν, ἔτι χαλεπότερον γίνεται πραγματευθῆναι Δεήσει γὰρ λαβεῖν περὶ ἕκαστον τίς ὁ τρόπος. ζητητέον ἂν εἴη τὴν μέθοδον ταύτην.

[5]) De anim. 1, 1, 2. Ποτερον ἀπόδειξις τίς ἐστιν ἢ διαίρεσις ἢ καὶ τις ἄλλη μέθοδος, ἔτι πολλὰς ἀπορίας ἔχει καὶ πλάνας.

[6]) De anim. 2, 3, 5, 6.

системѣ и связному построенію всего, выработаннаго имъ самимъ и другими.

Въ отношеніи къ способностямъ души нужно, говоритъ Аристотель, напередъ узнать, „что̀ такое каждая изъ этихъ способностей“ [1]; напримѣръ, что̀ такое способность мыслящая, ощущающая и проч. Для того, чтобъ узнать, что̀ такое каждая изъ способностей, нужно, говоритъ Аристотель, напередъ изучить отправленія способностей, то-есть, нужно обратиться къ изученію мысли, ощущенія и проч. [2]). При изученіи же отправленій способностей нужно сначала опредѣлить, что̀ такое предметъ противолежащій (ἀντικείμενα) [3]) способностямъ, то-есть, предметъ, входящій въ столкновеніе съ способностями, какъ необходимое условіе вызова ихъ къ отправленію. Предметы эти суть: пища, предметъ ощущаемый, предметъ мыслимый и проч.

Разсужденія Сократа, записанныя Ксенофонтомъ, показываютъ, что прежде Аристотеля Сократъ считалъ необходимымъ отъ отвлеченныхъ понятій переходить къ жизненнымъ фактамъ и раскрывать самый процессъ происхожденія факта. Здѣсь не упускалось изъ вниманія и „привходящее“, или то, что̀ Аристотель называетъ предметомъ противулежащимъ. Напримѣръ, отъ вопроса: „что̀ такое благочестіе“ Сократъ переходитъ къ вопросу: „кто называется благочестивымъ?“ Въ разсужденіи указывается на законы, существующіе относительно почитанія боговъ, и на знаніе этихъ законовъ, какъ необходимое условіе для того, чтобы сдѣлаться истинно благочестивымъ. Такимъ же образомъ Сократъ разсуждалъ и о другихъ добродѣтеляхъ, выражаемыхъ отвлеченными понятіями, напримѣръ, „что̀ такое справедливость“? [4])

Стремленіе изучить фактъ или явленіе въ его процессѣ происхожденія было постояннымъ стремленіемъ Платона. Поэтому-то Платонъ и цѣнилъ такъ высоко методъ аналитическій, который давалъ ему возможность изучать, что̀ съ чѣмъ слагается, что̀ дѣйствующее и что̀ привходящее, и какъ все происходитъ. Напримѣръ, Платонъ такъ анализируетъ явленіе жажды: „Жажда не есть ли желаніе питья? Да. Жаждущая душа бо̀льшаго ли чего желаетъ, чемъ того, о чѣмъ го-

---

[1]) De anim. 2, 4, 1. Ἕκαστον αὐτῶν τι ἐστιν.

[2]) De anim. 2, 4, 1. Τί τὸ νοεῖν καὶ τί τὸ αἰσθάνεσθαι· Πότερον γὰρ εἰσι τῶν δυνάμεων αἱ ἐνέργειαι καὶ αἱ πράξεις κατὰ τὸν λόγον.

[3]) De anim. 2, 4, 1. Ἀντικείμενα δεῖ τεθεωρηκέναι· οἷον περὶ τροφῆς καὶ αἰσθητοῦ καὶ νοητοῦ.

[4]) Memor. 4, 6, 2 и слѣд.

ворили? то-есть, жажда есть ли жажда теплаго питья, либо холоднаго, многаго либо немногаго,—однимъ словомъ какого-нибудь (опредѣленнаго). А какъ скоро къ жаждѣ прибавилось бы теплое, не пробудилось ли бы этимъ желаніе холоднаго и проч.? Или самое жажданіе есть желаніе не иного чего, какъ ему сроднаго, то-есть, просто питья? Такъ, самое желаніе, взятое отдѣльно, есть желаніе только отдѣльнаго, что̀ ему сродно; а такое или такое (питье), это — привходящее. Все, что̀ поставлено съ связь въ чѣмъ-нибудь, по нѣкоторымъ качествамъ относится, какъ я думаю, къ извѣстному качественному предмету; а что существуетъ само по себѣ, то относится только къ себѣ“ [1]).

Такимъ образомъ видно, что потребность анализа жизненныхъ фактовъ и стремленіе заглянуть въ самый процессъ происхожденія факта сильно стали овладѣвать мыслителями со времени Сократа. И Аристотель оцѣнилъ вполнѣ упомянутое требованіе и стремленіе и самъ тѣмъ же путемъ надѣется достигнуть цѣли изслѣдованія относительно способностей души.

Мы сказали выше, что ни Сократъ, ни Платонъ не говорили о душѣ питающей. Но Аристотель усиливается доказать, что питаніе есть первое, въ чемъ душа проявляетъ свое дѣйствіе въ существахъ, и что существа, которыя имѣютъ питаніе, принадлежатъ уже къ существамъ, имѣющимъ душу [2]). Аристотель указываетъ на различіе, которое обнаруживаютъ въ жизни существа питающіяся, въ противоположность тѣламъ, въ которыхъ не совершается процессъ питанія. Существа, которымъ свойственно существовать чрезъ питаніе, обыкновенно растутъ, развиваются и чрезъ извѣстный періодъ времени умираютъ [3]). Не замѣчается этого въ тѣлахъ, которымъ не принадлежитъ питаніе. „Ни одно тѣло не умираетъ и не растетъ — замѣчаетъ Аристотель — которое не питается“ [4]). Одни тѣла имѣютъ жизнь, какъ выше замѣчено, другія не имѣютъ жизни. „Подъ жиз-

---

[1]) De Rep. Lib. W., 437, B. и слѣд. Перев. Карпова

[2]) De anim. 2, 4, 2 Ἡ γὰρ θρεπτικὴ ψυχὴ καὶ τοῖς ἄλλοις ὑπάρχει, καὶ πρώτη καὶ κοινοτάτη δύναμίς ἐστι ψυχῆς, καθ ἣν ὑπάρχει τὸ ζῆν ἅπασιν.

[3]) De anim. 2, 1, 3. Ζωὴν δε λέγομεν τὴν δ' αὐτοῦ τροφὴν τε καὶ αὔξησιν και φθισιν.

[4]) De anim. 2, 4, 6. Αἰσθάνεται δ' οὐθὲν ὁ μὴ ἔχει ψυχην. Ὁμοίως δε καὶ περὶ αὐξήσεώς τε καὶ φθίσεως ἔχει οὐδὲν γαρ φθίνει οὐδ' αὔξεται φυσικῶς μὴ τρεφόμενον, τρέφεται δ' οὐθὲν ὁ μὴ κοινωνεῖ ζωῆς.

нію же мы разумѣемъ, поясняетъ Аристотель, три факта: питаться чрезъ себя, развиваться и умереть". Уже было замѣчено, что возрастаніе, напримѣръ, огня не можетъ быть поставлено въ параллель съ возрастаніемъ тѣла одушевленнаго [1]). Равно и о движеніи, совершающемся въ питаніи, сказано, что оно цѣлесообразно и отлично отъ движенія, свойственнаго каждому изъ простыхъ тѣлъ [2]).

Съ душею „питающею" Аристотель соединяетъ душу „рождающую" или „производящую" другое подобное себѣ существо [3]). Что въ томъ и другомъ случаѣ, то-есть, въ питаніи и рожденіи или произведеніи другаго существа, дѣйствуетъ одна и та же душа съ одинаковымъ стремленіемъ, это видно изъ того, что и въ питаніи производится, собственно говоря, новое подобное. Душа питающая и рождающая, которая выражаетъ свое дѣйствіе произведеніемъ новаго существа, выражаетъ тѣмъ самымъ, что въ ней положено стремленіе „къ сохраненію бытія" существа [4]), въ которомъ оно дѣйствуетъ. Это, замѣчаетъ Аристотель, есть „нѣчто божественное" [5]) въ существахъ, имѣющихъ жизнь. Такъ какъ для существъ, подверженныхъ измѣненію, невозможно вѣчное существованіе, то единицы погибаютъ; но не погибаетъ „видъ", который сохраняется чрезъ рожденіе существа подобнаго.

Хотя ни Сократъ, ни Платонъ не говорили о душѣ питающей въ смыслѣ Аристотеля, тѣмъ не менѣе мысль о душѣ рождающей, какъ о чемъ-то „божественномъ въ природѣ", Аристотель непосредственно заимствовалъ у Платона. Въ діалогѣ „Симпосіонъ" Платонъ въ томъ же духѣ, но гораздо сильнѣе развиваетъ мысль о стремленіи всѣхъ существъ въ природѣ къ поддержанію своего вида. Стремленіе въ насъ и животныхъ къ произведенію себѣ подобнаго существа Платонъ называетъ дѣйствіемъ „божественнымъ" [6]). Это — дѣй-

---

[1]) De anim. 2, 4, 8

[2]) De anim. 2, 4, 7.

[3]) De anim 2, 4, 2. Τὸ ποιῆσαι ἕτερον, οἷον αὐτό, ζῷον μὲν ζῷον, φυτὸν δε φυτον

[4]) De anim. 2, 4, 13. Σώζει γὰρ τὴν οὐσίαν.

[5]) De anim. 2, 4, 2. Καὶ τοῦ θείᾳ μετέχωσιν ἢ δύνανται. Πάντα γὰρ ἐκείνᾳ ὀρέγεται, κἀκείνᾳ ἕνεκα πράττει ὅσα πράττει κατὰ φύσιν. Ἐπεὶ οὖν κοινωνεῖν ἀδυνατεῖ τοῦ ἀεὶ καὶ τοῦ θεοῦ τῇ συνεχείᾳ, διὰ το μηδὲν ἐνδέχεσθαι τῶν φθαρτῶν ταὐτὸ καὶ ἓν ἀριθμῷ διαμένειν, ᾗ δυναται μετέχειν ἕκαστον, κοινωνεῖ ταύτῃ τὸ μὲν μᾶλλον τὸ δ' ἧττον. Καὶ διαμένε οὐκ αὐτο, αλλ' οἷον αὐτο, ἀριθμῷ μὲν οὐχ' ἕν, εἴδει δ' ἓν.

[6]) Sympos. 206, C. Κυούσι γὰρ πάντες ἄνθρωποι καὶ κατὰ τὸ σῶμα καὶ κατὰ τὴν ψυχην, καὶ ἐπειδὰν εν τινι ἡλικίᾳ γένωνται, τίκτειν ἐπιθυμεῖ ἡμῶν ἡ φύσις.... Ἔστι

ствіе „эроса“ въ природѣ, нудящаго всѣ существа стремиться къ безсмертію и сохраненію своего бытія. „Не примѣчаемъ ли, говоритъ здѣсь Сократу Діотима, въ какомъ тяжеломъ состояніи находятся всѣ животныя, обитающія на землѣ, и птицы, летающія по воздуху, когда желаютъ рождать, и отъ стремленія любви приходятъ въ неистовство? И, вопервыхъ, какимъ пламенемъ неистовой страсти пылаютъ они, стремясь къ взаимному совокупленію для чадородія? Затѣмъ, не съ величайшимъ ли стараніемъ заботятся они о питаніи рожденныхъ? Дѣйствительно, самыя слабыя животныя борются съ самыми сильными, готовы умереть, сгибнуть отъ голода и все другое предпринять, только бы сохранить своихъ дѣтей и добыть имъ кормъ“ [1]).

Переходимъ къ теоріи питанія, представленной Аристотелемъ. „Необходимо, говоритъ Аристотель, сначала сказать о пищѣ“ [2]). Почему необходимо это, намъ уже извѣстно. Аристотель рѣшаетъ въ этомъ случаѣ вопросъ· „противное питаетъ противное или подобное—подобное?“ Та и другая изъ этихъ теорій высказана мыслителями до Аристотеля. По мнѣнію Аристотеля, та и другая изъ упомянутыхъ теорій отчасти справедлива и отчасти ошибочна. Истинная теорія совмѣщаетъ въ себѣ обѣ упомянутыя теоріи. Дѣйствительно, въ питаніи противное дѣйствуетъ на противное, пока пища остается не переваренной. Но коль скоро пища переварится, она дѣлается подобною тому, чѣмъ воспринимается и что питаетъ [3]). Необходимо, чтобы пища сдѣлалась подобною тому, что̀ она питаетъ. Только въ этомъ случаѣ питающееся существо можетъ сохранять свое существованіе. Въ питаніи нужно различать, вопервыхъ, то, что питается (τὸ τρεφόμενον), вовторыхъ—то, чѣмъ питается (ᾧ τρέφεται), и втретьихъ—то, что питаетъ (τὸ τρέφον) [4]). То, что питается, есть тѣло; то, чѣмъ питается, — пища; то, что питаетъ, — душа [5]). Кромѣ того, не нужно

δε τοῦτο θεῖον τὸ πρᾶγμα καὶ τοῦτο ἐν θνητῷ ὄντι τῷ ζῳω ἀθάνατον ἔνεστιν ἡ κυησις καὶ ἡ γέννησις.

[1]) Sympos. 207, A. B.

[2]) De anim. 2, 4, 9.

[3]) De anim. 2, 4, 10 Φασὶ γὰρ οἱ μὲν τὸ ὅμοιον τῷ ὁμοίῳ τρέφεσθαι, καθάπερ καὶ αὐξάνεσθαι, τοῖς δ' ὥσπερ εἴπομεν τούμπαλιν δοκεῖ, τὸ ἐναντίον τῷ ἐναντίῳ. Ibid. 2, 4, 11. Τίνα τρὸπον ἀμφότεροι καὶ ὀρθῶς καὶ οὐκ ὀρθῶς Ibid. Ἦ μὲν γὰρ ἄπεπτος τὸ ἐναντίον τῷ ἐναντίῳ τρέφεται, ᾗ δε πεπεμμένη, τὸ ὅμοιον τῷ ὁμοίῳ.

[4]) De anim 2, 4, 14. Ἐπεὶ δ' ἐστι τρία, τὸ τρεφόμενον καὶ ᾧ τρέφεται καὶ τὸ τρεφον.

[5]) De anim. 2, 4, 14. Το μὲν τρέφον ἐστὶν ἡ πρώτη ψυχή, το δὲ τρεφόμενον ὃ ἔχον αὐτὴν σῶμα, τῷ δε τρέφεται, η τροφή.

опускать изъ вниманія „посредствующаго“. Для того, чтобы пища была переварена, нужно дѣйствіе огня. Огонь-то и есть необходимое посредствующее въ питаніи [1]).

Замѣчательна въ древнемъ мірѣ попытка Аристотеля доказать необходимость дѣйствія души тамъ, гдѣ, казалось, сущность дѣла объяснялась весьма просто. Хорошо, въ этомъ случаѣ, говоритъ Сократъ у Платона въ „Федонѣ“. „Прежде я кое-что ясно-таки зналъ, какъ и мнѣ самому казалось и другимъ; а послѣ чрезъ свои изслѣдованія я дошелъ до такой слѣпоты, что даже разучился знать вещи, дотолѣ мнѣ извѣстныя. Не говоря о множествѣ ихъ, укажу только на одну: отъ чего человѣкъ ростетъ? Предъ тѣмъ временемъ я считалъ очевиднымъ для всякаго, что это бываетъ отъ пищи и питья. Когда, то-есть, чрезъ пищу плоть прибавляется къ плоти, кости къ костямъ и такимъ же образомъ все прочее, что съ чѣмъ сродно, тогда небольшая тяжесть становится уже большей, и слѣдовательно, изъ малорослаго человѣка дѣлается великорослый... Теперь, клянусь Зевсомъ, я далекъ отъ мысли, что причины этихъ вещей мнѣ извѣстны“ [2]). Такъ вещи, которыя кажутся большинству весьма наглядными и понятными, мыслителю, который прикасается къ этимъ вещамъ своимъ мысленнымъ анализомъ, онѣ перестаютъ казаться простыми и понятными. И питаніе, чрезъ которое увеличивается въ объемѣ существо питающееся, Платонъ не считалъ такимъ яснымъ и простымъ, какъ это кажется большинству. Аристотель рѣшается говорить и доказывать, что не иначе, какъ душа питаетъ тѣло пищею, перевариваемою огнемъ. Важно то, что Аристотель доходитъ до этого убѣжденія не иначе, какъ при помощи возможнаго въ его время методическаго анализа. Онъ обращаетъ вниманіе на движеніе пищи въ размѣщеніи ея въ тѣлѣ; сравниваетъ его съ движеніемъ извѣстныхъ элементовъ въ природѣ и находитъ, какъ мы видѣли, что существуетъ различіе между движеніемъ пищи въ тѣлѣ и движеніемъ міровыхъ элементовъ и проч. Какъ ни слабы могутъ показаться въ настоящее время знанія Аристотеля въ наукахъ естественныхъ, тѣмъ не менѣе самый пріемъ изслѣдованія, по которому Аристотель приписываетъ питаніе душѣ, достоинъ вниманія.

---

[1]) De anim. 2, 4, 16 Πᾶσαν δ' ἀναγκαῖον τροφὴν δύνασθαι πέττεσθαι, ἐργάζεται δε τὴν πέψιν τὸ θερμὸν. Ibid. 2, 4, 8. Το δὲ συναίτιον μεν πῶς ἐστὶν, ἢ οὐ μήν ἁπλῶς γε αἴτιον.

[2]) Phaed. 96, D., перев. Карпова.

ГЛАВА V.

О душѣ ощущающей (ἡ ψυχὴ αἰσθητική).

Теоріи происхожденія ощущеній, высказанныя мыслителями до Аристотеля — Теорія происхожденія ощущеній, признанная Аристотелемъ.—Дѣленіе ощущеній, сдѣланное Аристотелемъ — Анализъ матеріальнаго процесса ощущеній. — Разсмотрѣніе Аристотелемъ каждаго внѣшняго чувства отдѣльно. — Объясненіе Аристотеля происхожденія въ насъ ощущеній «общихъ»

Предметъ, къ изложенію котораго мы переходимъ, очень рано въ греческой философіи сталъ обращать вниманіе мыслителей. Прежде Аристотеля онъ имѣлъ уже исторію толкованій и объясненій. Самъ Аристотель замѣчаетъ, что ощущеніе, какъ существенный признакъ души, обращало вниманіе прежнихъ мыслителей. Этихъ мыслителей занимали по преимуществу ощущенія, получаемыя нами чрезъ внѣшніе чувственные органы, и интересовали тою по преимуществу стороной, по которой мы чрезъ тѣлесные органы получаемъ познаніе о внѣшнемъ мірѣ и предметахъ, насъ окружающихъ. Явилось ученіе о недовѣріи внѣшнимъ чувствамъ въ дѣлѣ истиннаго познанія, а это вызывало потребность разъяснить то, какъ внѣшнія чувства сообщаютъ намъ знанія о внѣшнихъ предметахъ.

Сократъ, въ интересахъ изученія нравственной стороны человѣка, обратилъ свое вниманіе на такія тѣлесныя ощущенія, какъ, напримѣръ, голодъ, жажда и проч Платонъ рядомъ съ этими тѣлесными ощущеніями и ощущеніями, идущими чрезъ внѣшнія чувства, начинаетъ перечислять ощущенія пріятности, скорби, страха и проч, то-есть, то, что мы называемъ чувствованіями. „Имена ощущеній, говоритъ онъ въ „Теэтетѣ“, слѣдующія. зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе, вкусъ, холодъ, жаръ и, кромѣ того, пріятности, скорби, желаніе, страхъ, не упоминая о другихъ [1]). Въ „Филебѣ“ Платонъ представилъ дѣленіе ощущеній или чувствованій. Одни изъ нихъ душа испытываетъ въ соединеніи съ тѣломъ, другія принадлежатъ одной душѣ.

Аристотель въ отдѣлѣ о душѣ ощущающей ограничивается, подобно мыслителямъ до Сократа, разсмотрѣніемъ ощущеній, получаемыхъ нами чрезъ внѣшніе тѣлесные органы.

Не такъ легко, казалось, объяснить происхожденіе ощущеній, какъ происхожденіе въ насъ питанія и возрастанія. Мыслители до Сократа

---

[1]) Teaet. 156, B. Αἱ μὲν οὖν αἰσθήσεις τὰ τοιάδε ἡμῖν ἔχουσιν ὀνόματα, ὄψεις τε καὶ ἀκοαὶ καὶ ὀσφρήσεις καὶ ψύξεις τε καὶ ἐπιθυμίαι καὶ φόβοι κεκλημέναι καὶ ἄλλαι....

представили нѣсколько теорій относительно того, какъ происходитъ въ насъ познаніе внѣшнихъ предметовъ чрезъ наши тѣлесные органы. Замѣчательна, въ этомъ случаѣ, теорія Демокрита. Она состоитъ въ томъ, что отъ внѣшнихъ предметовъ отдѣляются образы (εἰδωλα), которые, проходя чрезъ воздухъ, проникаютъ въ насъ чрезъ внѣшніе тѣлесные органы, какъ чрезъ каналы [1]). Платонъ въ „Теэтетѣ“ передаетъ о другой теоріи происхожденія въ насъ ощущеній внѣшнихъ предметовъ. Эта теорія принадлежитъ мыслителямъ, которыхъ Платонъ называетъ „текущими“ (ῥέοντες) и во главѣ которыхъ стоитъ Гераклитъ. По этой теоріи движется предметъ внѣшній съ одной стороны и чувственный органъ—съ другой; при столкновеніи того и другаго происходитъ ощущеніе; предметъ движущійся дѣлается ощущаемымъ, органъ дѣлается ощущающимъ, а самое соединеніе того и другаго есть ощущеніе [2]). Аристотель указываетъ на третью теорію ощущенія внѣшнихъ предметовъ, представленную прежними мыслителями. Эта теорія объясняла происхожденіе въ насъ ощущеній дѣйствіемъ „подобнаго на подобное“ [3]). „Подобное въ насъ познаетъ подобное внѣ насъ“, говорится въ этой теоріи.

Хотя Аристотель къ послѣдователямъ теоріи, что „подобное познается подобнымъ“, причисляетъ и Платона, но относительно послѣдняго нужно замѣтить, что Аристотель неточно передаетъ его мысль и взглядъ, котораго онъ держался [4]). Въ лицѣ Платона данъ новый взглядъ на происхожденіе въ насъ ощущеній. Этотъ взглядъ ясно высказанъ въ „Теэтетѣ“. Въ ощущеніяхъ нашихъ, по убѣжденію Платона, нѣчто принадлежитъ тѣлу и нѣчто самой душѣ. Не органы ощущаютъ непосредственно, но ощущаемъ мы чрезъ органы, какъ чрезъ орудія; иначе сказать, ощущеніе, какъ такое, лежащее въ основаніи нашихъ знаній о внѣшнихъ предметахъ, принадлежитъ нашей душѣ, а не тѣлеснымъ органамъ, насколько послѣдніе по своей природѣ принадлежатъ матеріи и дѣйствію законовъ физическихъ. Платонъ, какъ мы сказали, поставилъ для себя задачей—подмѣтить

---

[1]) Plut de Pl. Phil IV. 8. Λεύκιππος καὶ Δημόκριτος τὴν αἴσθησιν καὶ τὴν νόησιν γίνεσθαι εἰδώλων ἔξωθεν προσιόντων. Arist de Divin. per somn. 2, Sext. Empir. adv Math. IX, 19 Ritter. et Preller. Histor Phil. Graec.-Rom. 50 стр.

[2]) Teaet 156, D E.

[3]) De anim 2, 5, 1 Φασὶ δε τίνες καὶ τὸ ὅμοιον ὑπὸ τοῦ ὁμοίᾳ πάσχειν. Ibid. 1, 5, 6 и слѣд

[4]) De anim. 1, 2, 7. Καὶ Πλάτων ἐν τῷ Τίμαίῳ τὴν ψυχὴν ἐκ τῶν στοιχείων ποιεῖ. γινώσκεσθαι γὰρ τὸ ὁμοίῳ τὸ ὅμοιον, τὰ δε πράγματα ἐκ τῶν ἀρχῶν εἶναι.

и разъяснить то, какъ душа постепенно освобождается отъ матеріи и дѣйствуетъ сама по своимъ законамъ. Послѣ тщательнаго анализа онъ находитъ, что въ самихъ ощущеніяхъ, которыя совершаются въ тѣлесныхъ органахъ, душа начинаетъ проявлять уже свою дѣятельность самостоятельно. „Въ ощущеніяхъ, говоритъ онъ, душа познаетъ общее и отличное, подобное и неподобное“ и проч. Это обобщеніе и различеніе ощущеній начинается такъ рано въ личности, что мы не можемъ указать предѣла, съ котораго начинается въ насъ эта дѣятельность. Это обобщеніе и различеніе ощущеній не можетъ быть отнесено къ тѣлеснымъ органамъ, потому что каждое изъ внѣшнихъ чувствъ въ отдѣльности строго заключено въ тѣсномъ своемъ кругѣ и не можетъ познавать того, что совершается въ другомъ чувствѣ. Обобщеніе и различеніе принадлежатъ дѣятельности нашей души, одинаково дѣйствующей во всѣхъ чувственныхъ органахъ [1]).

Такимъ образомъ, Платонъ въ первый разъ показалъ, что ощущенія представляютъ сложный актъ, въ которомъ дѣйствуетъ душа въ совокупности съ тѣломъ или тѣлесными органами. Аристотель оцѣнилъ эту мысль Платона и принялъ, какъ истинную, хотя и не указалъ, что она высказана Платономъ. Мысль Платона Аристотель повторяетъ въ концѣ разсужденія объ ощущеніяхъ, гдѣ говорится о чувствѣ „критическомъ“ (αἰσθησις κριτικὴ) [2]). Это чувство, какъ объясняетъ его Аристотель, судитъ (κρίνει) объ ощущеніяхъ различныхъ и общихъ. Существованіе и дѣйствіе въ человѣкѣ этого чувства показываетъ, по словамъ Аристотеля, что „тѣло наше не есть послѣдній органъ ощущеній [3]). Чувственный органъ требуетъ извѣстнаго дѣйствія на насъ предмета для того, чтобы послѣдовало ощущеніе; требуетъ присутствія предмета въ данную минуту. Чувство критическое, которое принадлежитъ нашей душѣ, не требуетъ часто присутствія и дѣйствія на насъ предмета. Достаточно бываетъ дѣйствія одного предмета, чтобы судить о другомъ или о другихъ. Объ этомъ было уже сказано. Съ другой стороны, мы судимъ о бѣломъ, напримѣръ, и пріятномъ (на вкусъ) и познаемъ ихъ различіе [4]). То и другое принадлежитъ ощущенію раз-

---

[1]) Teaet 184, E. и слѣд.

[2]) De anim 3, 3, 1. Κρίνει τι ἡ ψυχὴ Ibid. 3, 2, 3. Οὐχ' ἓν τὸ τῇ ὄψει αἰσθάνεσθαι καὶ γὰρ ὅταν μὴ ὁρῶμεν, τῇ ὄψει κρίνομεν καὶ τὸ σκοτος καὶ τὸ φῶς. Ibid. 3, 2, 10. Κρίνει τὰς τοῦ ὑποκειμένα ἀισθητοῦ διαφορὰς· οἷον λευκὸν μὲν καὶ μέλαν ὄψις et cact.

[3]) De anim 3, 2, 11. Δῆλον, ὅτι ἡ σάρξ οὐκ ἐστὶ τὸ ἔσχατον αἰσθητήριον.

[4]) De anim. 3, 2, 11 Ἀνάγκη γὰρ ἦν ἁπτόμενον αὐτοῦ κρίνειν τὸ κρίνον. Οὔτε δὴ

личныхъ отдѣльныхъ тѣлесныхъ органовъ. „Но чувства отдѣльныя не могутъ судить, говоритъ Аристотель, что пріятное есть другое, чѣмъ бѣлое“. Платонъ спрашиваетъ въ этомъ случаѣ Теэтета: „Не признаешь ли ты невозможнымъ, чтобы то, что ты ощущаешь посредствомъ одной способности (то-есть, одного тѣлеснаго органа), было ощущаемо посредствомъ другой, напримѣръ, чтобъ ощущаемое посредствомъ слуха было ощущаемо посредствомъ зрѣнія, или ощущаемое посредствомъ зрѣнія было ощущаемо посредствомъ слуха?—Какъ же можно не признать. Итакъ, когда мы мыслимъ что-нибудь о двухъ такихъ ощущеніяхъ, то, конечно, ты будешь познавать въ нихъ нѣчто не посредствомъ иного, отличнаго отъ двухъ первыхъ, тѣлеснаго органа, также и не посредствомъ одного изъ этихъ двухъ органовъ!—Справедливо“ [1]).

Замѣчаютъ, что Аристотель въ указанномъ сейчасъ пунктѣ разногласитъ съ Платономъ. Платонъ познаніе „общаго“ и „отличнаго“ въ ощущеніяхъ относитъ къ самой душѣ, Аристотель — къ тому же чувству [2]), называя это чувство общимъ и имѣющимъ способность судить. Послѣ указанныхъ нами мѣстъ того и другаго мыслителя, изъ которыхъ видно, что оба говорятъ одно и то же и почти одними словами, намъ страннымъ кажется упомянутое замѣчаніе о разногласіи Аристотеля съ Платономъ. Аристотель кстати объяснилъ, почему онъ познаніе общаго и различнаго въ ощущеніяхъ относитъ къ тому же чувству. Познаніе это, по его словамъ, относится къ „предметамъ чувственнымъ“ [3]). Есть предметы „чувственные“ (αἰσθητὰ) и предметы „умственные“ (νοητὰ), по ученію Аристотеля, равно какъ и по ученію Платона. Въ этомъ случаѣ, по ученію Платона, и „мнѣніе“ (δόξα) имѣетъ дѣло съ чувственными предметами [4]), не говоря уже объ ощущеніяхъ.

Нужно отдать полную справедливость Аристотелю въ томъ, что отдѣлъ объ ощущеніяхъ представляетъ у него замѣчательную въ его время разработку. Аристотель раздѣляетъ ощущенія на три раз-

---

κεχωρισμένοις ἐνδεχεται κρίνειν, ὅτι ἕτερον τὸ γλυκὺ τοῦ λευκοῦ, ἀλλὰ δεῖ ἑνὶ τίνι ἄμφω δῆλα εἶναι.

[1]) Teaet. 184, D.

[2]) De anim. 3, 2, 10. Ἐπεὶ δὲ καὶ τὸ λευκὸν καὶ τὸ γλυκὺ καὶ ἕκαστον τῶν αἰθητῶν προς ἕκαστον κρίνομεν, τίνι καὶ αἰσθανόμεθα ὅτι διαφέρει: ἀνάγκη δὴ αἰσθήσει.

[3]) De anim. 3, 2, 10. Αἰσθητὰ γὰρ ἐστὶν

[4]) Tim 28, B (Πάντα δὲ τὰ τοιαῦτα αἰσθητὰ) τὰ δε αἰσθητὰ, δόξῃ περιλῆπτα μετα αἰσθήσεως.

ряда: a) ощущенія „собственныя“ для каждаго изъ внѣшнихъ чувствъ въ отдѣльности [1]); b) ощущенія какъ-бы „случайныя“, то-есть, они получаются въ извѣстномъ случаѣ и отъ извѣстнаго предмета, но могутъ и не быть получены въ томъ же случаѣ и отъ того же предмета (напримѣръ, мы видимъ сына Діары бѣлымъ, ощущеніе бѣлаго и есть случайное ощущеніе) [2]); наконецъ, c) ощущенія „общія“, которыя не принадлежатъ исключительно ни одному изъ внѣшнихъ чувствъ, напримѣръ, покой, движеніе и проч. [3]).

Мы уже видѣли, что ощущеніе слагается изъ природы тѣлесной и душевной, что оно происходитъ чрезъ посредство тѣлесныхъ органовъ при участіи самостоятельной дѣятельности души. Но прежде, чѣмъ ощущеніе вызоветъ участіе душевной дѣятельности, въ чувственномъ органѣ происходитъ сложный процессъ матеріальный. Для того, чтобъ ощущеніе совершилось, нуженъ внѣшній предметъ и его дѣйствіе на чувственный органъ. По принятому Аристотелемъ методу къ этому-то предмету, вызывающему ощущеніе, и нужно сначала обратиться при изслѣдованіи и опредѣлить его [4]).

Здѣсь Аристотель занимается рѣшеніемъ того же вопроса, который онъ рѣшалъ и въ теоріи питанія, именно: „подобное дѣйствуетъ на подобное“ или, наоборотъ, „противное дѣйствуетъ на противное [5]). Рѣшеніе этого вопроса одинаково и здѣсь, какъ и въ теоріи питанія; но здѣсь теорія Аристотеля развита полнѣе и обстоятельнѣе.

Платонъ ощущеніе называетъ „перемѣною“ (ἀλλοίωσις) въ ощущающемъ органѣ. Наглядное доказательство этому Платонъ указалъ въ такихъ ощущеніяхъ тѣлесныхъ, каковы голодъ, жажда, боль и проч. Эти ощущенія предшествующіе мыслители упускали изъ виду, когда говорили объ ощущеніяхъ. Разсужденніе объ ощущеніяхъ находится въ „Теэтетѣ“, „Филебѣ“ и другихъ діалогахъ. Платонъ развиваетъ свою теорію тѣлесныхъ ощущеній такимъ образомъ. Движеніе, говоритъ онъ въ діалогѣ „Теэтетъ“, бываетъ двухъ родовъ:

---

[1]) De anim. 2, 6, 2. Λέγω δ' ἴδιον μὲν ὁ μὴ ἐνδέχεται ἑτέρᾳ αἰσθήσει αἰσθάνεσθαι, οἷον ὄψις χρώματος, ἀκοὴ ψόφου καὶ γεῦσις χυμοῦ.

[2]) De anim. 2, 6, 4. Κατὰ συμβεβηκὸς δὲ λέγεται αἰσθητόν, οἷον εἰ τὸ λευκὸν εἴη Διάρους υἱός.

[3]) De anim 2, 6, 3. Κοινὰ (αἰσθητὰ) δὲ κίνησις, ἠρεμία, ἀριθμος, σχῆμα, μέγεθος· τὰ γὰρ τοιαῦτα οὐδεμιᾶς ἐστιν ἴδια, ἀλλὰ κοινὰ πάσαις.

[4]) De anim 2, 6, 1. Λεκτέον δε καθ' ἑκάστην αἴσθησιν περὶ τῶν αἰσθητῶν πρῶτον.

[5]) De anim. 2, 5, 3. Διὸ ἔστι μὲν ὡς ὑπο τοῦ ὁμοίου πάσχει, ἔστι δὲ ως ὑπὸ τοῦ ἀνομοίου.

въ одномъ предметѣ движущійся проходитъ извѣстное пространство, въ другомъ онъ можетъ не перемѣнять своего мѣста. Въ послѣднемъ случаѣ движеніе обнаруживается только перемѣною, происходящею въ предметѣ. Движеніе такого рода происходитъ, между прочимъ, въ тѣлѣ человѣка. Тѣло человѣка, какъ и всякаго животнаго, состоитъ, по убѣжденію Платона, изъ элементовъ природы, которые такъ расположены въ тѣлѣ, что оно представляетъ въ себѣ гармоническое устройство какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ. Это гармоническое тѣло способно къ постоянному измѣненію чрезъ движеніе. Перемѣны въ тѣлѣ, особенно тѣ, которыя ощутительно нарушаютъ гармоническое устройство тѣла, дѣлаются причиной явленія въ насъ ощущеній различнаго рода. Голодъ, жажда и подобныя ощущенія суть наглядныя доказательства тому, что перемѣны въ тѣлѣ имѣютъ своимъ послѣдствіемъ явленіе въ насъ извѣстныхъ ощущеній. Въ противоположность указаннымъ сейчасъ перемѣнамъ въ тѣлѣ, другія перемѣны, восполняющія происшедшій въ тѣлѣ недостатокъ, ведутъ за собой другія ощущенія, противоположныя первымъ: является чувство довольства послѣ томительнаго, напримѣръ, чувства голода, когда чрезъ принятіе пищи восполняется недостатокъ въ тѣлѣ. На такую тѣсную зависимость явленія въ насъ ощущеній отъ перемѣны въ тѣлѣ или въ какой-либо его части указываетъ, между прочимъ, Сократъ своимъ ученикамъ въ темницѣ, когда съ ноги его сняты были оковы. „Я, говоритъ онъ, прежде чувствовалъ отъ оковъ въ своей ногѣ боль, а теперь за болью слѣдуетъ, кажется, что-то пріятное“ [1]). Законъ одинаковъ и для происхожденія ощущеній въ чувственныхъ органахъ: ощущеніе есть слѣдствіе перемѣны въ органѣ, происшедшей отъ дѣйствія на него внѣшняго предмета. Свою теорію относительно происхожденія ощущеній собственно внѣшнихъ Платонъ развиваетъ въ „Теэтетѣ“. Выводъ сдѣланъ такой, что тѣлесный органъ, чрезъ который мы ощущаемъ, прежде всего становится въ страдательное положеніе и чрезъ дѣйствіе на него внѣшняго предмета испытываетъ перемѣну.

Мысль, высказанную и наглядымъ образомъ доказанную Платономъ, что ощущеніе происходитъ отъ „перемѣны“ въ ощущающемъ субъектѣ или органѣ, принялъ и Аристотель [2]). Поэтому поставленный

[1]) Phaed. 60. C. Ἐπειδὴ ὑπὸ τοῦ δεσμοῦ ἦν τῷ σκέλει πρότερον τὸ ἀλγεινόν, ἥκειν δή φαίνεται ἐπακολουθοῦν τὸ ἡδύ.

[2]) De anim. 2, 5, 1. Ἡ δ' αἴσθησις ἐν τῷ κινεῖσθαι καὶ πάσχειν συμβαίνει. δοκεῖ γὰρ ἀλλοίωσίς τις εἶναι.

выше вопросъ: „отъ подобнаго ли подобное испытываетъ дѣйствіе въ ощущеніи, или отъ неподобнаго“, разрѣшается самъ собой. Если ощущающій органъ въ актѣ ощущенія испытываетъ перемѣну и нѣкотораго рода разрушеніе, то понятно, что то, что̀ страдаетъ, не есть подобное тому, что̀ дѣйствуетъ [1]).

Но страдательное положеніе субъекта или чувствующаго органа имѣетъ, по убѣжденію Аристотеля, значеніе въ актѣ ощущенія только до извѣстнаго момента. Указанный выше актъ въ ощущеніи есть „актъ неполный“ [2]), говоритъ Аристотель. Уже Платонъ говорилъ „о силахъ“, которыя имѣетъ наша природа и которыя составляютъ нашу мощь и способность быть дѣятельными среди страданія. „Мы, говоритъ онъ въ V-й книгѣ „Политики“, скажемъ, что силы суть нѣкоторый родъ вещей существующихъ, что пми-то и мы можемъ, что̀ можемъ, и все другое, что̀ ни могло бы; такъ, напримѣръ, зрѣніе и слухъ принадлежатъ, говорю, къ числу силъ, если только ты понимаешь, что̀ хочу я сказать этимъ родомъ.... Въ силѣ не вижу я, продолжаетъ Платонъ, ни цвѣта, ни образа, ничего такого, что̀ вижу во многомъ другомъ, и на что̀ смотря, во мнѣ самомъ опредѣляю, что это иное, а то опять иное. Въ силѣ я смотрю только на то, къ чему она направляется и что̀ дѣлаетъ, и по этому даю имя, такъ что къ тому же направляющуюся и то же производящую называю тою же, а направленную къ иному и дѣлающую иное“ — иною [3]). Аристотель разсуждаетъ о тѣхъ же силахъ нашей природы при помощи усвоенной имъ терминологіи. Онъ говоритъ о сущности „въ возможности“ и сущности „въ реальности“, или „дѣйствіи“ [4]). „Въ ощущеніи, говоритъ онъ, нужно различать два смысла и познавать, съ одной стороны, ощущеніе въ дѣйствіи и

---

[1]) De anim. 2, 5, 3. Πάσχει μέν γὰρ τὸ ἀνομοιον. Ibid. 2, 5, 7. Πάσχει μὲν οὖν οὐχ' ὅμοιον.

[2]) De anim. 2, 5, 3. Καὶ γὰρ ἐστιν ἡ κίνησις ἐνέργεία τις, ἀτελὴς μέντοι.

[3]) De Rep. Lib. V, 477, C. D. Φήσομεν δυνάμεις εἶναι γένος τι τῶν ὄντων, αἷς δὴ καὶ ἡμεῖς δυνάμεθα ἃ δυνάμεθα, καὶ ἄλλο πᾶν ὅ τι περ ἂν δύνηται οἷον λέγω ὄψιν καὶ ἀκοὴν τῶν δυνάμεων εἶναι, εἰ ἆρα μανθάνεις ὃ βήλομαι λέγειν τὸ εἶδος. .. Δυνάμεως γὰρ ἐγὼ οὐτε τίνα χρόαν ὁρῶ οὐτε σκῆμα οὐτε τι τῶν τοιούτων οἷον καὶ ἄλλων πολλῶν πρὸς ἃ ἀποβλέπων ἕνια διορίζομαι παρ' ἐμαυτῷ τὰ μὲν ἄλλα εἶναι, τὰ δὲ ἄλλα. Δυνάμεως δ' εἰς ἐκεῖνο μονον βλέπω, ἐφ' ᾧτε ἔστι καὶ ὃ ἀπεργάζεται, καὶ ταύτῃ ἑκάστην αὐτῶν δύναμιν ἐκαλεσα, καὶ τὴν μὲν ἐπὶ τῷ αὐτῷ τεταγμένην καὶ τὸ αὐτὸ ἀπεργαζομένην τὴν αὐτὴν καλῶ, τὴν δὲ ἐπὶ ἑτέρῳ καὶ ἕτερον ἀπεργαζομένην ἀλλὴν.

[4]) De anim. 2, 5, 2. Διχῶς ἂν λέγοιτο καὶ ἡ αἴσθησις ἢ μὲν ὡς δυνάμει, ἢ δε ὡς ἐνέργεια.

съ другой — ощущеніе въ возможности". Такъ говоритъ онъ о каждомъ внѣшнемъ чувствѣ въ отдѣльности. Аристотель силамъ ощущеній, какъ и силѣ питанія, присвояетъ стремленіе „сохранять то, что̀ есть „въ возможности" [1]) Это, по объясненію Аристотеля, достигается такимъ образомъ, что ощущеніе „уподобляется" (ὁμοίωται) [2]) тому, что̀ ощущается. Ощущающее до тѣхъ поръ остается неподобнымъ, пока остается въ страдательномъ положеніи; въ полномъ же актѣ ощущенія органъ ощущающій и предметъ ощущаемый отождествляются въ существѣ чувствующемъ. Аристотель не хочетъ этимъ выраженіемъ уничтожить самостоятельное существованіе того или другаго. „Бытіе ихъ, говоритъ онъ, различно" [3]). Отождествленіе происходитъ въ пользу предмета: чувство или органъ ощущающій уподобляется предмету ощущаемому. Но въ то же время отождествленіе совершается въ существѣ ощущающемъ и самостоятельное существованіе предмета остается неизмѣннымъ и независимымъ. Аристотель выводитъ отсюда, что чувство воспринимаетъ „формы предметовъ безъ матеріи" [4]). Тутъ играетъ важную роль у Аристотеля „посредствующее" въ ощущеніи.

Мы уже видѣли, что Аристотель призналъ необходимость посредствующаго въ питаніи. Уже у Платона мы встрѣчаемъ указаніе на посредствующее въ ощущеніи зрѣнія: это — свѣтъ солнца, освѣщающаго всѣ предметы. Но Платонъ не допускалъ посредствующаго ни въ какомъ другомъ внѣшнемъ чувствѣ [5]). Аристотель, напротивъ, доказываетъ, что для воспріятія чрезъ каждое изъ внѣшнихъ чувствъ предметовъ, внѣ насъ существующихъ, необходимо посредствующее. Оно и дѣйствительно существуетъ. Этимъ посредствующимъ служатъ воздухъ и вода для зрѣнія, слуха, обонянія. Одно осязаніе, повидимому, ощущаетъ безъ посредства; но это только повидимому. Посредствующее въ чувствѣ осязанія составляетъ наше тѣло [6]). Только при посредствующемъ возможно, по убѣжденію Аристотеля, ощущеніе. Ощущеніе съ физической стороны возможно тамъ, гдѣ возможно вос-

---

[1]) De anim. 2, 5, 5. Τό δε σωτήρια μᾶλλον τοῦ δυνάμει ὄντος.

[2]) De anim. 2, 5, 3. Πεπονθὸς δ' ὁμοίον ἐστιν Ibid. 2, 5, 7. Πεπονθὸς δ' ὁμοίωται καὶ ἔστιν οἷον ἐκεῖνο.

[3]) De anim. 3, 2, 4. Ἡ δὲ τοῦ αἰσθητοῦ ἐνέργεια καὶ τῆς αἰσθήσεως ἡ αὐτή μέν ἐστι καὶ μία, τὸ δ' εἶναι οὐ ταὐτόν αὐταῖς.

[4]) De anim. 2, 11, 1. Καθόλα δὲ περὶ πασης αἰσθήσεως δεῖ λαβεῖν, ὅτι ἡ μὲν αἴσθησίς ἐστι τὸ δεκτικὸν τῶν αἰθητῶν εἰδῶν ἄνευ τῆς ὕλης.

[5]) De Rep. Lib. 6, 507, C. D. E 508, A.

[6]) De anim. 2, 11, 9. Τὸ μεταξὺ τοῦ ἁπτικοῦ ἡ σάρξ.

пріятіе формы предмета безъ матеріи. Въ этомъ же послѣднемъ случаѣ дѣйствіе предмета на ощущающій органъ должно совершаться чрезъ посредствующее. Аристотель говоритъ, что растенія не имѣютъ ощущенія, между прочимъ, потому, что они испытываютъ дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ, непосредственно проникаясь матеріей дѣйствующаго на нихъ [1]); напримѣръ, холодъ всецѣло проникаетъ въ растеніе, и овладѣвая имъ, дѣлаетъ его холоднымъ по своему свойству; такимъ же образомъ дѣйствуетъ на растеніе и огонь. Въ ощущеніи для того, чтобы послѣднее совершилось, должно существовать извѣстное отношеніе (λογος) между ощущающимъ органомъ и предметомъ ощущаемымъ. Чрезмѣрное дѣйствіе внѣшняго предмета на органъ не можетъ быть воспринято въ ощущеніи; напротивъ, оно, по вѣрному замѣчанію Аристотеля, которое высказано и Платономъ, разрушаетъ органъ [2]); напримѣръ, чрезмѣрное дѣйствіе свѣта на глазъ разрушительно дѣйствуетъ на послѣдній; равно какъ чрезмѣрный звукъ разрушаетъ органъ слуха.

Аристотель разсматриваетъ въ своемъ трактатѣ каждое изъ внѣшнихъ чувствъ отдѣльно. Здѣсь онъ измѣняетъ въ изложеніи своему пріему — начинать разсмотрѣніе предмета съ низшаго, общаго вида, а говоритъ сначала о чувствѣ зрѣнія, — о чувствѣ высшемъ въ ряду другихъ чувствъ [3]). Причина этому, кажется, та, что Аристотелю нужно было указать необходимость существованія посредствующаго въ дѣйствіи каждаго изъ внѣшнихъ чувствъ, а это посредствующее всего нагляднѣе обозначается въ дѣйствіи чувствъ высшихъ — зрѣнія и слуха и всего менѣе замѣтно въ дѣйствіи чувствъ низшихъ — вкуса и осязанія. Самыми необходимыми для живаго существа чувствами Аристотель признаетъ чувства низшія [4]), такъ какъ они стоятъ въ связи съ питаніемъ и сохраненіемъ жизни живыхъ существъ [5]) Поэтому, чувство, напримѣръ, осязанія есть необходимая принадлежность каждаго существа, имѣющаго способность ощущенія. Другія чувства, особенно высшія, встрѣчаются не у всѣхъ живыхъ существъ и Аристотель называетъ ихъ только полезными для существа живаго [6]).

Мы не будемъ входить въ изложеніе ученія Аристотеля о каж-

---

[1]) De anim 2, 12, 4. Πάσχειν μετὰ τῆς ὕλης.

[2]) De anim, 2, 12, 3. Τῶν αἰσθητῶν ὑπερβολαὶ φθείρουσι τα αισθητήρια

[3]) De anim. 3, 3, 14 Ἡ ὄψις μάλιστα αἴσθησίς ἐστι.

[4]) De anim 3, 11, 7. Αὐταὶ (ἁφὴ καὶ γεῦσις) μὲν οὖν ἀναγκεῖαι τῷ ζῴω.

[5]) De anim 3, 11, 7 Καὶ φανερον ὅτι οὐχ' οἷον τε ἄνευ ἁφῆς εἶναι ζῷον

[6]) De anim 3, 11, 8 Αι δ' ἄλλαι τοῦ τε εὖ ἕνεκα

домъ чувствѣ отдѣльно. Правда, въ ученіи о дѣйствіи нашихъ внѣшнихъ чувствъ, разсматриваемыхъ отдѣльно, Аристотель обнаруживаетъ довольно остроумія и наблюдательности; но физическія и физіологическія объясненія дѣйствія чувствъ, представленныя Аристотелемъ, въ настоящее время не заслуживаютъ вниманія и не возбуждаютъ научнаго интереса. Это и выражаетъ Германъ Бэкъ въ концѣ своей диссертаціи „о дѣйствіи чувствъ“ по ученію Аристотеля.

Относительно ощущеній общихъ и ощущеній, названныхъ Аристотелемъ случайными (κατα συμβαιβηκός), было уже нѣчто высказано выше. Здѣсь намъ остается сдѣлать дополненіе къ сказанному.

Было высказано, что Платонъ указалъ въ самыхъ ощущеніяхъ самостоятельную дѣятельность нашей души, дѣйствующей по своимъ законамъ, отличнымъ отъ дѣйствія законовъ вещества. Мы видѣли также, что мысль Платона принялъ въ этомъ случаѣ и Аристотель. Это дало Аристотелю возможность объяснить происхожденіе въ насъ такихъ ощущеній, каковы, напримѣръ, ощущенія движенія, покоя, фигуры, числа, величины и проч.

Относительно внѣшнихъ пяти чувствъ замѣчено, что каждое изъ нихъ передаетъ тѣ ощущенія, которыя оно способно передавать, и не можетъ передавать въ ощущеніи того, что принадлежитъ воспріятію другаго чувства; напримѣръ, зрѣніе передаетъ только ощущеніе свѣта и того, что освѣщено, но не можетъ передать звука, который принадлежитъ передачѣ другаго чувства. Но передачѣ какого чувства принадлежатъ тѣ ощущенія, которыя поименованы выше, именно: ощущенія движенія, покоя, фигуры, числа, величины и проч.? Есть ли это отдѣльный чувственный органъ сверхъ пяти внѣшнихъ чувствъ, или упомянутыя ощущенія передаются тѣми же указанными внѣшними чувствами? Аристотель доказываетъ, что „нѣтъ иного чувства въ человѣкѣ, кромѣ пяти извѣстныхъ чувствъ: зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса, осязанія“, и что общія ощущенія не передаются особеннымъ, для нихъ только существующимъ, чувственнымъ органомъ [1]). Какъ мы получаемъ общія ощущенія, могутъ пояснить намъ слѣдующіе примѣры. Случается, напримѣръ, что мы зрѣніемъ ощущаемъ сладкое, или, смотря на желчь, представляемъ ее желтой и горькой. Послѣднее свойство мы воспринимаемъ чрезъ то же самое

[1]) De anim 3, 1, 1 Οὐκ ἔστι αἰσθησις ἑτερα παρὰ τὰς πέντε (λέγω δὲ ταύτας ὄψιν, ἀκοήν, ὄσφρησιν, γεῦσιν, ἁφὴν). Ibid 3, 1, 5 Ἀλλὰ μὴν οὐδὲ τῶν κοινῶν οἷον τ' εἶναι αἰσθητήριον τι ἴδιον Ibid. Ἀδύνατον ἴδιαν αἰσθησιν εἶναι τοὐτων (κοινῶν) οἷον κινήσεως.

зрѣніе [1]) въ извѣстный данный моментъ, въ который мы не ощущаемъ непосредственно желчи органомъ вкуса. Для двухъ вещей мы имѣемъ случайно въ данныхъ примѣрахъ одно чувство, которымъ и познаемъ ихъ, коль скоро онѣ совпадаютъ вмѣстѣ. Общія ощущенія происходятъ въ насъ такимъ же образомъ. Одна вещь всегда слѣдуетъ за другою и сопутствуетъ ей; поэтому онѣ обѣ и сливаются въ одномъ ощущеніи (αμφω ἓν) [2]). Но тотъ ошибется, кто пріиметъ ихъ за одно чувство; напримѣръ, тотъ ошибется, кто пріиметъ всякій желтый предметъ за желчь, обладающую горькимъ свойствомъ [3]) Равнымъ образомъ, ошибется и тотъ, кто приметъ за одну вещь цвѣтъ и величину, существующіе постоянно вмѣстѣ [4]). Аристотель понялъ, такимъ образомъ, сложное происхожденіе въ насъ общихъ ощущеній и указалъ средство узнавать сложное происхожденіе ихъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что для того и даны намъ многія чувства, а не одно для воспріятія общихъ ощущеній, чтобы мы имѣли меньше возможности ошибаться. Если бы мы однимъ, напримѣръ, зрѣніемъ воспринимали общее ощущеніе, то въ вышеприведенномъ примѣрѣ цвѣтъ (χρωμα) и величину (μέγεθος) мы принимали бы за одно, такъ какъ они постоянно слѣдуютъ нераздѣльно одно съ другимъ. Наблюдая же общее ощущеніе въ различныхъ чувственныхъ предметахъ чрезъ различные чувственные органы, мы находимъ, что цвѣтъ и величина различны между собою. Въ другомъ мѣстѣ Аристотель указываетъ на то, что мы имѣемъ въ себѣ способность „судить“ (κρίνειν) и различать то, что въ ощущеніяхъ кажется неразличнымъ [5]). Эта способность не принадлежитъ, какъ было сказано, тѣлу. Безъ этой способности и многіе чувственные органы не давали бы ощущеній и ихъ различенія. Аристотель говоритъ, что благодаря этой нетѣлесной способности, присущей каждому изъ внѣшнихъ чувствъ, въ каждомъ изъ нихъ совершается различеніе чувственныхъ предметовъ, напримѣръ зрѣніе отличаетъ бѣлое и черное, вкусъ — сладкое и горькое и проч. [6]).

[1]) De anim. 3, 1, 5. Τῇ ὄψει το γλυκὺ αἰθανόμεθα.

[2]) De anim 3, 1, 6 Ἁμφοῖν ἔχοντες τυγχάνομεν αἴσθησιν, ᾗ καί ὅταν συμπεσωσιν ἀναγνωρίζομεν.

[3]) De anim 3, 1, 7. Διο καὶ ἀπατᾶται καὶ ἐὰν ᾖ ξανθὸν χολὴν οἴεται εἶναι.

[4]) De anim 3, 1, 8 Ἐδόκει τοῦτο εἶναι πάντα διὰ το ἀκολουθεῖν ἀλλήλοις ἅμα χρῶμα καὶ μέγεθος

[5]) De anim. 3, 1, 8. Κρίνει τὰς τοῦ ὑποκειμένου αἰσθητοῦ διαφοράς.

[6]) De anim. 3, 2, 10 Οἷον λευκον μεν (κρίνει) καὶ μέλαν ὄψις, γλυκὺ δε καὶ πικρον γεῦσις.

ГЛАВА VI.

О воображеніи (φαντασία), памяти (μνήμη) и припоминаніи (ἀνάμνησις).

Разграниченіе между ощущеніемъ и знаніемъ или высшею дѣятельностію души, которая приводитъ къ знанію и основывается на памяти — Перечисленіе Платономъ способностей, дѣйствующихъ послѣ совершившагося въ насъ ощущенія, и ученіе его о воображеніи, памяти и припоминаніи — Перечисленіе тѣхъ же способностей у Аристотеля. — Ученіе Аристотеля о воображеніи, памяти и припоминаніи — Общее замѣчаніе объ ученіи Платона и Аристотеля о припоминаніи.

Послѣ Сократа разработка психологическихъ вопросовъ и ученія о душѣ быстро подвинулась впередъ, благодаря тому, что подмѣчена была самостоятельная дѣятельность души, дѣйствующей по своимъ законамъ, отличнымъ отъ законовъ дѣйствія вещества. Чрезъ это открыта была широкая область для наблюденій и изученія. Наблюдателю открылись самыя разнообразныя явленія душевной жизни, которыя прежде не обращали почти на себя вниманія мыслителей. „Намъ данъ природою разумъ, говоритъ Сократъ; при помощи его мы разсуждаемъ о всѣхъ предметахъ, воспринятыхъ нашими чувствами; имѣя способность памяти, мы стараемся удерживать нужныя представленія; изобрѣтаемъ многое, а чрезъ это пользуемся тѣмъ, что намъ полезно, и отвращаемся отъ того, что вредно“ [1]). Платонъ въ „Теэтетѣ“ и „Филебѣ“ показалъ, какая длинная и разнообразная работа совершается въ душѣ уже послѣ того, какъ послѣдуетъ ощущеніе. Для того, чтобы совершалась въ душѣ указанная дѣятельность, не необходимо бываетъ присутствіе и непосредственное дѣйствіе на насъ внѣшняго предмета; предметъ можетъ отсутствовать въ данную минуту. Дѣятельность души совершается въ этомъ случаѣ при помощи памяти и припоминанія. Сократъ первый указалъ на значеніе памяти и припоминанія въ нашей душевной жизни и дѣятельности. Платонъ открылъ и законъ дѣйствія въ насъ памяти и припоминанія.

Древніе мыслители, по свидѣтельству и убѣжденію Платона и Аристотеля, допускали ту ошибку, что мысль и ощущеніе отождествляли. Платонъ въ „Теэтетѣ“ обличаетъ въ этомъ главнымъ образомъ софиста Протагора. Но то же дѣлала, по его свидѣтельству, цѣлая школа

---

[1]) Memorabil IV. 3, 11 Τὸ δὲ καὶ λογισμὸν ἡμῖν ἐμφῦσαι, ᾧ, περὶ ὧν αἰσθανόμεθα, λογιζόμενοι τε καὶ μνημονεύοντες, καταμανθάνομεν, ὅπη ἑκάστα συμφέρει, καὶ πολλὰ μηχανώμεθα, δι' ὧν τῶν τε ἀγαθῶν ἀπολαύομεν καὶ τὰ κακὰ ἀλεξόμεθα.

древнихъ мыслителей. Аристотель указываетъ на того же Протагора. Онъ не называетъ его по имени, но высказываетъ его положеніе, именно: „всѣ предметы таковы, какими они намъ кажутся“ [1]). Но главнымъ образомъ Аристотель указываетъ на Эмпедокла. Его называетъ по имени и выписываетъ его положеніе. Вотъ это положеніе: „мысль растетъ въ человѣкѣ въ присутствіи предмета“ [2]).

Ложные выводы, которые дѣлалъ Протагоръ изъ положенія, что „всѣ предметы таковы, какими они намъ кажутся“, послужили для Платона поводомъ къ написанію замѣчательнаго діалога „Теэтетъ“, или „о знаніи“. Въ этомъ діалогѣ Платонъ съ замѣчательнымъ умѣніемъ и съ глубокимъ психологическимъ анализомъ доказываетъ, что „знаніе“ и „ощущеніе“ отождествлять нельзя. Потребовалось сначала точно опредѣлить ощущеніе Въ анализѣ ощущеній оказалось, что мы мыслимъ и познаемъ общее (κοινὸν) и отличное (ἕτερον) въ такихъ ощущеніяхъ, которыя переданы намъ чрезъ различные тѣлесные органы. Это дѣйствіе простирается не только на ощущенія настоящія, но и на прошедшія. Не говоря уже объ ощущеніяхъ прошедшихъ, самыя современныя ощущенія должны продлить на нѣкоторое время свое существованіе въ насъ для того, чтобы мы могли мыслить и познавать въ нихъ общее и различное. Опытъ дѣйствительно показываетъ, что если мы, разсмотрѣвши какой-либо предметъ, закроемъ свои глаза, то находимъ въ себѣ образъ этого предмета и продолжаемъ какъ бы видѣть его. Этотъ образъ продолжаетъ существовать въ насъ неопредѣленное время, такъ что послѣ, спустя долгое время, мы встрѣчаемъ въ своей мысли тотъ же образъ. Это самое даетъ намъ возможность свободно располагать запасомъ ощущеній, избирать по произволу тѣ изъ нихъ, которыя намъ нужны, и сопоставлять ихъ по своему желанію. Запасъ ощущеній, который имѣетъ въ большей или меньшей мѣрѣ каждый, Платонъ сравниваетъ съ „клѣткой“, наполненною птицами. Въ выборѣ воспоминаемыхъ ощущеній мы можемъ ошибаться и для извѣстнаго знанія можемъ воспользоваться ощущеніемъ совершенно не тѣмъ, которое нужно намъ въ данномъ случаѣ. Положеніе Протагора ошибочно въ томъ отношеніи, что то̀, „что̀ намъ кажется“, можетъ быть произвольно и ошибочно составлено нами изъ нашего запаса ощущеній. Оно можетъ быть составлено ошибочно и ложно только потому, что мы выбрали на этотъ

---

[1]) De anim. 3, 3, 2.

[2]) De anim. 3, 3, 1.

разъ и сопоставили не тѣ ощущенія, которыя нужно было выбрать. Часто въ нашей власти находится сдѣлать то, чтобы предметъ казался намъ инымъ. Стремленіе наше должно быть направлено къ тому, чтобы познать предметъ такъ, какъ онъ дѣйствительно существуетъ. Этого мы можемъ достигнуть при помощи той же мысли, которая, дѣйствуя свободно, приводитъ насъ нерѣдко къ заблужденіямъ и ошибкамъ. Такимъ-то образомъ Платонъ старался доказать, что „знаніе (ἐπιστήμη) не одно и то же съ ощущеніемъ (αἴσθησις)". Въ ощущеніи требуется, чтобы предметъ непосредственно дѣйствовалъ на чувственный органъ. Въ мысли присутствіе предмета въ данную минуту предъ нами не необходимо. Для мысли не требуется этого потому, что она имѣетъ дѣло непосредственно съ образами предметовъ и ощущеніями, сохраняемыми памятью. Чувство чрезъ непосредственное дѣйствіе на него предмета дѣйствуетъ непропзвольно и пассивно. Поэтому, ощущенія, какъ ощущенія, всегда истинны, напримѣръ, ощущеніе бѣлаго, краснаго и проч. То-есть, ощущенія слѣдуютъ закону необходимости и независимы отъ нашей воли; они всегда одинаковы и говорить объ ошибочности ихъ, собственно говоря излишне. Мысль дѣйствуетъ пропзвольно; поэтому, мысль можетъ быть и бываетъ не рѣдко ошибочна.

То же различіе между ощущеніемъ и мыслію выставляетъ и Аристотель. „Чувствомъ, говоритъ онъ, мы не познаемъ ни будущаго, ни прошедшаго, но всегда настоящее" [1]). Ощущеніе каждаго чувства въ отдѣльности всегда истинно, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и присуще всѣмъ животнымъ, размышленіе же допускаетъ и ошибки" [2]).

Мысль и размышленіе взяты были выше въ обширномъ смыслѣ въ противоположность ощущеніямъ, получаемымъ чрезъ тѣлесные органы. Подъ именемъ мысли разумѣлась вся обширная познавательная дѣятельность души, которая слѣдуетъ послѣ ощущеній. Но какъ Платонъ, такъ и Аристотель, въ дальнѣйшей послѣ ощущеній познавательной дѣятельности души отличаютъ нѣсколько видовъ этой дѣятельности, различныхъ между собою по характеру проявленія. Платонъ такъ представляетъ дѣло въ „Теэтетѣ" и „Политикѣ". Вся раз-

---

[1]) De Memor. 1, 449, 6. Edit. Academ. Reg Borus. Ταυτῃ (αἰσθήσει) γὰρ οὔτε τὸ μέλλον οὔτε τὸ γενόμενον γνωρίζομεν, ἀλλα τὸ παρον μόνον

[2]) De anim. 3, 3, 3. Ἡ μεν αἴσθησις τῶν ἰδίων ἀεὶ ἀληθὴς καὶ πᾶσιν ὑπάρχει τοῖς ζωοις, διανοεῖσθαι δ' ἐνδέχεται καὶ ψευδῶς

нообразная и длинная познавательная дѣятельность души, о которой мы говорили выше, направлена къ тому, чтобы пріобрѣсти истинное знаніе. Эта дѣятельность начинается съ ощущеній, чрезъ которыя мы познаемъ внѣшніе предметы. Мы ничего не можемъ мыслить и знать о томъ предметѣ, который никогда не воспринятъ нами въ ощущеніи. Въ этомъ смыслѣ и ощущеніе есть уже нѣкотораго рода знаніе. Но относительно тѣхъ предметовъ, которые мы восприняли чрезъ чувства, мы говоримъ, что одни изъ нихъ мы дѣйствительно знаемъ, другихъ же не знаемъ. Въ послѣднемъ случаѣ знаніе понимается въ тѣсномъ смыслѣ. Подъ нимъ разумѣется нѣчто иное, чѣмъ въ первомъ случаѣ, гдѣ знаніе принято въ обширномъ смыслѣ По убѣжденію Платона, мы имѣемъ знаніе (въ тѣсномъ смыслѣ слова) тогда, когда знаемъ истинно существующее Мы уже видѣли, что̀ обыкновенно разумѣетъ Платонъ подъ истинно существующимъ. Истинно существующее, говорилось тамъ, есть существующее всегда и вездѣ одинаковомъ образомъ, само себѣ равное, однородное, торжественное и проч. Образы предметовъ. постоянно измѣняющихся,—образы, которые мы воспринимаемъ чувствами и сохраняемъ въ памяти, не составляютъ знанія въ указанномъ сейчасъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе и эти образы нельзя причислять къ совершенному незнанію, коль скоро они восприняты въ ощущеніи и сдѣлались достояніемъ нашей познающей души. Платонъ называетъ ихъ предметомъ „мнѣнія“ (δόξα). Это нѣчто среднее между знаніемъ и незнаніемъ и находится съ ближайшей связи съ ощущеніемъ [1]). Для перехода отъ мнѣнія къ истинному знанію есть ступень. Эта ступень, по объясненію Платона, есть занятіе и упражненіе въ знаніи геометрическомъ или развитіе способности размышленія (διανοία) [2]). Всѣ эти виды дѣятельности познающей души получаютъ свой характеръ и свое названіе, смотря по тому, съ чѣмъ имѣетъ дѣло и къ чему направляется внутренняя сила, дѣйствующая на пути къ познанію. Есть въ душѣ способность, на которой зиждется и при которой одной возможна вся вышеупомянутая сложная и разнообразная дѣятельность души, стремящейся къ познанію. Какъ мы уже сказали, это — память (въ обширномъ смыслѣ

---

[1]) Symp. 202, A Ἔστι δὲ δή που τοιοῦτον ἡ ὀρθὴ δόξα, μεταξὺ φρονήσεως καὶ ἀραθίας. Rep Lib V, 477, A. Οὐκοῦν επὶ μὲν τῷ ὄντι γνῶσις ἦν, ἀγνωσία δ' ἐξ ἀνάγκης ἐπὶ τῷ μὴ ὄντι, ἐπὶ τῷ μεταξὺ δὲ τούτῳ μεταξύ τι καὶ ζητητέον ἀγνόιας τε καὶ ἐπιστήμης εἴ τι τυγχάνει ὂν τοιοῦτον. Ἆρ' οὖν λέγομέν τι δοξαν εἶναι.

[2]) De Rep. Lib VII. 523 и слѣд., 533.

слова), которая дѣлаетъ насъ владѣтелями всего богатаго запаса ощущеній. Платонъ представилъ особенное метафизическое ученіе о памяти и припоминаніи въ связи съ ученіемъ объ умѣ и идеяхъ [1]). Главное основаніе, на которомъ утверждается метафизическое ученіе Платона о памяти, состоитъ, съ одной стороны, въ томъ, что человѣкъ не можетъ указать въ своей жизни предѣла, съ котораго онъ началъ помнить; съ другой—въ томъ, что человѣкъ находитъ въ себѣ такое знаніе, о которомъ онъ знаетъ, что не пріобрѣлъ его при помощи чувствъ. Для объясненія и доказательства втораго пункта, Платонъ ссылается на примѣры такого рода. Чувства, говоритъ онъ, передаютъ намъ о равныхъ деревьяхъ, о равныхъ камняхъ и проч., но не передаютъ намъ „о равномъ“. Идею послѣдняго мы имѣемъ такую, съ которою не могутъ сравниться равные предметы, переданные намъ чрезъ чувства. По ученію Платона, знаніе идей мы приносимъ съ собой въ эту жизнь изъ прежней. Чувства только пробуждаютъ въ насъ это знаніе. Но о метафизическомъ ученіи о памяти и припоминаніи можетъ быть особенное разсужденіе, которое здѣсь неумѣстно. Платонъ представилъ опытъ и психологическаго изслѣдованія памяти.

Въ психологическомъ анализѣ памяти Платонъ столкнулся, между прочимъ, съ воображеніемъ. Воображеніе занимаетъ первое мѣсто послѣ ощущеній. Человѣкъ находитъ въ себѣ образы предметовъ, видѣнныхъ имъ, или слышанныхъ, или другимъ чувствомъ воспринятыхъ. О воображеніи Платонъ говоритъ въ „Теэтетѣ“ и „Филебѣ“. Въ томъ и другомъ діалогѣ онъ образно представляетъ происхожденіе сохраняющихся въ насъ чувственныхъ образовъ. Въ „Теэтетѣ“ онъ представляетъ въ душѣ каждаго матерію подобную воску, на которой отпечатлѣваются внѣшніе предметы [2]). Здѣсь же сравниваетъ онъ душу съ „доской“, на которой мы, какъ-бы перстнемъ, напечатлѣваемъ для памятованія нѣкоторыя изъ вещей видѣнныхъ, или слышанныхъ, или вымышленныхъ нами самими. Въ „Филебѣ“ онъ говоритъ, что „память и чувство, стекаясь въ одно со аффектами, оттуда зависящими, пишутъ нѣкоторымъ образомъ слова на нашей

---

[1]) Phaed. 74, A. и слѣд. 90, 76, B.

[2]) Teaet. 191, C. D. Ἐν ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν ἐνὸν κήρινον ἐκμαγεῖον, καὶ ἐς τοῦτο, ἅ τι ἂν βουληθῶμεν μνημονεῦσαι ὧν ἂν ἴδωμεν ἢ ἀκούσωμεν ἢ αὐτοὶ ἐννοήσωμεν, ὑπέχοντας αὐτὸ ταῖς αἰσθήσεσι καὶ ἐννοίαις, ἀποτυποῦσθαι, ὥσπερ δακτυλίων σημεῖα ἐνσημαινομένους καὶ ὁ μὲν ἂν ἐκμαγῇ μνημονεύειν τε καὶ ἐπίστασθαι,

душѣ; а живописецъ (воображеніе) послѣ письмописца начертываетъ на нашей душѣ образы вещей, продиктованные душею“ [1]). Видно, что Платонъ имѣлъ предъ собою оригинальное явленіе (присутствіе въ насъ образовъ тѣхъ предметовъ, которые мы или видѣли, или слышали, или восприняли инымъ какимъ-нибудь чувствомъ, или наконецъ, сами выдумали), но не могъ дать этому явленію иного объясненія, кромѣ образнаго представленія происхожденія въ насъ явленія.

Къ заслугѣ Платона относится то, что онъ, уловивъ какое-либо душевное явленіе, слѣдилъ за нимъ дальше. Образы предметовъ, отпечатлѣвшіеся въ нашей душѣ вышеуказаннымъ путемъ, лишь по временамъ вызываются въ насъ чрезъ воспоминаніе. Въ актѣ воспоминанія образовъ Платонъ подмѣчаетъ слѣдующее. „Не извѣстно ли тебѣ, говоритъ онъ въ „Федонѣ“, что друзья, видя лиру, платье, или что-либо другое, обыкновенно употребляемое ихъ любезными, испытываютъ слѣдующее: они узнаютъ лиру и въ мысляхъ представляютъ любимаго человѣка, которому принадлежитъ она“ [2]). Такимъ же образомъ, кто часто видитъ Симіаса, тотъ вспоминаетъ „о Кевисѣ“, (которато обыкновенно видѣлъ съ Симіасомъ). „При видѣ нарисованнаго коня или нарисованной лиры можно вспомнить о человѣкѣ, и при видѣ нарисованнаго Симіаса можно вспомнить о Кевисѣ и о самомъ Симіасѣ“. „Подобныхъ примѣровъ можно, говоритъ Платонъ, найдти множество“. Изъ этихъ примѣровъ онъ заключаетъ, что, во-первыхъ, „каждый, увидѣвъ что-нибудь, или услышавъ, или другимъ чувствомъ воспріявъ, узнаетъ не одно это, но приходитъ къ мысли о томъ, знаніе чего не то же, а отлично отъ перваго“ [3]); вовторыхъ, „это знаніе, которое есть воспоминаніе, вызывается въ насъ какъ подобными (ἀφ' ὁμοίου), такъ и неподобными предметами“ (ἀπ' ἀνομοίων) [4]).

---

[1]) Pheleb. 39, A. Ἡ μνήμη ταῖς αἰσθήσεσι ξυμπίπτουσα εἰς ταὐτὸν, κἀκεῖνα ἃ περὶ ταὐτά ἐστι τὰ παθήματα φαίνονταί μοι σχεδὸν οἷον γράφειν ἡμῶν ἐν ταῖς ψυχαῖς τότε λόγους Ibid. 39, B. Ζωγράφον, ὃς μετὰ τὸν γραμματιστὴν τῶν λεγομένων εἰκόνας ἐν τῇ ψυχῇ τούτων γράφει.

[2]) Phaed. 73, D. Οὐκοῦν οἶσθα, ὅτι οἱ ἐρασταὶ, ὅταν ἴδωσι λύραν ἢ ἱμάτιον ἢ τι ἄλλο, οἷς τὰ παιδικὰ αὐτῶν εἴωθε χρῆσθαι, πάσχουσι τοῦτο· ἔγνωσάν τε τὴν λύραν καὶ ἐν τῇ διανοίᾳ ἔλαβον τὸ εἶδος τοῦ παῖδος, οὗ ἦν ἡ λύρα; τοῦτο δ' ἐστὶν ἀνάμνησις.

[3]) Phaed. 73, C. Ἐὰν τίς τι ἕτερον ἢ ἰδὼν ἢ ἀκούσας ἢ τινα ἄλλην αἴσθησιν λαβὼν μὴ μόνον ἐκεῖνο γνῷ, ἀλλὰ καὶ ἕτερον ἐννοήσῃ, οὗ μὴ ἡ αὐτὴ ἐπιστήμη, ἀλλ' ἄλλη, ἆρ' οὐχὶ τοῦτο δικαίως λέγομεν, ὅτι ἀνεμνήσθη οὗ τὴν ἔννοιαν ἔλαβε;

[4]) Phaed. 74, A. Ἆρ' οὖν οὐ κατὰ πάντα ταῦτα ξυμβαίνει τὴν ἀνάμνησιν εἶναι μὲν ἀφ' ὁμοίων, εἶναι δὲ καὶ ἀπ' ἀνομοίων;

Платонъ считаетъ нужнымъ сдѣлать (въ діалогѣ „Филебъ“) разграниченіе между „памятью“ и „припоминаніемъ“. Память, говоритъ онъ, есть „храненіе ощущенія“ (σωτηρία αἰσθήσεως) [1]). „Припоминаніе же бываетъ тогда, когда душа, сосредоточившись сама въ себѣ и безъ тѣла, возвращаетъ то, что̀ прежде чувствовала съ тѣломъ“ [2]). Платонъ настаиваетъ здѣсь на томъ, что въ воспоминаніи обнаруживается чисто душевная дѣятельность. На этомъ основаніи онъ, какъ мы увидимъ ниже, доказываетъ, что и всѣ желанія, даже и тѣ, которыя называютъ обыкновенно тѣлесными, принадлежатъ душѣ, а не тѣлу; ибо желаніе, говоритъ онъ, возможно только при вспоминаніи желаемаго предмета. Въ „Филебѣ“ Платонъ обстоятельно раскрываетъ значеніе памяти и припоминанія въ нашей душевной жизни, особенно въ развитіи нашихъ душевныхъ волненій и страстей.

Въ послѣднемъ анализѣ воспоминанія Платонъ находитъ, что оно стоитъ въ самой тѣсной связи съ дѣятельностію разума. „Знаніе, по словамъ Платона, есть припоминаніе“ [3]). Въ припоминаніи замѣчено Платономъ дѣйствіе того же закона, который найденъ въ дѣятельности нашего разума. Разумъ познаетъ и мыслитъ подобное и неподобное. Знаніе въ воспоминаніи вызывается подобными и неподобными предметами.

Аристотель, отвергнувъ ученіе Платона объ „идеяхъ“, отвергъ и метафизическое ученіе послѣдняго о припоминаніи. Замѣчательно, что въ трактатѣ Аристотеля о душѣ нѣтъ ученія о памяти и припоминаніи. Въ трактатѣ находится лишь ученіе о воображеніи. Изъ способностей души, которыя относятся къ пріобрѣтенію познанія, Аристотель перечисляетъ слѣдующія: ощущеніе, мнѣніе, знаніе, умъ Сюда же относится, по словамъ Аристотеля, и воображеніе, какъ

[1]) Phileb. 34, B. Σωτηρίαν τοίνυν αἰσθήσεως τὴν μνήμην λέγων ὀρθῶς ἂν τις λέγοι κατά γε τὴν ἐμὴν δόξαν. Здѣсь Платонъ ощущеніемъ называетъ такое «движеніе» въ тѣлѣ, которое дѣлается общимъ для души и тѣла. Phileb. 34, A. Ταύτην δ αὖ τὴν κίνησιν ονομάζων αἴσθησιν.

[2]) Phileb 34, B Μνήμη δ' ἀνάμνησις ἆρ' οὐ διαφέρουσαν λέγομεν,.... Ὅταν δ' μετὰ τοῦ σώματος ἔπασχε ποθ' ἡ ψυχὴ ταῦτ' ἄνευ τοῦ σώματος αὐτὴ ἐν ἑαυτῇ ὅτι μάλιστα ἀναλαμβάνῃ, τοτε ἀναμνήσκεσθαι ποῦ λέγομεν.

[3]) О знаніи, какъ припоминаніи, Платонъ говоритъ во многихъ діалогахъ, особенно въ «Федонѣ», «Теэтетѣ» и «Меноне» Въ послѣднемъ представляетъ онъ оригинальный опытъ, который Сократъ дѣлаетъ надъ рабомъ для доказательства, что «знаніе есть припоминаніе». Men. 82, B. и слѣд Платонъ настаиваетъ на томъ, что указанный взглядъ на знаніе, какъ припоминаніе, былъ основной и отличительный у Сократа

одна изъ способностей познавательныхъ (μία τίς ἐστι τούτων δύναμις ἢ ἕξις) [1]).

Послѣ того, какъ Аристотель отличилъ мысль отъ ощущенія (οὐ ταὐτόν ἐστι τὸ αἰσθάνεσθαι καὶ τὸ φρονεῖν), онъ перешелъ тотчасъ къ разсмотрѣнію „воображенія“ (φαντασία). Раньше этого (въ началѣ третьей книги) Аристотель посвящаетъ двѣ главы окончанію ученія объ ощущеніяхъ. Нѣкоторымъ латинскимъ толкователямъ Аристотеля, между прочимъ Аверроэсу и Альберту, непонятнымъ казалось перенесеніе Аристотелемъ окончанія ученія объ ощущеніяхъ въ третью книгу, гдѣ говорится объ умѣ. Они начинали третью книгу трактата о душѣ не иначе, какъ съ четвертой главы, то-есть, съ ученія объ умѣ [2]). Въ первыхъ трехъ главахъ третьей книги Аристотель разсуждаетъ объ ощущеніяхъ общихъ и случайныхъ и о воображеніи Мы уже знаемъ, что въ упомянутыхъ сейчасъ ощущеніяхъ Аристотель видитъ начало проявленія самостоятельной дѣятельности души, именно — въ способности судящей (κριτικὸν). По словамъ Аристотеля и Платона, тамъ возможны уже ошибки, гдѣ дѣйствуетъ мысль. Такимъ образомъ ошибочное дѣйствіе въ познаніи становится у Аристотеля и Платона отличительнымъ признакомъ присутствія мысли, дѣйствующей свободно, въ противоположность ощущеніямъ тѣлеснымъ, которыя всегда истинны — въ силу установленной природою необходимости происхожденія ихъ Аристотель говоритъ, что въ ощущеніяхъ случайныхъ можетъ уже начаться и ошибка [3]). Тѣмъ болѣе она возможна въ ощущеніяхъ общихъ [4]). Если Аристотель допустилъ дѣятельность души мыслящей и судящей въ ощущеніяхъ, то тѣмъ болѣе имѣетъ право на это воображеніе. Дѣйствительно, Аристотель называетъ воображеніе одною изъ способностей, чрезъ которыя мы судимъ и познаемъ истинное, равно и ошибаемся [5]) „Воображеніе, говоритъ Аристотель, бываетъ

---

[1]) De anim 3, 3, 6. Ταῦτα (δυνάμεις) δ' εἰσὶν αἴσθησις, δόξα. ἐπιστήμη, νους. Μία τίς ἐστι τούτων δύναμις ἡ ἕξις (φαντασία) Подъ «знаніемъ» (ἐπιστήμη) въ отличіе отъ «ума» (νοῦς) Аристотель понимаетъ то, что Платонъ называлъ «знаніемъ геометрическимъ» или «размышленіемъ» (διανοία), въ отличіе отъ знанія «діалектическаго» или знанія, принадлежащаго уму (νοῦς)

[2]) Barthélemy Saint-Hilaire. Traité de l'ame, 252 стр.

[3]) De anim. 3, 3, 12 Δεύτερον δὲ τοῦ συμβεβηκέναι ταῦτα καὶ ἐνθαῦτα ἤδη ἐνδέχεται διαψεύδεσθαι

[4]) De anim 3, 3, 12 Περὶ ἃ μάλιστα ἤδη ἔστιν ἀπατηθῆναι κατὰ τὴν αἴσθησιν.

[5]) De anim 3, 3, 6 Μία τίς ἐστι τοῦτων δύναμις ἧ ἕξις, καθ' ἣν κρίνομεν καὶ ἀληθεύομεν ἢ ψευδόμεθα

и ошибочно“ [1]). Такимъ образомъ Аристотель имѣлъ основаніе перенести въ третью книгу трактата окончаніе ученія объ ощущеніяхъ и воображеніи. Этимъ онъ показалъ связь ума съ ощущеніями и воображеніемъ. Убѣжденіе свое объ этой связи онъ выразилъ въ ученіи объ умѣ, гдѣ онъ говоритъ, что тотъ, кто бываетъ погруженъ въ мысленное созерцаніе, необходимо созерцаетъ какой-либо образъ; умственныя размышленія не могутъ быть безъ образовъ [2]).

Говоря объ ощущеніяхъ, мы замѣтили, что Аристотель останавливается исключительно на ощущеніяхъ, полученныхъ нами отъ внѣшнихъ предметовъ чрезъ внѣшнія чувства. И въ ученіи о другихъ способностяхъ познающей души Аристотель обращается по преимуществу къ образамъ, полученнымъ чрезъ тѣ же внѣшнія чувства. Платонъ же, когда говоритъ о воображеніи и памяти, беретъ во вниманіе всякаго рода движеніе, происходящее въ нашемъ тѣлѣ, коль скоро оно доходитъ до сознанія души и дѣлается достояніемъ послѣдней. Видное мѣсто даетъ онъ въ этомъ случаѣ душевнымъ волненіямъ и страстямъ. Быть можетъ, воображеніе потому и обратило на себя особенное вниманіе Аристотеля, что оно имѣетъ дѣло по преимуществу съ образами внѣшнихъ предметовъ. Самое производство слова „воображеніе“ (φαντασία) напоминаетъ Аристотелю о чувствѣ зрѣнія. Аристотель объяснилъ и производство самаго слова: φαντασία. Названіе это заимствовано, говоритъ онъ, отъ воспріятія чувствомъ зрѣнія. Φαντασία происходитъ отъ „φάους“—свѣта [3]), который необходимъ въ ощущеніяхъ зрѣнія.

Аристотель берется объяснить то, что Платону представлялось объяснимымъ не иначе, какъ только при помощи образнаго представленія. Онъ сначала далъ такое опредѣленіе воображенія: „оно есть способность, о которой мы говоримъ, что чрезъ нее мы имѣемъ какой-нибудь образъ“ (καθ ἣν λέγομεν φαντάσμά τι ἡμῖν γίγνεσθαι). Но это опредѣленіе тотчасъ же онъ называетъ метафорическимъ (κατὰ μεταφορὰν) [4]). Вопросъ объ образахъ, остающихся въ насъ и послѣ того, какъ предметъ отстраненъ отъ насъ, занималъ Аристотеля еще въ отдѣлѣ объ ощущеніяхъ. Аристотель усиливается понять прежде всего физическую возможность задержки въ насъ образовъ отъ предметовъ,

---

[1]) De anim 3, 3, 8 Ἔστι γὰρ φαντασία καὶ ψευδής

[2]) De anim. 3, 8, 3 Ὅταν τε θεωρῇ, ἀνάγκη ἅμα φαντάσμα τι θεωρεῖν Οὐκ ἄνευ φαντασμάτων (τὰ πρῶτα νοήματα).

[3]) De anim. 3, 3, 14. Ἐπεὶ δ' ἡ ὄψις μάλιστα αἴσθησις ἐστὶ καὶ τὸ ὄνομα ὑπὸ τοῦ φάους εἴληφεν, ὅτι ἄνευ φωτὸς οὐκ ἐστὶν ἰδεῖν.

[4]) De anim 3, 3, 6 Καὶ μὴ εἴ τ' κατὰ μεταφορὰν λέγομεν.

подѣйствовавшихъ на насъ. Было сказано, что въ ощущеніи мы воспринимаемъ формы предметовъ безъ матеріи. Возможность такого воспріятія обусловливается „посредствующимъ“, о которомъ было также сказано. Отъ предмета аффектируется прежде всего посредствующее. Органъ ощущающій, который принимаетъ дѣйствіе предмета уже чрезъ посредствующее, не можетъ соприкасаться непосредственно съ матеріей предмета, отдѣленнаго отъ него посредствующимъ. Благодаря тому, что каждый чувственный органъ имѣетъ въ себѣ самомъ, въ своей природѣ, тотъ элементъ, который внѣ его составляетъ посредствующее, чувственный органъ дѣлается причастнымъ дѣйствія на него предмета, аффектируется. Движеніе, начавшееся отъ предмета, проходя чрезъ посредствующее, проникаетъ въ органъ, имѣющій въ себѣ элементъ посредствующаго. Если же такъ, то возможность продолженія существованія образовъ въ чувственномъ органѣ и послѣ того, какъ самый предметъ устраненъ, становится понятною. Органъ, который воспринимаетъ цвѣтъ, или то, что имѣетъ цвѣтъ, „самъ имѣетъ цвѣтъ“, говоритъ Аристотель. „Каждый чувственный органъ (αἰσθητήριον) способенъ, добавляетъ онъ, воспринимать чувственный предметъ безъ матеріи“ [1]). Поэтому-то, продолжаетъ Аристотель, въ чувственныхъ органахъ и существуютъ ощущенія и образы и послѣ того, какъ удалены бываютъ предметы чувственные. Въ главѣ о воображеніи Аристотель не даетъ другаго объясненія существованія въ насъ образовъ въ отсутствіи предметовъ, кромѣ сейчасъ высказаннаго. „Воображеніе, опредѣляетъ Аристотель, есть движеніе, произведенное чрезъ находящееся въ дѣйствіи ощущеніе“ [2]). Хотя Аристотель не сказалъ, какого рода движеніе разумѣетъ онъ въ данномъ случаѣ, однако мы, на основаніи сопоставленія мѣстъ изъ трактата, убѣждаемся въ томъ, что Аристотель говоритъ о движеніи, которое относится къ матеріальному міру вещей. Нѣсколько выше приведеннаго нами опредѣленія воображенія Аристотель такъ выражается: „такъ какъ приведенному въ движеніе свойственно самому приводить въ движеніе, то и воображеніе есть, кажется, движеніе [3]).

---

[1]) De anim. 3, 2, 3. Ἔτι δὲ καὶ ὁρῶν (χρῶμα ἢ τὸ ἔχων) ἔστι ὡς κεχρωμάτισται. Τὸ γὰρ αἰσθητήριον δεκτικὸν αἰσθητοῦ ἄνευ τῆς ὕλης ἕκαστον. Διὸ καὶ ἀπελθόντων τῶν αἰσθητῶν ἔνεισιν αἱ αἰσθήσεις καὶ φαντασίαι ἐν τοῖς αἰσθητήριοις.

[2]) De anim. 3, 3, 13. Ἡ φαντασία ὂν εἴη κίνησις ὑπο τῆς αἰσθήσεως τῆς κατ' ἐνέργειαν γιγνομένη. Ibid 3, 3, 11. Ἡ δε φαντασία κίνησίς τις δοκεῖ εἶναι καὶ οὐκ ἄνευ αἰθήσεως γίγνεσθαι. .. κίνησις ὑπο τῆς ἐνεργείας τῆς αἰσθήσεως

[3]) De anim. 3, 3, 11. Ἐπειδή ἐστι κινηθέντος τουδὶ κινῆσθαι ἕτερον ὑπο τούτου, ἡ δε φαντασία κίνησίς τις δοκεῖ εἶναι.

Далѣе, въ главѣ о воображеніи занимаетъ Аристотеля вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ отличается воображеніе отъ другихъ способностей познающей души. Въ этомъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ подобныхъ, Аристотель пользуется аналитическимъ пріемомъ выдѣленія разсматриваемой имъ способности изъ ряда другихъ способностей.

Воображеніе не есть, вопервыхъ, ощущеніе [1]). Ощущеніе принимается или какъ „возможность“ или какъ „дѣйствіе“; напримѣръ, зрѣніе (ὄψις) принимается или какъ вообще способность „видѣть“ (которая остается возможностію дѣйствовать и въ то время, когда не дѣйствуетъ), или какъ „видѣніе“ (ὅρασις), то-есть, какъ зрѣніе въ дѣйствіи. Непримѣнимо это къ воображенію. Образы являются въ насъ, напримѣръ, во снѣ, о которомъ сказано выше, что ощущеніе во время сна находится только въ возможности дѣйствовать. Далѣе, ощущеніе, какъ способность, всегда присуще намъ. Мы всегда, когда захотимъ, можемъ пользоваться чувственными органами. Нельзя сказать этого о воображеніи. Притомъ воображеніе принадлежитъ не всѣмъ животнымъ. Ощущеніе, напротивъ, принадлежитъ всѣмъ. Ощущенія, какъ было сказано, всегда истинны. Воображеніе бываетъ и ошибочно.

Далѣе, воображеніе отлично отъ способности, которой принадлежитъ истинное знаніе, именно отъ ума [2]). Это очевидно изъ того, что воображеніе бываетъ истинно и ложно; знаніе же ума, напротивъ, непогрѣшимо. Кромѣ того, воображеніе имѣютъ нѣкоторыя изъ животныхъ, разума же не имѣетъ ни одно изъ нихъ. Ошибочно бываетъ еще „мнѣніе“. Но воображеніе не нужно смѣшивать и съ мнѣніемъ. Послѣднему постоянно сопутствуетъ „вѣрованіе“ (πίστις), такъ же, какъ разуму сопутствуетъ убѣжденіе; но воображеніе принадлежитъ и животнымъ, о которыхъ нельзя сказать, что они имѣютъ вѣрованіе.

Здѣсь не излишне, кажется, замѣтить, что Аристотель, отдѣляя воображеніе отъ другихъ познавательныхъ способностей, не имѣлъ намѣренія представить его совершенно независимымъ отъ нихъ. Самъ Аристотель говоритъ о зависимости дѣятельности воображенія отъ дѣйствія чувства, равно — о связи воображенія съ другими способностями. Здѣсь же замѣтимъ, что если когда-либо существовало ученіе о способностяхъ, какъ отдѣльныхъ агентахъ, существующихъ въ самой душѣ, то ученіе Аристотеля о способностяхъ сюда не относится. Аристотель способность воображенія, какъ и другія, напри-

---

[1]) De anim. 3, 3, 4.

[2]) De anim. 3, 3, 8.

мѣръ, память и воспоминаніе, называетъ иначе, „привычкой“, „навыкомъ“ (ἕξις), а слѣдовательно, считаетъ чѣмъ-то пріобрѣтеннымъ. Онъ ставитъ существованіе и дѣйствіе способностей въ зависимости отъ устройства тѣла. Какъ Платонъ, такъ и Аристотель считали тѣло, какъ матерію, пассивно принимающимъ движеніе, откуда бы оно ни проистекало. Движеніе въ тѣлѣ, часто повторяющееся въ одномъ направленіи, самое тѣло или часть его приспособляетъ къ себѣ: въ тѣлѣ является привычка дѣйствовать такъ, а не иначе — подъ вліяніемъ силы, устремляющейся и дѣйствующей на него.

О памяти и припоминаніи написаны у Аристотеля двѣ главы, которыя не помѣщены въ его трактатѣ „о душѣ“. Эти главы написаны послѣ написанія трактата о душѣ. Это видно изъ того, что въ одной изъ этихъ главъ Аристотель указываетъ на трактатъ „о душѣ“.

„Ощущенію принадлежитъ, говоритъ Аристотель, настоящее, надеждѣ—будущее, а памяти—прошедшее“ [1]). Аристотель такъ же, какъ и Платонъ, считаетъ нужнымъ отличать память (μνήμη) отъ воспоминанія (ἀνάμνησις). Память Платонъ называетъ „храненіемъ ощущенія“. Въ „Теэтетѣ“ онъ поставилъ память въ зависимость отъ свойствъ той субстанціи, на которой напечатлѣваются образы всего, ощущаемаго нами. Самую субстанцію онъ представилъ здѣсь матеріальною. Актъ напечатлѣнія на ней образовъ онъ описываетъ образно чрезъ подобіе [2]). Аристотель память ставитъ въ тѣсную связь съ воображеніемъ; воображеніе же онъ объясняетъ изъ матеріальнаго движенія чувственныхъ образовъ, матеріально задерживаемыхъ въ чувственномъ органѣ. „Нужно, говоритъ онъ, знать, что чрезъ ощущеніе въ душѣ (Платонъ самую душу представилъ на этотъ разъ матеріальною субстанціей) и въ той части тѣла, которая ее (душу) имѣетъ, напечатлѣвается нѣкоторый аффектъ, который нужно считать подобнымъ изображенію“ [3]). „Ясно, — говоритъ онъ также, — что память имѣетъ мѣсто въ той части души, въ которой помѣщается воображеніе“ [4]).

---

[1]) De memor. 1, 449, 6. Ἡ δὲ μνήμη τοῦ γενομένου. Ibid. Τοῦ μὲν παρόντος αἴσθησις, τοῦ δὲ μέλλοντρς ἐλπὶς, τοῦ δὲ γενομένου μνήμη.

[2]) Teaet. 191, C. Ἐν ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν ἐνὸν κήρινον ἐκμαγεῖον, τῷ μὲν μεῖζον, τῷ δ' ἔλαττον καὶ τῷ μὲν καθαρωτέρου κηροῦ, τῷ δὲ κοπρωδεστέρου καὶ σκληροτέρου, ἐνίοις δε ὑγροτέρου, ἔστι δ' οἷς μέτριως ἔχοντος.

[3]) De memor 1, 450, a. Δῆλον γὰρ, ὅτι δεῖ νοῆσαι τοιοῦτον τὸ γινόμενον διὰ τῆς αἰσθήσεως ἐν τῇ ψυχῇ καὶ τῷ μορίῳ τοῦ σώματος τῷ ἔχοντι αὐτὴν οἷον ζωγράφημα τι τὸ πάθος.

[4]) De memor. 1, 450, a. Τίνος μὲν οὖν τῶν τῆς ψυχῆς ἐστὶν ἡ μνήμη, φανερὸν, ὅτι οὗπερ καὶ ἡ φαντασία

Аристотель называетъ память, равно какъ и воображеніе, „привычкой“ [1]). И въ памяти, какъ и въ воображеніи, Аристотель имѣетъ дѣло съ образами, получаемыми по преимуществу отъ внѣшнихъ предметовъ. Кажется, онъ находилъ весьма удачнымъ представленіе о происхожденіи ощущенія, какъ отпечаткѣ, который подобенъ отпечатку на воскѣ отъ давленія перстня. Это представленіе заимствовано Аристотелемъ у Платона изъ указаннаго нами выше мѣста діалога „Теэтетъ“. Аристотель повторяетъ упомянутое представленіе о происхожденіи ощущенія и въ ученіи о памяти, какъ надлежащее представленіе сущности дѣла [2]). При помощи даннаго выше объясненія происхожденія ощущенія и памяти, Аристотель объясняетъ и то, отъ чего тѣ не владѣютъ памятью, которые, по причинѣ какого-нибудь душевнаго волненія или по силѣ возраста, подвергаются дѣйствію слишкомъ разнообразнаго движенія. „Движеніе и отпечатокъ падаютъ въ это время какъ бы въ текучую воду“ (καθάπερ ἂν εἰς ὕδωρ ῥέον) [3]), говоритъ Аристотель. И дѣти, и старики потому, между прочимъ, не имѣютъ памяти, что они находятся въ состояніи измѣненія, подобнаго теченію рѣки, — одни по причинѣ роста, другіе — отъ движенія въ тѣлѣ, противоположнаго росту [4]).

Относительно памяти занимаетъ Аристотеля далѣе слѣдующій вопросъ: помнимъ ли мы дѣйствіе предмета, напечатлѣвшееся въ насъ какъ образъ, или — самый предметъ, отъ котораго произошло дѣйствіе [5]). Если мы допустимъ, что мы помнимъ дѣйствіе или аффектъ, то мы не можемъ, говоритъ Аристотель, помнить ничего такого, что въ данную минуту не присутствуетъ предъ нашими глазами. Если же мы допустимъ, что мы помнимъ самый предметъ, то значитъ мы помнимъ то, чего не ощущаемъ непосредственно и что отъ насъ удалено. Нужно допустить первое, говоритъ Аристотель, потому что, если отъ ощущенія предмета осталось въ насъ напечатлѣніе, какъ бы нѣкоторое изображеніе, то почему намъ нужнѣе помнить другое, а не этотъ отпечатокъ? Дѣйствительно, тотъ обращается воззрѣніемъ къ на-

---

[1]) De memor 1, 450, a. Φαμὲν τὴν ἕξιν μνήμην εἶναι

[2]) De memor. 1, 450, a Ἡ γὰρ γενομένη κίνησις ἐνσημαίνεται οἷον τύπον τινα τοῦ αἰσθήματος, καθάπερ οἱ σφραγιζόμενοι τοῖς δακτυλίοις.

[3]) De memor. 1, 450, b. Καθάπερ ἂν εἰς ὕδωρ ῥέον πίπτουσης τῆς κινήσεως, καὶ τῆς σφραγῖδος.

[4]) De memor 1, 450, b Ῥέουσι γὰρ οἱ διὰ τὴν αὔξησιν, οἱ δὲ διὰ τὴν φθίσιν.

[5]) De memor 1, 450, b Πότερον τοῦτο μνημονεύει τὸ πάθος ἢ ἐκεῖνο ἀφ' οὗ ἐγένετο.

печатлѣвшемуся въ немъ аффекту и какъ бы снова ощущаетъ его, кто вспоминаетъ что-нибудь. Остается только рѣшить: какимъ образомъ мы помнимъ то, что отсутствуетъ въ данную минуту? вѣдь въ такомъ случаѣ можно допустить, что можно и видѣть и слышать, не имѣя предъ собой предмета видимаго или слышимаго?

Платонъ призналъ въ природѣ нашей души способность знать и вспоминать то, чего мы не ощущаемъ непосредственно въ извѣстную минуту и что не находится предъ нашими глазами. Способность эта дѣйствуетъ, слѣдуя закону, по которому подобное вызываетъ въ насъ знаніе и воспоминаніе подобнаго. Аристотель не замедлилъ воспользоваться объясненіемъ, даннымъ Платономъ, для рѣшенія поставленнаго выше вопроса. Вотъ въ какомъ духѣ онъ излагаетъ это объясненіе. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто что-нибудь помнитъ, въ то время, когда помнитъ, сосредоточиваетъ свое вниманіе на чувственномъ отпечаткѣ вспоминаемаго; онъ какъ-бы снова ощущаетъ и воспринимаетъ его. Но такъ какъ снова воспринимаемый въ памяти чувственный отпечатокъ есть образъ или подобіе иного, отъ чего онъ отпечатлѣлся, то помнящій мыслитъ и судитъ двояко объ образѣ, на которомъ сосредоточиваетъ свое вниманіе: обращаясь къ нему, какъ къ ощущенію съ полнымъ значеніемъ послѣдняго, онъ въ то же время мыслитъ о немъ, какъ объ образѣ или подобіи иного, что отсутствуетъ, и знаетъ это иное, хотя не ощущаетъ непосредственно самаго предмета. Подобіе-то воспринимаемаго въ памяти отпечатка и даетъ возможность переноситься къ самому предмету [1]). При помощи такого значенія въ памяти и воспоминаніи подобія мы достигаемъ того, что, при взглядѣ на изображеніе какой-нибудь, напримѣръ, мѣстности, мы думаемъ объ изображеніи, какъ о подобіи иного, и переносимся мыслію къ этому иному даже и въ томъ случаѣ, если бы мы никогда не видѣли его. Равнымъ образомъ бываетъ, что съумасшедшіе передаютъ, какъ о дѣйствительно случившемся, о томъ, что составлено ихъ собственнымъ воображеніемъ и что никогда не существовало. Платонъ говорилъ, что мы всѣ дѣлаемъ то же самое, когда ложно думаемъ о предметѣ. То-есть, мы воображаемъ, какъ дѣйстви-

[1]) De memor 1, 450, b Οἷον γὰρ τό ἐν τῷ πίνακι γεγραμμένον τὸ ζῷόν ἐστι καὶ εἰκών, καὶ το αὐτο καὶ ἓν τοῦτ' ἐστὶν ἀμφω, τὸ μέντοι εἶναι οὐ ταυτον ἀμφοῖν καὶ ἔστι θεωρεῖν καὶ ὡς ζῷον καὶ ὡς εἰκόνα, οὑτω καὶ τὸ ἐν ἡμὶν φάντασμα δεῖ ὑπολαβεῖν καὶ ταὐτὸ τι καθ' αὑτὸ εἰναι θεώρημα καὶ ἄλλου φάντασμα. Ἡ μὲν οὐν καθ' αὑτο, θεώρημα. ἢ φάντασμά ἐστιν, ἢ δ' ἄλλου, οἷον εἰκὼν καὶ μνημόνευμα.

тельно существующее, то, что̀ никогда и нигдѣ не существовало, кромѣ нашей мысли и нашего воображенія.

Аристотель не высказываетъ мысли, которая отчетливо высказана у Платона,—что воспоминаніе по подобію и сходству свойственно одной душѣ, по ея природѣ. Аристотель старается объяснить память изъ движенія въ насъ образовъ. Поэтому, въ ученіе „о памяти“ онъ переноситъ нѣчто такое, что у Платона отнесено къ „воспоминанію“. Аристотель говоритъ, между прочимъ, что память принадлежитъ и нѣкоторымъ изъ животныхъ. Мы сомнѣваемся, чтобы какому-нибудь животному принадлежала память въ томъ видѣ, въ какомъ представилъ ее Аристотель; именно, мы сомнѣваемся, чтобы животное, при видѣ изображенія чего-нибудь, вспоминало изображаемый предметъ съ отчетливымъ различеніемъ, что воспоминаемое есть иное, чѣмъ то̀, что̀ его напоминаетъ. Обыкновенно представляется, что чувственный образъ, который мы вспоминаемъ часто спустя долгое время послѣ того, какъ восприняли его въ ощущеніи, хранится въ насъ. Принято приписывать это храненіе образа памяти. Память, какъ храненіе образа, Платонъ относитъ, кажется, не къ душѣ, а къ субстанціи тѣлесной. Воспоминаніе, напротивъ, онъ относитъ къ самодѣятельности души.

Хотя Аристотель и отнесъ къ памяти нѣчто такое, что Платонъ и общее сознаніе относитъ къ воспоминанію, тѣмъ не менѣе Аристотель не теряетъ изъ виду воспоминанія, какъ отличнаго отъ памяти. Въ главѣ „о воспоминаніи“ онъ старается опредѣлить границы между памятью и воспоминаніемъ. „Воспоминаніе, говоритъ онъ, отличается отъ памяти не только временемъ, но и тѣмъ, что памяти причастны многія изъ другихъ животныхъ; о воспоминаніи же нельзя сказать, чтобъ ему было причастно какое-либо изъ извѣстныхъ намъ животныхъ, кромѣ человѣка. Причина этому та, что воспоминаніе есть нѣкоторый силлогизмъ: ибо кто вспоминаетъ что-нибудь или видѣнное, или слышанное, или испытанное прежде, тотъ умозаключаетъ, и это есть нѣкотораго рода изысканіе. Это дано природою однимъ тѣмъ, которымъ присуща способность произвольнаго хотѣнія, ибо хотѣніе (свободный выборъ) есть нѣкотораго рода умозаключеніе“ [1]). Въ этомъ

[1]) De reminisc. 2, 463, A. Διαφέρει δὲ τοῦ μνημονευειν τὸ ἀναμνήσκεσθαι οὐ μόνον κατὰ τὸν χρόνον, ἀλλ' ὅτι τοῦ μὲν μνημονέυειν καὶ τῶν ἄλλων ζῴων μετέχει πολλά, τοῦ δ' ἀναμνήσκεσθαι οὐδὲν ὡς εἰπεῖν τῶν γνωριζομένων ζῴων, πλήν ἄνθρωπος. αἴτιον δ' ὅτι τὸ ἀναμνήσκεσθαί ἐστιν οἷον συλλογισμός τις· ὅτι γὰρ πρότερον ἔιδεν ἢ ἤκουσεν ἢ τι τοιοῦτον ἐπαθε, συλλογίζεται ὁ ἀναμνησκόμενος καὶ ἔστιν οἷον ζήτησίς τις. τοῦτο

опредѣленіи воспоминанія, какъ изысканія и умозаключенія, слышится то высокое понятіе о воспоминаніи и его значеніи въ области познанія, которое высказано Платономъ и еще прежде Сократомъ. Извѣстно уже намъ положеніе, которое Платонъ передаетъ отъ лица Сократа, что „знаніе есть припоминаніе“. У Платона Сократъ представляется научающимъ юношество воспоминанію. Въ „Теэтетѣ“ Сократъ свое занятіе сравниваетъ съ занятіемъ своей матери—повивальной бабки, которая только помогаетъ благополучному рожденію дитяти. Но это воспоминаніе, которому научалъ Сократъ, было истиннымъ изысканіемъ въ рѣшеніи весьма важныхъ вопросовъ. Сократъ указывалъ на воспоминаніе и свободный выборъ, равно — на умъ, съ которымъ то и другое стоитъ въ тѣсной связи, какъ на отличіе человѣка отъ животныхъ.

Въ ученіи „о воспоминаніи“, представленномъ древними мыслителями, замѣчательно то, что Платонъ подмѣтилъ законъ воспоминанія „по подобію“, Аристотель же — законъ воспоминанія „по смежности“. О воспоминаніи „по подобію“ или „сходству“ было сказано выше. Воспоминаніе „по смежности“ состоитъ въ томъ, что предметы, воспринятые нами въ ощущеніи вмѣстѣ или одинъ вслѣдъ за другимъ, вспоминаются вмѣстѣ, такъ что воспоминаніе одного влечетъ за собой воспоминаніе другаго. При помощи воспоминанія „по смежности“ мы легко можемъ вспомнить цѣлый рядъ предметовъ, воспринятыхъ нами въ ощущеніи въ одно время, такъ что одинъ предметъ будетъ вызывать въ воспоминаніи другой, рядомъ съ нимъ воспринятый; этотъ, въ свою очередь, будетъ вызывать въ памяти слѣдующій и т. д. Аристотель для нагляднаго примѣра беретъ первыхъ семь буквъ алфавита [1]): α, β. γ. δ, ε, ζ, η. Кто вспомнитъ, напримѣръ, δ, тотъ легко вспомнитъ и ε, а затѣмъ и ζ и т. д.; равно послѣ δ легко можетъ вспомнить и γ, а потомъ и β. Напротивъ, тѣ же самые предметы не легко и не всегда съ успѣхомъ можетъ вспомнить тотъ, кто въ воспоминаніи не будетъ слѣдовать порядку, въ которомъ предметы были восприняты въ ощущеніи. Въ написанныхъ выше буквахъ, воспоминаніе, напримѣръ, η послѣ δ не такъ легко, какъ воспоминаніе ε, которое смежно δ. Воспоминаніе „по смежности“ Аристотель объясняетъ движеніемъ въ насъ образовъ. Если одинъ изъ

δ' οἷς καὶ τὸ βουλευτικὸν ὑπάρχει, φύσει μόνοις συμβέβηκεν· καὶ γὰρ τὸ βουλεύεσθαι συλλογισμός τίς ἐστιν.

[1]) De memor et reminisc 2, 452, a.

образовъ приходитъ въ движеніе, то движется и другой, воспринятый нами вмѣстѣ съ первымъ. Въ этомъ движеніи инициатива можетъ принадлежать и самой душѣ, хотя иногда движеніе можетъ зависѣть и отъ предшествующаго движенія, начало котораго можетъ и не принадлежать душѣ.

Замѣтимъ здѣсь, что въ открытіи Платономъ закона воспоминанія „по сходству“ и „подобію“, Аристотелемъ же — закона воспоминанія „по смежности“ высказался отличительный характеръ и направленіе изслѣдующаго духа каждаго изъ этихъ двухъ мыслителей въ изслѣдованіяхъ о душѣ. Тотъ и другой стоятъ на почвѣ направленія, даннаго въ изученіи души Сократомъ. Платонъ стремится отмѣтить тѣ явленія нашей внутренней жизни, въ которыхъ выражается самостоятельная и независимая отъ тѣла дѣятельность души; напримѣръ: въ дѣйствіи внѣшнимъ чувствъ — познаніе общаго и отличнаго въ ощущеніяхъ, въ дѣятельности памяти — воспоминаніе „по сходству“ и по „подобію“. Аристотель въ самыхъ движеніяхъ, замѣчаемыхъ въ тѣлѣ, видитъ выраженіе дѣйствія души и стремится изучать душу въ этихъ движеніяхъ. Не много, повидимому, явленій душевныхъ, въ которыхъ неоспоримо выражается независимая отъ тѣла и его вліяній дѣятельность души; не легко бываетъ ихъ отмѣтить и тѣмъ болѣе изолировать и обобщить. Но коль скоро эти душевныя явленія бываютъ отмѣчены мыслителемъ и удачно обобщены при помощи анализа, мыслитель тотчасъ становится на твердую почву въ такой наукѣ, какъ ученіе о душѣ, и смѣло безъ колебаній продолжаетъ изученіе предмета, не рискуя встрѣтить разочарованіе въ истинномъ значеніи своего труда. Напротивъ, изучающаго душу въ связи съ тѣломъ, — въ движеніяхъ и жизни послѣдняго встрѣчаетъ разнообразіе явленій, особенно въ широкомъ царствѣ животныхъ. Но мыслитель можетъ быть и увлеченъ этимъ разнообразіемъ явленій и внести въ избранную имъ область наблюденій то, что этой области не принадлежитъ. Такимъ образомъ онъ можетъ объяснить явленія изъ принциповъ, которыми въ дѣйствительности они не могутъ быть объяснены. Такой мыслитель допускаетъ нерѣдко излишнее и неумѣстное, а слѣдовательно, и не методическое расширеніе объема понятія. Послѣднее замѣчаніе можетъ, кажется, быть приложено и къ психологическимъ изслѣдованіямъ Аристотеля.

ГЛАВА VII.

Объ умѣ (νοῦς).

Важность ученія Аристотеля «объ умѣ», признаваемая толкователями философіи Аристотеля, и нашъ взглядъ на это ученіе. — Ученіе Сократа и Платона «объ умѣ» и предметахъ «умственныхъ» или познаваемыхъ умомъ — Ученіе Аристотеля «объ умѣ» и предметахъ «умственныхъ» — Ученіе Аристотеля объ умѣ «дѣятельномъ» и «страдательномъ». — Общее замѣчаніе по поводу ученія Платона и Аристотеля «объ умѣ» и предметахъ «умственныхъ»

Ученіе Аристотеля „объ умѣ“ считалось и считается весьма важнымъ. Оно занимаетъ обыкновенно толкователей болѣе, чѣмъ другіе отдѣлы трактата Аристотеля о душѣ.

Среди схоластиковъ возникъ сильный споръ о безсмертіи души на основаніи ученія Аристотеля объ умѣ. Толкователь философіи Аристотеля, Грекъ Александръ Афродисскій отвергалъ безсмертіе души на основаніи ученія Аристотеля объ умѣ; напротивъ, другой толкователь философіи Аристотеля, арабскій мыслитель Аверроэсъ, на основаніи того же ученія Аристотеля объ умѣ, доказывалъ безсмертіе души. Одни изъ схоластиковъ приняли сторону Александра Афродисскаго, другіе стали на сторонѣ Аверроэса. „Totus fere terrarum orbis, замѣчаетъ Фицинъ, a peripateticis occupatus, in duas plurimum sectas divisus est — Alexandrinam et Averroicam. Illi quidem intellectum nostrum esse mortalem existimant, hi vero unicam esse contendunt, utrique religionem omnem funditus aeque tollunt“ [1]). Аристотель въ 5-й главѣ 3-й книги трактата „о душѣ“ раздѣляетъ умъ на „дѣятельный“ (ποιητικὸς) и „страдательный“ (παθητικὸς). Первый онъ называетъ безсмертнымъ (ἀθάνατος) и вѣчнымъ (ἄϊδιος); второй, напротивъ, — смертнымъ и подлежащимъ разрушенію (φθαρτὸς). Это-то ученіе Аристотеля объ умѣ и послужило поводомъ къ недоразумѣніямъ и спору среди схоластиковъ. Но это же ученіе Аристотеля объ умѣ „дѣятельномъ“ и умѣ „страдательномъ“ и доселѣ составляетъ предметъ недоразумѣній для толкователей и объ этомъ-то считаютъ нужнымъ писать и разсуждать и до сего времени. Это видно изъ сочиненій, написанныхъ по поводу трактата Аристотеля о душѣ [2]).

По нашему мнѣнію, отдѣлъ объ умѣ у Аристотеля есть одинъ изъ слабыхъ отдѣловъ трактата о душѣ. Онъ написанъ особенно отры-

---

[1]) In Prooem ad ed. Plotin.

[2]) *Ribbentrop*, Aristotelis Νοῦς — *Wolf*, Aristotelis de intellectu agente et patiente doctrina. — *Starke*, Die Lehre von Νους behandeln. — *Brentano*, Die Psychologie des Aristoteles insbesondere seine Lehre von Νοῦς ποιητικὸς.

вочно и сжато. Это понятно. Аристотель, какъ мы видѣли, опредѣлилъ душу „энтелехіей“ тѣла. Поэтому, онъ изучаетъ ее на столько, на сколько она выражаетъ себя въ жизни тѣла и движеніяхъ, совершающихся въ тѣлѣ. Умъ же, по ученію Аристотеля, есть нѣчто отличное отъ тѣла и не смѣшивается съ тѣломъ (χωρισθεὶς, ἀμιγὴς, ἀπαθὴς). Такимъ образомъ, для Аристотеля нѣтъ здѣсь почвы и предмета для наблюденія.

Схоластиковъ занимало ученіе Аристотеля объ „умѣ“ по преимуществу съ метафизической стороны. Самъ же Аристотель въ трактатѣ о душѣ имѣлъ въ виду изложить главнымъ образомъ психологическое ученіе объ „умѣ“. Послѣднее (которое въ настоящее время заслуживаетъ бо̀льшаго интереса, чѣмъ ученіе метафизическое) не вполнѣ высказывается и отмѣчается тѣми, которые писали „объ умѣ по ученію Аристотеля“ въ наше и ближайшее къ намъ время. Они ограничиваются бо̀льшею частію объясненіемъ терминовъ Аристотеля: νοῦς ποιητικὸς и νοῦς παθητικὸς. Нужно сознаться, что, при краткости и отрывочности изложеннаго Аристотелемъ ученія объ умѣ, трудно уловить и оцѣнить психологическія замѣтки его объ немъ. Мы надѣемся сдѣлать это съ помощію принятаго нами способа изложенія мыслей Аристотеля, выраженныхъ въ его трактатѣ „о душѣ“; то-есть, мы бу̀демъ обращаться къ мыслямъ, высказаннымъ о томъ же предметѣ предшественниками Аристотеля, особенно Платономъ.

Приступая къ изложенію ученія объ умѣ, Аристотель допускаетъ, какъ несомнѣнное, существованіе предметовъ „умственныхъ“ (νοητὰ). Умъ, говоритъ онъ, есть способность воспринимать предметы „умственные“ такъ же, какъ чувства воспринимаютъ предметы „чувственные“ (αἰσθητὰ) [1]).

Мы замѣчали уже, что у Платона сдѣлано разграниченіе между предметами чувственными и умственными (первые воспринимаются чувствами, послѣдніе—умомъ). Такое дѣленіе познаваемыхъ предметовъ лежало въ основаніи философіи еще Элеатскихъ мыслителей. Стремленіе отдѣлять предметы, познаваемые однимъ разумомъ, отъ предметовъ, познаваемыхъ чувствами, замѣтно и у другихъ мыслителей. Съ идеей объ умѣ божественномъ, высказанной ясно въ первый разъ Анаксагоромъ и принятой Сократомъ и Платономъ, подъ предметами „умственными“ или познаваемыми умомъ стали понимать то, что̀ на-

[1]) De anim. 3, 4, 3. Δεκτικὸν δὲ τοῦ εἴδους.... καὶ ὁμοίως ἔχειν, ὥσπερ τὸ αἰσθητικὸν πρὸς τὰ αἰσθητὰ οὕτω τὸν νοῦν πρὸς τὰ νοητά.

печатлѣлось въ вещахъ отъ ума божественнаго, создавшаго эти вещи. „Думаешь ли ты, спрашиваетъ Сократъ Аристодема, что и въ тебѣ есть умъ?... А въ другихъ предметахъ развѣ нѣтъ нигдѣ слѣдовъ ума, особенно, если обратишь вниманіе на то, что отъ огромной массы земли и въ твоемъ тѣлѣ есть частичка, и отъ обширныхъ водныхъ пространствъ и въ твоемъ тѣлѣ есть часть влаги, и отъ прочихъ великихъ стихій небольшая часть взята для составленія твоего тѣла?“ [1]). Сократъ представлялъ творческую дѣятельность ума божественнаго въ мірѣ подобною творческой дѣятельности художника. „Какіе, по твоему мнѣнію, художники, спрашиваетъ того же Аристодема Сократъ, заслуживаютъ больше удивленія — тѣ ли, кои дѣлаютъ бездушныхъ и не могущихъ двигаться идоловъ, или тѣ, кои изображаютъ одушевленныхъ животныхъ“? — Арист. Больше тѣ, кои изображаютъ животныхъ, если только это дѣлается не по какому-нибудь безпричинному случаю, а съ намѣреніемъ. — „Изъ тѣхъ произведеній, о которыхъ неизвѣстно, для чего они сдѣланы, и о которыхъ извѣстно, что они сдѣланы для пользы, которыя — дѣло случая, и которыя — опредѣленнаго намѣренія? — „Произведенія, сдѣланныя для пользы, слѣдуетъ приписать извѣстному намѣренію. — „Какъ тебѣ кажется, сотворившій изъ-начала человѣка не для пользы ли его далъ ему органы чувствъ?“ [2])... Платонъ принялъ мысли Сократа о творческой дѣятельности въ мірѣ ума божественнаго. Въ X книгѣ „Политики“ онъ сопоставляетъ дѣятельность Творца въ мірѣ съ тѣмъ, что дѣлаетъ художникъ, когда создаетъ художественное произведеніе. Онъ замѣчаетъ здѣсь, что одинъ Богъ можетъ быть названъ въ собственномъ смыслѣ Творцемъ; художники же, живописцы и проч. суть подражатели [3]). Анаксагоръ, высказавшій идею объ умѣ божественномъ,

---

[1]) Memorab. 1, 4, 8. Σὺ δὲ σαυτὸν φρόνιμόν τι δοκεῖς ἔχειν; Ἄλλοθι δὲ οὐδαμοῦ οὐδὲν οἴει φρόνιμον εἶναι; καὶ ταῦτα ἰδὼς ὅτι γῆς τε μικρον μέρος ἐν τῷ σώματι πολλῆς οὔσης ἔχεις, καὶ ὑγροῦ βραχὺ, πολλοῦ ὄντος, καὶ τῶν ἄλλων δήπου μεγάλων ὄντων ἑκάστου μικρον μέρος λαβοντι τὸ σωμα συνηρμόσταί σου.

[2]) Memorab. 1, 4, 4. Πότερά σοι δοκοῦσιν οἱ ἀπεργαζόμενοι εἰδώλα ἄφρονά τε καὶ ἀκίνητα ἀξιοθαυμαστότεροι εἶναι, ἢ οἱ ζῷα ἔμφρονά τε καὶ ἐνεργά; Πολὺ, νὴ Δία, οἱ ζῷα εἴπερ γε μὴ τύχῃ τινὶ, ἀλλὰ ὑπὸ γνώμης ταῦτα γένηται. Τῶν δε ἀτεκμάρτως ἐχόντων, ὅτου ἕνεκά εστι, καὶ τῶν φανερῶς ἐπ' ὠφελείᾳ ὄντων, πότερα τύχης καὶ πότερα γνώμης ἔργα κρίνεις; Πρέπει μὲν τὰ ἐπ' ὠφελείᾳ γενομενα γνώμης εἶναι ἔργα. Οὐκοῦν δοκεῖ σοι ὁ ἐξ ἀρχῆς ποιῶν ἀνθρώπους ἐπ' ὠφελείᾳ προσθεῖναι αὐτοῖς, δι' ὧν αἰσθάνονται;

[3]) De rep. Lib. X, 586, B. C. Οὐ γὰρ ποῦ τὴν γε ἰδέαν αὐτὴν δημιουργεῖ οὐδεὶς τῶν δημιουργῶν ... Ἀλλ' ὅρα δὴ καὶ τόν δε τίνα καλεῖς τὸν δημιουργόν· Τόν ποῖον;

и Платонъ, также, вѣроятно, и Сократъ признавали, что матерія, изъ которой созданы всѣ вещи, существовала прежде, чѣмъ произошло созданіе вещей умомъ божественнымъ. Богъ создалъ вещи изъ готоваго уже матеріала, какъ художникъ создаетъ произведеніе изъ готоваго матеріала. Это высказано у Платона въ „Тимеѣ“. Въ этомъ случаѣ Платонъ говоритъ о Богѣ, что Онъ „движущееся безсмысленно изъ безпорядка привелъ въ порядокъ“ [1]). Но какъ бы то ни было, Платонъ училъ, что каждая вещь причастна идеи, которая отпечатлѣлась въ вещи и которая есть нѣчто божественное [2]). Эти-то идеи и суть предметы, познаваемые разумомъ и только однимъ разумомъ.

Но это ученіе — метафизическое. Только относительно Сократа нужно замѣтить, что онъ путемъ индукціи пришелъ къ признанію въ мірѣ слѣдовъ ума божественнаго. Замѣчательно въ этомъ случаѣ изслѣдованіе психологическое, начатое еще Сократомъ и продолженное Платономъ. Послѣднимъ открыты въ нашемъ умѣ, отдѣлены и обнаружены знанія, заключающія въ себѣ больше, чѣмъ сколько передаютъ и въ состояніи передать опытъ и наши чувства. Платонъ въ „Федонѣ“ такъ развиваетъ свои мысли объ этомъ предметѣ: „Мы, говоритъ онъ, говоримъ, что есть нѣчто „равное“, разумѣю не кусокъ дерева, равный другому куску, или камень — камню, или что-

---

Ος πάντα ποιεῖ, ὅσαπερ εἷς ἕκαστος τῶν χειροτεχνῶν ... ὁ αὐτὸς γὰρ οὗτος χειροτεχνης οὐ μόνον πάντα οἷός τε σκεύη ποιῆσαι, ἀλλὰ καὶ τα ἐκ τῆς φυόμενα ἅπαντα ποιεῖ καὶ ζῷα παντα ἐργάζεται et caet.

[1]) Tim. 29, D. Ἀλλὰ κινούμενον πλημμελῶς εἰς τάξιν ταὐτὸ ἤγαγεν ἐκ τῆς ἀταξίας.

[2]) Существуетъ недоразумѣніе въ томъ, суть ли идеи произведеніе ума божественнаго или онѣ существовали до созданія вещей внѣ ума божественнаго, какъ и матерія? Въ Тимеѣ говорится, что Богъ, «взирая на образцы» (παραδείγματα), создалъ міръ. Это мѣсто заставляетъ думать, что идеи, по мысли Платона, не созданы Творцемъ, а существовали внѣ ума божественнаго до созданія вещей. Съ другой стороны, въ «Политикѣ» Платонъ говоритъ, что одинъ Богъ есть истинный творецъ и самыя идеи имъ созданы. Обыкновенно находятъ, что Платонъ въ указанныхъ мѣстахъ допустилъ противорѣчіе Намъ кажется, что Платонъ принимаетъ оба мнѣнія, высказанныя имъ объ идеяхъ, и не противорѣчитъ себѣ въ двухъ указанныхъ мѣстахъ. Въ «Тимеѣ» Платонъ называетъ идеями и стихіи. Но можно ли, согласно съ ученіемъ Платона, утверждать, что стихіи не существовали до созданія вещей и созданы деміургомъ? Если нельзя, то, значитъ, есть идеи, которыя не созданы Творцемъ и существовали раньше созданія міра вещей. Въ «Политикѣ» же Платонъ говоритъ объ идеяхъ другаго рода, именно тѣхъ, которыя относятся къ сочетанію стихій въ различныя созданія. Эти идеи онъ называетъ созданіемъ Бога. Въ этомъ случаѣ и Сократъ училъ познавать слѣды ума божественнаго въ цѣлесообразномъ сочетаніи стихій въ твореніяхъ, какъ было сказано выше.

нибудь другое въ этомъ родѣ; нѣтъ, а отличное отъ всего этого, равное само по себѣ, самое понятіе равенства: говоримъ это или нѣтъ?“ Разумѣется, говоримъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ Симміасъ. — „И мы знаемъ его — это равное само по себѣ?“ — Конечно, отвѣчалъ онъ. Откуда же у насъ это знаніе? Не изъ того ли, о чемъ сейчасъ упомянули? Именно, не чрезъ знаніе ли разныхъ или деревьевъ, или камней, или чего-нибудь въ этомъ родѣ пришли мы къ тому отличному отъ перваго знанію? Или оно, по твоему мнѣнію, не отлично? Разсуди еще такъ: не правда ли, что равные камни и деревья иногда хоть и тѣ же самые, а принимаютъ различный видъ и являются то равными, то неравными?“ — Безъ сомнѣнія. — „Что жь? Значитъ, равное само по себѣ иногда кажется тебѣ неравнымъ? равенство — неравенствомъ?“ — Отнюдь нѣтъ, Сократъ. — „Однако знаніе о томъ равномъ, продолжалъ онъ, ты придумалъ и получилъ именно отъ этихъ равныхъ, отличныхъ отъ перваго?... Не достаетъ ли имъ чего-нибудь, чтобъ быть такими, каково послѣднее (равное само по себѣ), или въ нихъ есть все?“ — Многаго недостаетъ, отвѣчалъ онъ“ [1]). Какъ Сократъ такъ и Платонъ называли такого рода знанія воспоминаніемъ. И тотъ и другой эти знанія называли также достояніемъ разума. Платонъ называлъ такія знанія „идеями“, которыя свойственно познавать одному разуму. Такимъ образомъ, и путемъ психологическаго анализа найдено Платономъ, что есть знанія, принадлежащія одному разуму.

Платонъ раскрылъ далѣе, какимъ образомъ получаются и могутъ быть получены разумомъ знанія, о которыхъ сказано выше. Въ упомянутыхъ знаніяхъ всегда есть нѣчто, что̀ сообщается чувствами и находится въ ощущеніи. По мысли Платона, знанія, принадлежащія разуму, не могутъ явиться въ насъ безъ участія чувствъ. „И то допустимъ, говоритъ онъ въ „Федонѣ“, что „равнаго“ мы не придумываемъ и не можемъ придумать иначе, какъ чрезъ зрѣніе, осязаніе

[1]) Phaed 74, A. Β Φαμὲν πού τι εἶναι ἴσον, οὐ ξύλον λέγω ξύλῳ οὐδὲ λίθον λίθῳ οὐδ' ἄλλο τῶν τοιούτων οὐδέν, ἀλλὰ παρὰ ταῦτα πάντα ἕτερον τι αὐτὸ τὸ ἴσον φῶμέν τί εἶναι ἢ μηδέν; φῶμεν μέντοι νη Δι', ἔφη ὁ Σίμμιας, θαυμαστῶς γε. Ἦ καὶ ἐπιστάμεθα αὐτὸ ὃ ἔστιν, Πάνυ γε, ἦ δ' ὅς. Πόθεν λαβόντες αὐτοῦ τὴν ἐπιστήμην; ἆρ' οὐκ ἐξ ὧν νὺν δὴ ἐλέγομεν, ἢ ξύλα ἢ λίθους, ἢ ἄλλ' ἄττα ἰδόντες ἴσα, ἐκ τούτων ἐκεῖνο ἐνενοήσαμεν, ἕτερον ὂν τούτων; ἢ οὐχ' ἕτερον σοι φαίνεται; σκόπει δε καὶ τῇδε ἆρ' οὐ λίθοι μὲν ἴσοι καὶ ξύλα ἐνίοτε ταὐτὰ ὄντα τοτὲ μὲν ἴσα φαίνεται, τοτὲ δ' οὔ; πάνυ μὲν οὖν. Τί δε, αὐτὰ τὰ ἴσα ἔστιν ὅτε ἄνισά σοι ἐφάνη, ἢ ἡ ἰσότης ἀνισότης, Οὐδεπώποτέ γε, ὦ Σῶκρατες Ἀλλὰ μὴν ἐκ τούτων γ, ἔφη, τῶν ἴσων, ἑτέρων ὄντων ἐκείνου τοῦ ἴσου, ὅμως αὐτοῦ τὴν ἐπιστήμην ἐννενόηκάς τε καὶ εἴληφας. .. Ibid. D. Ἦ ἐνδεῖ τι ἐκείνου τῷ μὴ τοιοῦτον εἶναι, οἷον το ἴσον, ἢ οὐδέν; Καὶ πολύ γε, ἔφη, ἐνδεῖ.

или какое-нибудь другое чувство; разумѣю всѣ ихъ тождественными.... Стало быть чувства-то и приводятъ насъ къ мысли, что въ нихъ все стремится къ равному и все недостаточнѣе его“ [1]). Какъ ни тѣсно связаны знанія, принадлежащія разуму, съ знаніями, получаемыми чрезъ чувство, первыя отличны отъ послѣднихъ, потому что пріобрѣтаются инымъ путемъ. Вотъ какимъ образомъ разсуждаетъ Платонъ въ VII книгѣ „Политики“ о познаніи чувственномъ и познаніи умственномъ и объ отличіи того и другаго: „усматриваешь ли ты, что одно въ чувствахъ не вызываетъ размышленія къ изслѣдованію, поелику достаточно оцѣнивается однимъ чувствомъ, а другое непремѣнно требуетъ изслѣдованія со стороны размышленія, поелику чувство здѣсь не дѣлаетъ ничего здраваго“ [2]). „Предметъ, не вызывающій размышленія, есть тотъ, который въ то же время не входитъ въ чувство противное, а который входитъ, тотъ я признаю вызывающимъ размышленіе, потому что не болѣе проявляетъ это, какъ и противное этому“ [3]). Съ этого-то момента и начинается дѣятельность разума, которому одному свойственно различеніе. „Вѣдь и зрѣніе видитъ великое и малое, говоритъ тамъ же Платонъ, но видитъ не отдѣльнымъ, а чѣмъ-то слитнымъ.... мышленіе же принуждено бываетъ видѣть великое и малое, вопреки зрѣнію, не слитнымъ, а отдѣльнымъ. И потому-то, заключаетъ Платонъ, одно назвали мы мыслимымъ, а другое видимымъ“ [4]). Разумъ нашъ по своей природѣ стремится различать, или, какъ выражается Платонъ, „мыслить и познавать общее и отличное въ ощущеніяхъ, подобное и неподобное, тоже и противопо-

---

[1]) Phaed. 75, A. Ἀλλὰ μὴν καὶ τοδε ομολογοῦμεν, μὴ ἄλλοθεν αὐτὸ ἐννενοηκέναι μηδὲν δυνατὸν εἶναι ἐννοῆσαι ἀλλ' ἢ ἐκ τοῦ ἰδεῖν ἢ ἅψασθαι ἢ ἐκ τίνος ἄλλης τῶν αἰσθήσεων ταὐτον δε πάντα ταῦτα λέγω.... Ἀλλὰ μὲν δὴ ἐκ γε τῶν αἰσθήσεων δεῖ ἐννοῆσαι ὅτι πάντα τὰ ἐν ταῖς αἰσθήσεσιν ἐκείνου τε ὀρέγεται, τοῦ ὃ ἔστιν ἴσον, καὶ αὐτοῦ ἐνδεέστερά ἐστιν.

[2]) De rep. Lib. VII, 523, B Δεικνυμι δὴ (εἶπον), εἰ καθορᾷς, τὰ μὲν ἐν ταῖς αἰσθήσεσιν ου παρακαλοῦντα τὴν νοήσιν εἰς ἐπισκεψιν ὡς ἱκανῶς ὑπο τῆς αἰσθήσεως κρινόμενα, τὰ δε παντάπασι διακελευόμενα ἐκείνην ἐπισκέψασθαι, ὡς τῆς αἰσθήσεως οὐδὲν ὑγιὲς ποιούσης.

[3]) De Rep Lib. VII, 523, C. Τὰ μὲν οὐ παρακαλοῦντα, ἦν δ' ἐγὼ, ὅσα μὴ ἐκβαίνει εἰς ἐναντίαν αἴσθησιν ἅμα τὰ δ' ἐκβαίνοντα ὡς παρακαλοῦντα τίθημι, ἐπειδὰν ἡ αἴσθησις μηδεν μᾶλλον τοῦτο ἢ τὸ ἐναντίον δηλοῖ.

[4]) De Rep. Lib. VII, 524, C Μεγα μὴν καὶ ὄψις καὶ σμικρον ἑώρα, φάμεν, ἀλλ' οὐ κεχωρισμένον συγκεχυμένον τι.... μεγα αὖ καὶ σμικρὸν ἡ νόησις ἠναγκάσθη ἰδεῖν, οὐ συγκεχυμένα, ἀλλὰ διωρισμένα, τουναντίον ἢ ἐκείνη. . Καὶ οὕτω δη τὸ μὲν νοητὸν, τὸ δ' ὁρατὸν ἐκαλέσαμεν.

ложное“ и пытается узнать — одинъ или два предмета или болѣе двухъ заключаются въ томъ, что слитно передаютъ чувства. Въ этомъ случаѣ разумъ успѣваетъ особенно чрезъ мышленіе „отъ противоположнаго“, которое свойственно природѣ разума. „Если прекрасное и безобразное противны между собою, говоритъ онъ въ „Теэтетѣ“, то ихъ два?.... А когда ихъ два, то каждое изъ нихъ не есть ли одно? то же нужно сказать о справедливомъ и несправедливомъ и проч“). Было бы слишкомъ долго выписывать всѣ мѣста изъ произведеній Платона, гдѣ онъ пользуется мышленіемъ отъ противоположнаго, доказываетъ значеніе его и раскрываетъ его природу. Мы упоминали уже, что Платонъ мышленіе отъ противоположнаго ввелъ въ методъ раціональнаго изслѣдованія.

Такимъ образомъ, знаніе разумное всегда можно отличить отъ знанія чувственнаго: оно заключаетъ въ себѣ больше, чѣмъ сколько передаютъ чувства. Хотя знанія разума стоятъ въ тѣсной связи съ знаніями чувственными, тѣмъ не менѣе они пріобрѣтаются иначе, чѣмъ эти послѣднія. Они носятъ на себѣ отпечатокъ своеобразной дѣятельности разума—различающей. На этомъ основаніи Платонъ говоритъ напримѣръ въ „Тимеѣ“, что огонь, воспринимаемый и познаваемый разумомъ, иное, чѣмъ огонь, воспринимаемый чувствами. То же нужно сказать и относительно другихъ стихій.

Платонъ, равно какъ и Сократъ, знанія разума называли воспоминаніемъ. Платонъ объяснялъ, что это воспоминаніе вынесено нами изъ жизни до рожденія и явленія нашего въ этотъ міръ. Этимъ онъ доказывалъ безсмертіе нашей души. Если, дѣйствительно, есть у насъ знанія, которыхъ мы не могли получить въ этомъ мірѣ опытно чрезъ наши чувства, то понятно, что существо, которое владѣетъ такими знаніями, представлялось Платону существомъ иного происхожденія явившимся въ этотъ міръ изъ другаго міра. Уже было замѣчено нами, что какъ Сократъ, такъ и Платонъ душу въ ея существенной природѣ отождествляли съ разумомъ (νοῦς). Понятно, что Платонъ, говоря о безсмертіи души и доказывая его сущностію знаній, не передаваемыхъ опытомъ чрезъ чувства, разумѣетъ подъ душою „разумъ“. Въ „Тимеѣ“ Платонъ счелъ нужнымъ высказать о разумѣ, что онъ инаго происхожденія, чѣмъ „истинное мнѣніе“, которое всего легче отождествить съ разумомъ. „Мы должны, говоритъ онъ, считать ихъ (νοῦς καὶ δόξα ἀληθὴς) за два рода, потому что они произошли от-

*) De Rep. Lib. 436, B.

дѣльно и имѣютъ не одинаковое свойство:... разуму причастны боги, человѣческій же родъ мало что-то“ [1]).

Аристотель, излагая свое ученіе о способностяхъ, объ одномъ умѣ замѣчаетъ, что онъ составляетъ „иной родъ“ и долженъ быть отдѣленъ отъ тѣла и отъ другихъ способностей. „Умъ, говоритъ онъ, есть, кажется, иной родъ души и онъ только можетъ быть отдѣленъ, какъ безсмертное можетъ быть отдѣлено отъ смертнаго [2]). Мы видѣли, что Аристотель разумъ называетъ безсмертнымъ.

Какъ было сказано, разумъ, по ученію Аристотеля, познаетъ предметы, ему одному свойственные (νοητὰ) и отличные отъ предметовъ чувственныхъ (αἰσθητὰ). Какіе же это предметы? Оказывается, что Аристотель мыслимымъ и познаваемымъ разумомъ называетъ то же, что называетъ и Платонъ. Для примѣра говоритъ онъ о „величинѣ“, (μέγεθος), о „прямомъ“ (εὐθύς), о „водѣ“ „(ὕδωρ) и проч. Это — тѣ же предметы, которые воспринимаются и познаются и чувствами. Но Аристотель замѣчаетъ, подобно Платону, что иное дѣло — предметъ, воспринимаемый и познаваемый чувствами, и иное—предметъ, воспринимаемый и познаваемый разумомъ, хотя они относятся къ одному и тому же; напримѣръ: знаніе величины, пріобрѣтаемое чрезъ чувства, иное, чѣмъ знаніе ея, пріобрѣтаемое разумомъ [3]). Аристотель оцѣнилъ въ этомъ психологическое раскрытіе разума и его дѣятельности, сдѣланное Платономъ. Мы уже замѣчали въ отдѣлѣ объ ощущеніяхъ, что слитно передаваемое нашими чувствами, какъ единичное ощущеніе, душа наша различаетъ. Въ отдѣлѣ „объ умѣ“ говорится, что разумъ познаетъ „недѣлимые“ (ἀδιαίρετα), но недѣлимые не „по количеству“ (κατά πόσον), замѣчаетъ Аристотель, а „по виду“ (εἴδει) [4]). Для

---

[1]) Tim 51, D. Δύο (γένη) δὴ λεκτέον ἐκεῖνο διότι χωρὶς γεγόνατον ἀνομοίως τε ἐχετον. Ibid. 51, E. Νοῦ (μετέχειν) δὲ θεούς, ἀνθρώπων δὲ γένος βραχύ τι

[2]) De anim. 2, 2, 9. Ἔοικε ψυχῆς γένος ἕτερον (νοῦν) εἶναι, καὶ τοῦτο μόνον ἐνδέχεται χωρίζεσθαι, καθάπερ το αἰδιον τοῦ φθαρτοῦ.

[3]) De anim. 3, 4, 7. Ἄλλο ἐστὶ μέγεθος καὶ τὸ μεγέθει εἶναι, καὶ ὕδωρ καὶ ὕδατι εἶναι. Οὕτω δὲ καὶ ἐφ' ἑτέρων πολλῶν Подъ «μεγεθος» разумѣетъ Аристотель знаніе, пріобрѣтенное чувствами; а подъ «τὸ μεγέθει εἶναι» разумѣетъ знаніе, усвоясмое разумомъ.

[4]) De anim. 5, 6, 4. Τὸ δὲ μὴ κατὰ πόσον ἀδιαίρετον, ἀλλὰ τῷ εἴδει. Въ этомъ случаѣ Аристотель напоминаетъ намъ замѣчаніе Платона, по которому «видъ» не нужно смѣшивать съ тѣмъ, что обыкновенно называется «частію». Это правило особенно тщательно нужно соблюдать въ «дѣленіи по видамъ». Дѣленіе нужно «продолжать до тѣхъ поръ, пока не получится недѣлимое» (μέχρι τοῦ ἀτμήτου τέμνειν).

достиженія знанія „недѣлимыхъ“ Аристотель предписываетъ знаніе чрезъ противоположное. „Чрезъ это противоположное, какъ чрезъ отрицаніе (στέρησις) [1]), обозначается, замѣчаетъ Аристотель, и пунктъ исходный для дѣленія, и всякое дѣленіе и недѣлимое“. Какъ разумъ познаетъ худое (κακὸν) и черное?—спрашиваетъ Аристотель и отвѣчаетъ: „онъ познаетъ это чрезъ противоположное“ [2]).

Что̀ сейчасъ высказано относительно знаній, пріобрѣтаемыхъ разумомъ, и относительно психологическаго объясненія ихъ происхожденія, не можетъ не обратить на себя особеннаго вниманія и въ настоящее время. Кому извѣстны, какую роль играли въ исторіи философскаго мышленія вопросы о пространствѣ и времени, о безконечности и конечности ихъ, объ опытномъ и не опытномъ ихъ происхожденіи, объ абсолютномъ, о математическихъ знаніяхъ, объ опытномъ и не опытномъ происхожденіи ихъ и проч., тотъ пойметъ значеніе данаго Платономъ и Аристотелемъ рѣшенія вопросовъ о природѣ знаній, принадлежащихъ разуму, и о психологическомъ происхожденіи этихъ знаній. Аристотель заставляетъ различать недѣлимое (напримѣръ, пространство) въ „количествѣ“ и недѣлимое въ „видѣ“. Оказывается, что это различіе — не маловажное и достигнуто послѣ глубокаго и труднаго психологическаго анализа. Платонъ въ „Федонѣ“ отъ лица Сократа разказываетъ, какъ волновали его различныя недоразумѣнія относительно понятій „бо̀льшаго и меньшаго“, прилагаемыхъ къ различнымъ предметамъ. „По моему мнѣнію, говоритъ онъ, достаточно правильнымъ казалось мнѣ, что когда великорослый человѣкъ станетъ возлѣ малорослаго, тогда бываетъ выше его цѣлою головою, равно какъ и конь выше коня. А и того яснѣе, что десять болѣе восьми, ибо прибавилось два, и два локтя болѣе одного, потому что превышаютъ его половиною. Теперь, клянусь Зевсомъ, я далекъ отъ мысли, что причины этихъ вещей мнѣ извѣстны“ [3]). Послѣ Сократа Платонъ рѣшилъ, что „все великое бываетъ велико и большее больше отъ вели-

[1]) De anim. 3, 6, 5. Ἡ δὲ στιγμὴ καὶ πᾶσα διαίρεσις, καὶ τὸ οὕτως ἀδιαίρετον δηλοῦται ὥσπερ ἡ στέρησις.

[2]) De anim. 3, 6, 5. Πῶς τὸ κακὸν γνωρίζει (λόγος) ἢ τὸ μέλαν· τῷ ἐναντίῳ γὰρ πῶς γνωρίζει.

[3]) Phaed. 96, D. E. Ὡμην γὰρ ἔγωγε ἱκανῶς μὴ δοκεῖν, ὁπότε τις φαίνοιτο ἄνθρωπος παραστὰς μέγας σμικρῷ μείζων εἶναι αὐτῇ τῇ κεφαλῇ, καὶ ἵππος ἵππου. Καὶ ἔτι γε τούτων ἐναργέστερα, τὰ δέκα μοι ἐδόκει τῶν ὀκτὼ πλείονα εἶναι διὰ τὸ δύο αὐτοῖς προσεῖναι, καὶ τὸ δίπηχυ τοῦ πηχυαίου μεῖζον εἶναι διὰ τὸ ἡμίσει αὐτοῦ ὑπερέχειν.. . Πόρρω που, ἔφη, νὴ Δι' ἐμὲ εἶναι τοῦ οἴεσθαι περὶ τούτων τοῦ τὴν αἰτίαν εἰδέναι.

кости, и меньшее меньше — отъ малости“ [1]). То-есть, разсуждающій имѣетъ въ своемъ разумѣ идеи, изъ которыхъ каждая имѣетъ, говоритъ Платонъ, значеніе „сама по себѣ“; все же другое, являющееся подъ идеями, отъ нихъ заимствуетъ свое названіе [2]). „Или, по выраженію Аристотеля, разсуждающій имѣетъ дѣло съ недѣлимымъ „въ видѣ“, которое пріобрѣтено нашимъ разумомъ и прилагается къ дѣлимому въ „количествѣ“. При помощи этихъ идей „самихъ по себѣ“, или недѣлимыхъ въ „видѣ“, человѣкъ мыслящій обнимаетъ необъятное количество предметовъ, знаетъ, по видимому, безпредѣльное и безконечное. Но эти идеи получены нами не иначе, какъ при первоначальномъ содѣйствіи внѣшнихъ чувствъ самодѣятельностію нашего разума. Послѣдній для отчетливаго представленія идеи мыслитъ отъ противоположнаго. Чрезъ это онъ достигаетъ того, что дѣлается владѣтелемъ знанія безпредѣльнаго по объему и опредѣленнаго въ содержаніи. Какъ ни просто, по видимому, происхожденіе въ насъ идей, какъ его объяснили Платонъ и Аристотель, однакожъ какъ Платонъ, такъ и Аристотель, отвергали исключительно чувственное происхожденіе ихъ; „разумъ“, которому свойственно пріобрѣтать идеи по своимъ законамъ, они отличали отъ другихъ способностей и признавали иное происхожденіе его. Вообще въ способности разума „мыслить и познавать общее и отличное въ ощущеніяхъ„, сопоставлять ощущенія и сравнивать ихъ между собою они видѣли свободу разума и независимость его отъ всего чувственнаго. Въ произведеніяхъ Платона (особенно въ „Федонѣ“ и „Политикѣ“) можно видѣть много мѣстъ, гдѣ онъ разсуждаетъ о свободѣ и независимости познающаго разума, а также и о зависимости чувствъ. Послѣднія прикованы какъ-бы къ предметамъ чувственнымъ и нераздѣльно связаны съ ними. Въ знаніяхъ математическихъ наша познающая душа уже начинаетъ освобождаться отъ связи, налагаемой на нее узами чувствъ. Аристотель тоже много говоритъ о томъ, что разумъ независимъ отъ тѣла, бестрастенъ и имѣетъ самодѣятельную природу; чувства, напротивъ, связаны въ своемъ дѣйствіи, страдательны и проч. Чтобы показать отличіе разума отъ ощущеній, Аристотель указываетъ на тотъ наглядный фактъ, что мы совершенно не можемъ ощущать въ то время, когда дѣйствіе предметовъ на

[1]) Phaed. 100, E. Καὶ μεγέθει ἄρα τὰ μεγάλα μεγάλα καὶ τὰ μείζω μείζω, καὶ σμικρότητι τὰ ἐλάττω ἐλάττω.

[2]) Phaed. 102, B. Καὶ ὡμολογεῖτο εἶναί τι ἕκαστον τῶν εἰδῶν καὶ τούτων τἆλλα μεταλαμβάνοντα αὐτῶν τούτων τὴν ἐπωνυμίαν ἴσχειν

наши чувства чрезмѣрно; разумъ, напротивъ, одинаково способенъ бываетъ мыслить предметы мыслимые. Онъ еще сильнѣе напрягаетъ свою дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда предметы, воспринимаемые имъ, слишкомъ высоки или слишкомъ ничтожны [1]). „Чувство замѣчаетъ Аристотель, не можетъ дѣйствовать безъ тѣла; умъ же не связанъ тѣломъ“ [2]). По представленію и Платона и Аристотеля, умъ нашъ, будучи не матеріаленъ и не связанъ съ тѣломъ, выдѣляетъ нематеріальное и себѣ сродное и въ предметахъ внѣшнихъ, воспринимаемыхъ нашими тѣлесными органами. Аристотель въ отдѣлѣ объ умѣ постоянно пользуется терминомъ: „отдѣлять“, „отдѣленный“ и пр. (χωρίζω, χωρισθείς, κεχωρισμένα, κεχωρισμένως, χωριστός). Для примѣра отдѣленія разумомъ мыслимаго отъ матеріальнаго Аристотель беретъ курносость [3]). Курносость не отдѣлима отъ носа, существующаго на томъ или другомъ лицѣ; слѣдовательно, не вообразима, какъ существующая безъ матеріи. Но разумъ, на сколько мыслитъ „кривое“, мыслитъ его отдѣльно отъ матеріи. Такимъ же образомъ мыслятся предметы математическіе [4]) И Платонъ, и Аристотель высказываютъ, что разумъ, на сколько мыслитъ „недѣлимые въ видѣ“ или „идеи сами по себѣ“, не погрѣшаетъ; напротивъ, можетъ погрѣшать и впадать въ ошибки, когда соединяетъ и комбинируетъ недѣлимые [5]). „Вспомни, Теэтетъ,—говоритъ Платонъ въ діалогѣ этого имени,—говаривалъ ли ты самъ себѣ, что изящное безобразно и справедливое несправедливо“? [6]). „Ложное мнѣніе, говоритъ опъ тамъ же, не находится ни въ чувствахъ, взятыхъ отдѣльно, ни въ мыслях, но въ соединеніи чувствъ съ мыслями“ [7]).

---

[1]) De anim. 3, 4, 5 Ἡ μὲν γὰρ αἴσθησις οὐ δύναται αἰσθάνεσθαι ἐκ τοῦ σφόδρα αἰσθητοῦ . . ἀλλ ὁ νοῦς, ὅταν τι νόησῃ σφόδρα νοητόν, οὐχ ἧττον νοεῖ τὰ ὑποδεέστερα ἀλλὰ καὶ μᾶλλον.

[2]) De anim. 3, 4, 5 Τὸ μὲν γαρ αἰσθητικὸν οὐκ ἄνευ σώματος, ὁ δε (νοῦς) χωριστός.

[3]) De anim. 3, 7, 7. Ἡ μὲν σιμὸν, οὐ κεχωρισμένως, ᾗ δὲ κοῖλον, εἴ τις ἐνόει ἐνεργεία, ἄνευ τῆς σαρκὸς ἂν ἐνόει ἐν ᾗ τὸ κοῖλον.

[4]) De anim. 3, 7, 4 Οὕτω τὰ μαθηματικὰ οὐ κεχωρισμένα ὡς κεχωρισμενα νοεῖ.

[5]) De anim. 3, 7, 1. Ἡ μὲν οὖν τῶν ἀδιαιρέτων νόησις εν τούτοις, περὶ ἃ οὐκ ἐστὶ τὸ ψεύδος. ἐν οἷς δε καὶ τὸ ψεύδος καὶ τὸ ἀληθὲς, σύνθεσις τις ἤδη νοημάτων ὥσπερ ἓν ὄντων.

[6]) Phaed 190, B. Ἀναμνήσκου δὴ, εἰ πώποτ' εἶπες πρὸς σεαυτὸν, ὅτι παντὸς μᾶλλον τό τοι καλὸν αἰσχρον ἐστι ἢ τὸ ἄδικον δίκαιον.

[7]) Phaed. 195, D. Ὦ Σώκρατες, εὕρηκας δὴ ψευδῆ δόξαν, ὅτι οὔτε ἐν ταῖς αἰσθήσεσίν ἐστι πρὸς ἀλλήλας, οὐτ' ἐν ταῖς διανοίαις αλλ' ἐν τῇ συνάψει αἰσθήσεως πρὸς διανοίαν.

Что же такое умъ „дѣятельный“ и умъ „страдательный“, ученіе о которыхъ занимаетъ столь видное мѣсто въ ученіи Аристотеля объ умѣ? Такого ученія мы не находимъ у Платона; да оно и направлено, кажется, противъ ученія Платона. Послѣдній раскрытіе идей въ нашемъ умѣ назвалъ воспоминаніемъ того, что мы знали когда-то прежде. Аристотель, говоря объ умѣ „дѣятельномъ“, замѣчаетъ, что ему „несвойственна память, ибо онъ безстрастенъ“ (οὐ μνημονεύομεν δε, ὅτι τοῦτο μέν ἀπαθες). Умъ же „страдательный“ смертенъ и подверженъ разрушенію (φθαρτός); слѣдовательно, опять не можетъ быть рѣчи о памяти и воспоминаніи въ смыслѣ Платона. Умъ, по ученію Аристотеля, „подобенъ листу бумаги, на которомъ ничего не написано“ [1]). Выходя изъ этого принципа объ умѣ, Аристотель высказываетъ и относительно ума свою обычную теорію о бытіи „въ возможности“ и бытіи „въ реальности“ или дѣйствіи и—другую теорію „о матеріи“ и „причинѣ“ или „формѣ“. „Какъ во всей природѣ, говоритъ онъ, есть для каждаго рода нѣчто, что̀ составляетъ матерію (то, что̀ составляетъ всѣ предметы въ возможности), а другое — причина и дѣятельное, которому свойственно создавать все, по примѣру искусства, дѣйствующаго по отношенію къ матеріи; такъ необходимо существуетъ такое же различіе и въ душѣ“ [2]). Что значитъ „быть въ возможности“ и „быть въ реальности», было уже объяснено прежде. Самъ Аристотель для объясненія прибѣгаетъ къ тому же, что было достаточно объяснено имъ выше. Онъ для нагляднаго примѣра беретъ здѣсь свѣтъ и говоритъ: „Умъ — таковъ, что онъ дѣлается всѣмъ и все дѣлаетъ, какъ какая-нибудь дѣйствующая сила, подобная свѣту. Ибо свѣтъ существующіе въ возможности цвѣта дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ существующими въ реальности“ [3]). Когда говорилось выше объ огнѣ „въ возможности“ и „въ реальности“, то было высказано, что послѣдній бываетъ въ реальности, въ актѣ, когда прилагается къ сгараемому. Примѣнительно къ этому и умъ бываетъ въ реальности, въ актѣ, когда прилагается къ предметамъ мыслимымъ.

---

[1]) De anim. 3, 4, 11. Δεῖ δ' οὕτως ὥσπερ ἐν γραμματείῳ ᾧ μηθὲν ὑπάρχει ἐντελέχεια γεγραμμένον. ὅπερ συμβαίνει ἐπὶ τοῦ νοῦ.

[2]) De anim. 3, 5, 1. Ἐπεὶ δ' ὥσπερ ἐν ἁπάσῃ τῇ φύσει ἐστί τι το μὲν ὕλη ἑκάστῳ γένει (τοῦτο δ' ὃ πάντα δυνάμει ἐκεῖνα) ἕτερον δὲ τὸ αἴτιον καὶ ποιητικόν, τῷ ποιεῖν πάντα, οἷον ἡ τέχνη πρὸς τὴν ὕλην πέπονθεν, ἀνάγκη καὶ ἐν τῇ ψυχῇ ὑπάρχειν ταύτας τὰς διαφοράς.

[3]) De anim. 3, 5, 1. Καὶ ἔστιν τοιοῦτος νοῦς τῷ παντα γίνεσθαι, ὁ δε τῷ πάντα ποιεῖν, ὡς ἕξις τις, οἷον τὸ φῶς. τρόπον γὰρ τίνα καὶ τὸ φῶς ποιεῖ τὰ δυνάμει χρώματα ἐνεργείᾳ χρώματα.

„Знаніе въ актѣ, говоритъ Аристотель, смѣшивается съ предметомъ къ которому оно прилагается. Знаніе же въ возможности для одного индивидуума существуетъ по времени раньше“ [1]). Понятно, что умъ нельзя назвать „страдательнымъ“ въ то время, когда онъ не прилагается еще къ предметамъ мыслимымъ. Къ уму „въ возможности“ относятся прежде всего названія „несмѣшанный“ (ἀμιγής), „безстрастный“ (ἀπαθής), „отдѣльный“ (χωριστός), „безсмертный“ (ἀθάνατος), „вѣчный“ (ἀίδιος) [2]). Названіе „страдательный“ можетъ быть приложено къ уму не иначе, какъ съ того момента, когда онъ прилагается къ предметамъ мыслимымъ и познаваемымъ [3]). Аристотель не сомнѣвается въ томъ, чего разумъ бываетъ въ страдательномъ положеніи. Умъ испытываетъ дѣйствіе со стороны предметовъ мыслимыхъ, подобно какъ чувства испытываютъ дѣйствіе предметовъ чувственныхъ. Есть, конечно, и различіе (ἕτερον) между страдательнымъ положеніемъ чувствъ и ума. Послѣдній, во всякомъ случаѣ, не смѣшивается съ тѣломъ [4]), чего нельзя сказать о чувствахъ. Разумъ имѣетъ дѣло съ „видами“ (εἴδη), или „формами“ [5]). Результатъ дѣйствія на разумъ предметовъ мыслимыхъ бываетъ тотъ, что существо мыслящее и предметъ мыслимый смѣшиваются и отождествляются [6]). Отождествленіе это совершается въ пользу предметовъ мыслимыхъ, равно какъ отождествленіе чувствъ съ предметами чувственными происходитъ въ пользу послѣднихъ. „Знаніе есть въ нѣкоторомъ родѣ предметы, которые познаются, говоритъ Аристотель, равно какъ ощущеніе — предметы ощущаемые“ [7]).

Итакъ, умъ, коль скоро испытываетъ дѣйствіе предметовъ мыслимыхъ, необходимо дѣлается „страдательнымъ“ (παθητικός). Но въ то же

---

[1]) De anim 3, 5, 2 Το αὐτό ἐστιν ἡ κατ' ἐνέργειαν ἐπιστήμη τῷ πράγματι. ἡ δε κατὰ δύναμιν χρόνῳ πρότερα ἐν τῷ ἑνί.

[2]) De anim. 3, 4, 3. Ὁ ἄρα καλούμενος τῆς ψυχῆς νοῦς οὐθεν ἐστι ἐνεργείᾳ τῶν ὄντων πρὶν νοεῖν

[3]) De anim 3, 4, 2. Εἰ δή ἐστι το νοεῖν ὥσπερ το αἰσθάνεσθαι, ἢ πάσχειν ἄν ειη υπὸ τοῦ νοητοῦ ἢ τι τοιοῦτον ἕτερον Ibid. 3, 4, 9. Εἴ το νοεῖν πάσχειν τί ἐστι, ᾗ γάρ τι κοινὸν ἀμφοῖν ὑπάρχει, το μὲν ποιεῖν δοκεῖ, το δε πασχειν

[4]) De anim 3, 4, 4. Οὐδὲ μεμῖχθαι εὔλογον αὐτον τῷ σώματι

[5]) De anim. 3, 8, 3 Ὁ νοῦς εἶδος εἰδῶν. Οὐ γάρ ὁ λίθος ἐν τῇ ψυχῇ, ἀλλα το εἶδος Ibid 3, 4, 4 Καὶ εὖ δὴ οἱ λέγοντες τὴν ψυχὴν εἶναι τόπον εἰδῶν.

[6]) De anim 3, 4, 12. Ἐπεὶ μὲν γάρ τῶν ἄνευ ὕλης τὸ αὐτὸ ἐστὶ τὸ νοοῦν καὶ το νοούμενον. Ibid. Ἡ γάρ ἐπιστήμη ἡ θεωρητικὴ καὶ το οὕτως επιστητον το αὐτό ἐστιν.

[7]) De anim 3, 8, 1 Ἔστι δ' ἡ ἐπιστήμη μὲν τὰ ἐπιστητὰ πῶς, ἡ δ' αἴσθησις τὰ αἰσθητά.

время онъ не остается и самъ бездѣятельнымъ въ силу своей самобытной энергіи [1]). Умъ „страдательный“ безъ ума „дѣятельнаго“ ничего не мыслитъ, говоритъ Аристотель [2]). Здѣсь Аристотель повторяетъ то же, что сказано было имъ объ ощущеніи и душѣ ощущающей. Какъ тамъ было сказано, что актъ ощущенія бываетъ „неполный“, пока чувство испытываетъ страдательное положеніе, такъ и здѣсь нужно сказать объ умѣ, испытывающемъ страдательное положеніе отъ дѣйствія на него предметовъ мыслимыхъ. Въ страдательномъ положеніи тотчасъ же открывается и самодѣятельность или иной видъ движенія (ἄλλο εἶδος τοῦτο κινήσεως) [3]). Вообще въ ученіи объ умѣ „страдательномъ“ и умѣ „дѣятельномъ“ Аристотель повторяетъ то же, что прежде сказалъ о чувствѣ. Разумъ воспринимаетъ образы [4]). Эти образы онъ соединяетъ (ταῦτα κεχωρισμένα συντίθεται) и различаетъ (διαφέρει), вообще, разумъ судитъ объ однородномъ и противоположномъ (τὰ ὁμογενῆ κρινει ἢ τ'ανατία), утверждаетъ и отрицаетъ (καταφήσι ἢ ἀποφήσι), преслѣдуетъ что-нибудь и уклоняется отъ чего-нибудь (διώκει ἢ φεύγει). Аристотель высказывается здѣсь ясно, что та же душа, которая въ ощущеніяхъ различаетъ сладкое и теплое [5]), дѣйствуетъ и здѣсь, то-есть, въ той способности, которую называютъ разумомъ. „И здѣсь нужно, говоритъ Аристотель, сказать о томъ, о чемъ сказано прежде, ибо нѣчто одно составляетъ“; (ἔστι γὰρ ἓν τι) дѣйствующее въ томъ и другомъ случаѣ [6]).

Такимъ образомъ, Аристотель въ вышеизложенномъ ученіи объ умѣ „дѣятельномъ“ и „страдательномъ“, хотѣлъ представить лишь свое психологическое ученіе о душевной способности, обыкновенно называемой разумомъ, о ея дѣятельности и явленіяхъ, сюда относящихся. Въ этомъ ученіи онъ высказалъ опытно-разумную мысль, которую послѣ повторилъ Спиноза, что „все существующее, сталкиваясь и приходя въ соприкосновеніе съ другимъ, принимаетъ и испытываетъ аффектъ отъ этого другаго и само въ свою очередь дѣйствуетъ по силѣ своей энергіи“. Спиноза назвалъ самобытную энергію вещи

---

[1]) De anim. 3, 1, 5. Ὁ δὲ τῷ πάντα ποιεῖν.

[2]) De anim. 3, 5, 2. Ὁ δὲ παθητικος νοῦς φθαρτὸς καὶ ἄνευ τουτου (νοῦ ποιητικοῦ) οὐθὲν νοεῖ.

[3]) De anim. 3, 7, 1. Ἡ δ' ἁπλῶς ἐνέργεια ἕτερα ἡ τοῦ τετελεσμένου.

[4]) De anim. 3, 7, 3. Τῇ δὲ διανοητικῇ ψυχῇ τὰ φαντάσματα οἷον αἰσθήματα ὑπάρχει. Ibid. 3, 8, 3. Τὰ γὰρ φαντάσματα ὥσπερ αἰσθήματά ἐστι.

[5]) De anim. 3, 7, 4. Τινι δ' ἀποκρίνει τί διαφέρει γλυκὺ καὶ θερμον.

[6]) De anim. 3, 7, 4 Εἴρηται μὲν καὶ πρότερον, λεκτέον καὶ δὲ ὧδε ἐστι γὰρ ἓν τι.

„стремленіемъ вещи сохранить свое бытіе“. Но то же высказалъ раньше Спинозы Аристотель. Такъ какъ дѣйствіе каждаго существа своеобразно, то и дѣйствіе нашей души должно быть своеобразно. Аристотель, а прежде его Платонъ стремились подмѣтить и изучить своеобразное дѣйствіе нашей души.

Здѣсь считаемъ нужнымъ замѣтить, что тотъ же Платонъ, который училъ о „воспоминаніи“ душею идей, извѣстныхъ ей прежде, училъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, что у дитяти не находится въ запасѣ никакихъ готовыхъ знаній и что „книга“ или „клѣтка (съ которыми онъ сравнивалъ душу человѣка) у дѣтяти пуста“ [1]) и ничѣмъ не наполнена; то-есть, Платонъ училъ тому же, чему училъ Аристотель, назвавшій душу или разумъ „въ возможности“ не писаннымъ листомъ бумаги. Ученіе Платона, въ которомъ говорится о воспоминаніи нами идей, извѣстныхъ намъ изъ прежняго существованія, есть ученіе метафизическое, напротивъ, ученіе о томъ, что душа дитяти пуста и не имѣетъ готовыхъ знаній, есть ученіе психологическое. Правда, Платонъ и ученіе о воспоминаніи того, что душа знала прежде до явленія въ этотъ міръ, основывалъ также на психологическомъ ученіи о душѣ; но это ученіе есть уже выводъ, который былъ смѣло сдѣланъ Платономъ приспособительно къ нѣкоторымъ существовавшимъ уже вѣрованіямъ. Такого же, конечно, рода и ученіе Аристотеля о томъ, что „душа есть все существующее“ (ἡ ψυχὴ τὰ ὄντα πῶς ἐστι πάντα). Далеко ли разошлись между собою Платонъ и Аристотель? Оба они согласны въ томъ, что при появленіи въ этотъ міръ человѣкъ не имѣетъ знаній и въ то же время имѣетъ знанія. По ученію одного — душа имѣла знанія, но чрезъ соединеніе съ тѣломъ потеряла и забыла ихъ, потеряла не совершенно, ибо онѣ вспомнятся и возвратятся чрезъ дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ. По ученію другаго— душа имѣетъ знанія „въ возможности“, прежде чѣмъ они явятся „въ реальности“; при дѣйствіи внѣшнихъ чувствъ и дѣятельности разума знанія являются въ реальности. Слѣдуетъ замѣтить, что Платонъ и Аристотель, высказывая свои метафизическія умозрѣнія объ умѣ и знаніи, большею частію не упускаютъ изъ вниманія анализа психологическаго. На основаніи послѣдняго, оба они согласны въ томъ, что знанія не вложены намъ свыше готовыми, какъ говорилъ, напримѣръ, объ идеѣ божества Декартъ; равнымъ образомъ знанія не привходятъ

[1]) Teaet. 197, E. Παιδίων μὲν ὄντων φάναι χρὴ τοῦτο τὸ ἀγγεῖον κενον, ἀντὶ δε τῶν ὀρνίθων ἐπιστήμας νοῆσαι.

намъ извнѣ также готовыми, то-есть, какъ-бы вкатываются въ насъ по силѣ движенія. Знанія наши, по убѣжденію Платона и Аристотеля, соразмѣрны нашей разумной природѣ, на сколько она способна воспринять и произвести эти знанія по своимъ законамъ; онѣ пріобрѣтаются собственнымъ усиліемъ и дѣятельностію нашей души при помощи ощущеній; вырабатываются по законамъ нашего разума.

Этимъ мы закончимъ свое изложеніе ученія о душѣ познающей или „судящей“ (κριτικὴ), какъ выразился Аристотель. Перейдемъ къ послѣднему отдѣлу трактата Аристотеля о душѣ,—къ ученію о душѣ „движущей къ мѣсту“.

ГЛАВА VIII.

О душѣ, движущей къ мѣсту (ἡ ψυχὴ κινητικὴ κατὰ τόπον).

Опредѣленіе души «движущей къ мѣсту» и причина, по которой разсмотрѣніе души движущей къ мѣсту помѣщено Аристотелемъ въ концѣ трактата. — Внутренніе импульсы или двигатели, указанные Сократомъ и принятые Платономъ. — Тѣже двигатели, признанные Аристотелемъ. — Общее замѣчаніе къ главѣ о душѣ движущей къ мѣсту

Подъ душею, „движущею къ мѣсту“, Аристотель разумѣетъ вообще внутреннюю способность или силу въ насъ, выраженіемъ и результатомъ дѣятельности которой являются движенія нашего тѣла и внѣшнія наши дѣйствія. Сюда входятъ, какъ внутренніе импульсы, „тѣлесные аппетиты“ и „разумная воля“

Ученіе о душѣ, „движущей къ мѣсту“, Аристотель помѣщаетъ въ концѣ своего трактата о душѣ. Послѣ того, что было говорено до Аристотеля Сократомъ о жизни и дѣятельности по разуму и свободному выбору; послѣ того, что было высказано о томъ же Платономъ—творцемъ ученія объ умѣ; послѣ глубокаго и широкаго психологическаго анализа, представленнаго послѣднимъ относительно внутреннихъ двигателей, направляющихъ нашу внѣшнюю дѣятельность; послѣ всего этого неудивительно, что Аристотель усвоилъ себѣ ясное представленіе о сложности процессовъ, предшествующихъ каждому нашему тѣлесному движенію и внѣшнему дѣйствію. Аристотель признаетъ и доказываетъ мысль Сократа и Платона, что дѣйствовать по разумной волѣ и свободному выбору—иное, чѣмъ дѣйствовать по движенію тѣлесныхъ аппетитовъ и страстей. Дѣйствовать по свободной волѣ значитъ дѣйствовать по разуму. Эти дѣйствія также отличны отъ дѣйствій по влеченію тѣлесныхъ аппетитовъ и страстей, какъ самъ разумъ отличается отъ чувственности. Но не говоря уже о

дѣйствіяхъ по разуму, которымъ среди живыхъ существъ одаренъ одинъ человѣкъ, въ животныхъ болѣе совершенныхъ, но лишенныхъ разума [1]), движенія тѣла и внѣшнія дѣйствія совершаются не иначе, какъ при участіи дѣятельности воображенія [2]). Наконецъ, въ тѣхъ живыхъ существахъ, въ которыхъ нельзя признать существованія воображенія, движенія тѣла совершаются подъ вліяніемъ ощущенія „удовольствія“ или „неудовольствія“. Присутствія послѣдняго нельзя отвергать ни въ какомъ произвольно-движущемся существѣ. Если же есть въ существѣ ощущеніе удовольствія и неудовольствія, то необходимо, говоритъ Аристотель, признать въ немъ и „желаніе“ (ἐπιθυμία) и проч. [3]). Понятно теперь, почему Аристотель ученіе о душѣ, „движущей къ мѣсту“, изложилъ послѣ разсмотрѣнія всѣхъ способностей и явленій душевныхъ—въ концѣ своего трактата о душѣ.

Сначала Аристотель отдѣляетъ способность движенія къ мѣсту отъ другихъ способностей. Вопервыхъ, способность движенія къ мѣсту отлична, говоритъ Аристотель, отъ способности питанія (θρεπτικὴ δύναμις) Движеніе къ мѣсту, совершаемое съ опредѣленною цѣлію (ἕνεκα τοῦ), сопровождается обыкновенно воображеніемъ и возбуждается аппетитомъ [4]). Нельзя говорить этого о способности питанія [5]). Вовторыхъ, способность движенія къ мѣсту нужно отдѣлать отъ способности ощущеній: ибо многія изъ животныхъ имѣютъ способность ощущенія, но не имѣютъ способности движенія къ мѣсту [6]). Втретьихъ,

---

[1]) Въ такихъ случаяхъ, то-есть, когда устраняется присутствіе и дѣйствіе разума, Платонъ большею частію пользуется указаніемъ на неразумное дитя

[2]) Аристотель раздѣляетъ воображеніе на «разумное» (λογιστικὴ, ὡς νόησιν τινα ἔχουσα) и «чувственное» (αἰσθητικὴ) Послѣднему причастны животныя; первое имѣетъ человѣкъ De anim 3, 10, 9 Φαντασία δὲ πᾶσα ἢ λογιστικὴ ἢ αἰσθητικὴ Ταύτης μὲν οὖν καὶ τὰ ἄλλα ζῶα μετέχει. Въ животныхъ несовершенныхъ существуетъ нѣчто схожее съ воображеніемъ, но неопредѣленное Движеніе, отсюда зависящее, бываетъ также неопредѣленное De anim 3, 11, 1 Φαντασία δὲ πῶς ἂν ἐνείη; ἢ ὥσπερ καὶ κινεῖται ἀορίστως, καὶ τοῦτ' ἔνεστι μὲν, ἀορίστως δ' ἔνεστι.

[3]) De anim 3, 11, 1 Φαίνεται γὰρ λύπη καὶ ἡδονὴ ἐνοῦσα. εἰ δὲ ταῦτα, καὶ ἐπιθυμίαν ἀναγκη

[4]) De anim 3, 9, 5. Ἀεί τε γὰρ ἕνεκα τοῦ ἡ κίνησις αὕτη καὶ ἡ μετὰ φαντασίας ἢ ὀρέξεώς ἐστι.

[5]) Самъ Аристотель высказалъ такимъ образомъ ясно, что въ процессѣ питанія не замѣчается ни одного изъ тѣхъ явленій, которыя обыкновенно называются душевными.

[6]) Было сказано уже объ этомъ На этомъ основаніи способность движенія къ мѣсту Аристотель и призналъ отдѣльною и самостоятельною способностію,

не нужно смѣшивать способность движенія къ мѣсту и съ разумомъ. Здѣсь Аристотель указываетъ на разумъ „теоретическій“ (νοῦς θεωρητικός) и говоритъ, что онъ не мыслитъ ничего, что относится къ поступкамъ (πρακτόν), не говоритъ намъ о томъ (поясняетъ Аристотель), чего мы должны избѣгать и чего домогаться. Но и тотъ, кто имѣетъ разумъ „практическій“ (νοῦς πρακτικός, διανοία πρακτική) и знаетъ, чего нужно избѣгать и чего домогаться, если только онъ человѣкъ невоздержный (ἀκρατής), слѣдуетъ въ своихъ дѣйствіяхъ не разуму, а желаніямъ [1]). Наконецъ, способность движенія къ мѣсту не есть и аппетитъ: ибо нѣкоторые, хотя и бываютъ возбуждены аппетитомъ, слѣдуютъ въ своихъ дѣйствіяхъ не ему, а разуму [2]).

Собственно говоря, изъ трехъ разсматриваемыхъ нами мыслителей одинъ Аристотель принимаетъ способность движенія къ мѣсту, какъ отдѣльный самостоятельный видъ души. Онъ въ отдѣлѣ о душѣ, движущей къ мѣсту, не упускаетъ случая критиковать дѣленіе видовъ души, данное Платономъ. Но образцы критики Аристотеля, когда она направлена противъ ученія Платона, мы уже видѣли Не смотря на все это, ничто не препятствуетъ Аристотелю воспользоваться мыслями Сократа и Платона, относящимися къ разсматриваемому Аристотелемъ предмету.

Сократъ, котораго ученіе имѣло направленіе практическое, проповѣдывалъ, что человѣкъ долженъ стремиться жить и дѣйствовать по разуму. Только тотъ можетъ быть названъ истинно свободнымъ, кто живетъ и дѣйствуетъ по разуму. Одному разуму свойственно знать лучшее и свободно избирать это лучшее. Убѣждая жить и дѣйствовать по разуму, Сократъ убѣждалъ вмѣстѣ не слѣдовать влеченіямъ страстей и тѣлесныхъ удовольствій. Жить по влеченію страстей и тѣлесныхъ удовольствій значитъ, по ученію Сократа, находиться въ рабствѣ. Такая жизнь есть „невоздержность“ (ἀκρατεῖα).

Платонъ принялъ мысли Сократа о различіи внутреннихъ агентовъ, движущихъ нашею жизнію, и на этомъ основаніи видъ души „разумной“ и видъ души „желательной“ не рѣдко выставлялъ противоборствующими одинъ другому. Душа желательная или душа аппетитовъ обыкновенно заявляетъ себя сильными порывами желаній и стремленій. Душа разумная сдерживаетъ эти порывы, если они по-

---

отличною отъ способности ощущенія. De anim. 3, 9, 6. Πολλὰ γὰρ ἐστι τῶν ζῳων ἃ αἴσθησιν μὲν ἐχει, μόνιμα δ' ἐστὶ καὶ ἀκίνητα διὰ τελους.

[1]) De anim. 3, 9, 8.

[2]) De anim 3, 9, 8

стыдны и недостойны высокаго назначенія человѣка. Впрочемъ, нужно замѣтить, что Платонъ допустилъ стремленія въ каждомъ изъ трехъ видовъ души; но подъ стремленіями души желательной онъ разумѣетъ по преимуществу тѣлесные аппетиты и страсти, почему и ставитъ видъ души желательной въ противоположность виду души разумной. Всякаго рода желанія Платонъ называетъ не иначе, какъ душевными желаніями, хотя бы они происходили отъ тѣла. Для доказательства, что всѣ желанія принадлежатъ самой душѣ и нѣтъ желаній тѣлесныхъ, Платонъ въ „Филебѣ“ анализируетъ желанія пищи и питья, которыя по преимуществу называются тѣлесными желаніями. Мы выпишемъ это замѣчательное мѣсто.

„Не говоримъ ли мы, спрашиваетъ Сократъ, что кто-нибудь жаждетъ?— Пр. Безъ сомнѣнія.—Сокр. Жаждать не значитъ ли быть въ недостаткѣ?— Пр. Непремѣнно.—Сокр. И жажда есть желаніе.— Пр. Такъ, Сократъ.— Сокр. Не питья ли?— Пр. Питья, конечно.— Сокр. То-есть, наполнить себя питьемъ? — Пр. Не иначе. — Сокр. Отсюда, тотъ изъ насъ, кто находится въ недостаткѣ, желаетъ, какъ очевидно, *противнаго* тому, что чувствуетъ, ибо находящійся въ недостаткѣ желаетъ наполнить себя. — Пр. Весьма очевидно, Сократъ. — Сокр. Что же? возможно ли, чтобы человѣкъ, въ первый разъ находя себя въ недостаткѣ, достигъ чувствованіемъ или памятью того восполненія, котораго не чувствуетъ въ настоящую минуту и въ прежнее время не чувствовалъ? — Пр. Никакъ, Сократъ. — Сокр. Однако всякій желающій желаетъ, говоримъ, чего-нибудь?—Пр. Говоримъ.— Сокр. Слѣдовательно, онъ не желаетъ того, что чувствуетъ, потому что жаждетъ; жажда есть недостатокъ, а онъ желаетъ восполненія. Пр. Необходимо это слѣдуетъ. — Сокр. Но этого не возможно достигнуть посредствомъ тѣла, ибо оно находится въ недостаткѣ.—Пр. Невозможно.—Сокр. Поэтому, самой душѣ остается достигать восполненія посредствомъ памяти.— Пр. Очевидно. — Сокр. Ибо какимъ бы другимъ образомъ могла она достигнуть его?— Пр. Почти никакимъ, Сократъ —Сокр. Понимаешь ли, что̀ изъ этого вытекаетъ?— Пр. Что такое?—Сокр. Это говоритъ намъ, что *нѣтъ желанія тѣлеснаго*“ [1]).

Аристотель принимаетъ, подобно Сократу и Платону, разумъ двигателемъ нашей дѣятельности и отличаетъ его отъ другихъ двигателей. Подъ послѣдними онъ, также какъ Сократъ и Платонъ, разумѣетъ тѣлесные аппетиты. „Очевидно, говоритъ онъ, двигателей

[1]) Phileb 34 C 35 A. B.

два: аппетитъ и разумъ или практическое размышленіе (διανοία πρακτική)“ [1]). Аппетитъ Аристотель, какъ Платонъ желаніе, относитъ къ душѣ, а не къ тѣлу, и признаетъ способностію души (δύναμις τῆς ψυχῆς ἡ καλουμένη ὄρεξις). „Ибо каждый аппетитъ, объясняетъ онъ, выражается стремленіемъ къ чему-нибудь опредѣленному (ἡ ὄρεξις ἕνεκα τοῦ πᾶσα); въ своемъ проявленіи онъ всегда сопровождается дѣятельностію воображенія (ὀρεκτικὸν δὲ οὐκ ἄνευ φαντασίας). Хотя Аристотель подъ аппетитами разумѣлъ по преимуществу тѣлесные аппетиты (ἡ τοῦτο σωματικόν ἐστιν), но онъ принималъ, кажется, и другіе аппетиты, какъ и Платонъ. „Если, говоритъ онъ, частей души три (какъ принялъ Платонъ), то аппетитъ находится въ каждой изъ нихъ“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что „аппетиты бываютъ противоположны между собою“ (ὀρέξεις γίνονται ἐνάντιαι ἀλλήλαις). Это, замѣчаетъ Аристотель, случается тогда, когда размышленіе и желаніе находятся въ противоборствѣ между собою“ [3]).

Въ послѣднемъ анализѣ души, движущей къ мѣсту, Аристотель находитъ нужнымъ отличать: вопервыхъ, движущее (κινοῦν), вовторыхъ, то, чѣмъ движущее движетъ (ᾧ κινεῖ), втретьихъ, движимое (κινούμενον) [4]). Движущее—двояко: неподвижное, подъ которымъ нужно понимать практическое благо (ἐστί δὲ τὸ μὲν ἀκινήτον τὸ πρακτὸν ἀγαθὸν); движущее и движимое вмѣстѣ, подъ которымъ нужно разумѣть вообще способность аппетитовъ (τὸ κινοῦν καὶ κινούμενον τὸ ὀρεκτικόν). Движимое вообще — животное. Способность аппетитовъ общая тѣлу и душѣ; въ ней быть движимымъ принадлежитъ тѣлу (ᾧ δὲ κινεῖ ὀργάνῳ ἡ ὄρεξις, ἤδη τοῦτο σωματικόν ἐστιν) [5]): самой же душѣ свойственно оставаться неподвижною (τὸ δ᾽ ἐπιστημονικὸν οὐ κινεῖται, ἀλλὰ μένει) [6]).

Платонъ въ „Федрѣ“, „Филебѣ“, „Политикѣ“ и другихъ діалогахъ представилъ довольно подробный анализъ душевныхъ волненій и страстей, которыхъ едва касается въ трактатѣ о душѣ Аристотель. У Платона въ дѣленіи души по видамъ видъ „страстный“ поставленъ отдѣльнымъ видомъ души, отличнымъ въ своихъ проявленіяхъ отъ другихъ видовъ души. Аристотель въ способности аппетитовъ (τὸ ὀρεκ-

---

[1]) De anim. 3, 10, 1. Φαίνεται δὲ γε δύο ταῦτα κινοῦντα, ἢ ὄρεξις ἢ νοῦς.

[2]) De anim. 3, 9, 3. Εἰ δὲ τρία ἡ ψυχὴ ἐν ἑκάστῳ ἔσται ὄρεξις.

[3]) De anim. 3, 10, 6. Τοῦτο δὲ συμβαίνει, ὅταν ὁ λόγος καὶ ἡ ἐπιθυμία ἐνάντιαι ὦσι.

[4]) De anim. 3, 10, 7. Ἐπειδὴ δ᾽ ἐστὶ τρία, ἓν μὲν κινοῦν, δεύτερον δ᾽ ᾧ κινεῖ, τρίτον τὸ κινούμενον.

[5]) De anim. 3, 10, 7.

[6]) De anim. 3, 11, 4.

τικόν) совмѣщалъ, кажется, желательный и страстный виды души. Для мыслителя, который въ изученіи души сосредоточивается главнымъ образомъ на внѣшнемъ наблюденіи и изучаетъ душу по преимуществу въ дѣйствіяхъ и движеніяхъ тѣла, желанія и страстныя волненія являются съ одинаковымъ большею частію характеромъ проявленія, какъ движенія, обнимающія тѣло. Тонкое отличіе тѣхъ и другихъ явленій душевныхъ скрывается отъ глазъ такого наблюдателя. Въ этомъ случаѣ Аристотель, слѣдуя своей методѣ изученія души и обращаясь въ своей области наблюденій, не отдалъ должной справедливости тонкому психологическому анализу Платона, изучающаго душу по преимуществу во внутреннемъ самонаблюденіи.

Заключеніе.

Отличіе и характеристика самостоятельныхъ психологическихъ изслѣдованій Аристотеля, заключающихся въ его трактатѣ «о душѣ», и результаты этихъ изслѣдованій.

Такимъ образомъ оказывается, что трактатъ Аристотеля о душѣ заключаетъ въ себѣ многое такое, что высказано и изъяснено Сократомъ и особенно Платономъ. Мы не все еще могли собрать и представить въ этомъ сочиненіи изъ того, что высказано Сократомъ и Платономъ и повторено Аристотелемъ. Да и то, что̀ мы успѣли поставить на видъ, быть можетъ, недостаточно передали. На долю самостоятельной разработки и изслѣдованій Аристотеля остается въ трактатѣ не такъ много, какъ это представляется съ перваго раза. Мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ новые вопросы, въ первый разъ затронутые Аристотелемъ, или новое оригинальное рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые были затронуты раньше. Но и того немногаго достаточно для того, чтобы признать Аристотеля, какъ самостоятельнаго мыслителя, пролагавшаго новый путь въ изученіи души и указавшаго новый богатый матеріалъ для наблюденій. Обыкновенно говорилось объ Аристотелѣ, что онъ первый положилъ начало психологіи, какъ науки. Это говорилось не совсѣмъ вѣрно. Мы достаточно могли убѣдиться, что научная разработка психологическихъ вопросовъ началась раньше Аристотеля и не безъ успѣха. Аристотель получилъ отъ этой разработки довольно много. То справедливо, что Аристотель объединилъ и систематизировалъ все лучшее изъ того, что̀ высказано было Сократомъ и Платономъ по разнымъ случаямъ и по частямъ. Конечно, и въ этомъ мы должны признать немалую заслугу, сдѣланную наукѣ Аристотелемъ. Но намъ извѣстно изъ исторіи науки, что къ упомянутому сейчасъ

труду способны умы посредственные и выполняли его съ успѣхомъ. Аристотель былъ не изъ числа посредственныхъ умовъ; напротивъ, онъ былъ однимъ изъ геніальныхъ мыслителей, которымъ свойственно открывать новые пути въ наукѣ. Такимъ оказался Аристотель и въ ученіи о душѣ.

Какъ опредѣлить и охарактеризовать то новое, самостоятельное, что сдѣлалъ въ ученіи о душѣ Аристотель? въ чемъ оно состоитъ? какъ отмѣтить и отличить его?

Въ изложеніи ученія Аристотеля объ умѣ мы замѣтили, что отдѣлъ объ умѣ есть одинъ изъ слабыхъ отдѣловъ трактата о душѣ. Въ этомъ отдѣлѣ, болѣе чѣмъ въ другихъ, повторяетъ Аристотель, что было высказано объ умѣ Сократомъ и Платономъ. Было также замѣчено нами, что Аристотель въ ученіи объ умѣ не остался вполнѣ вѣренъ данному имъ опредѣленію души. Въ ученіи объ умѣ страдательномъ и умѣ дѣятельномъ онъ сдѣлалъ приложеніе общей опытной истины, что каждая вещь въ природѣ испытываетъ дѣйствіе другой вещи и сама дѣйствуетъ въ силу собственной энергіи. Въ ученіи о памяти и припоминаніи Аристотель открылъ законъ воспоминанія „по смежности“. Этотъ законъ найденъ Аристотелемъ благодаря тому, что память и припоминаніе онъ старался выяснить изъ движенія въ насъ образовъ, воспринятыхъ чрезъ внѣшнія чувства. Наконецъ, вспомнимъ сдѣланное Аристотелемъ объясненіе задержки и продолженія существованія въ насъ образовъ, воспринятыхъ чувствами. Аристотель сдѣлалъ смѣлую попытку подвести подъ законы физическіе такое явленіе, которое доселѣ остается не вполнѣ яснымъ для мыслителей. У Аристотеля такимъ образомъ всюду замѣтно стремленіе объяснять душевныя явленія въ связи съ тѣломъ и дѣйствіемъ физическихъ законовъ, или, выражаясь приспособительно къ современному способу выраженія, — въ связи съ законами физіологическими. Согласно съ этимъ дано Аристотелемъ и опредѣленіе души, какъ „энтелехіи“ тѣла.

Древній міръ не представилъ ничего подобнаго тому, что сдѣлалъ Платонъ для отличенія и выдѣленія самостоятельной дѣятельности нашей души. Это сдѣлано Платономъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ высказаннаго Сократомъ принципа о нематеріальности души и отличіи ея отъ тѣла. Платонъ своимъ анализомъ проникаетъ туда, куда не проникалъ взоръ мыслителей, жившихъ до него, и отдѣляетъ дѣйствіе души тамъ, гдѣ признавалось дѣйствіе одного тѣла и законовъ матеріи. Платонъ, какъ видно изъ его твореній, весьма хорошо освоился

съ наблюденіемъ душевной жизни; овладѣлъ методомъ наблюденія и умѣньемъ подмѣчать дѣятельность и проявленія души въ самомъ происхожденіи ихъ. У Платона Сократъ узнаетъ душу юноши и ея стремленія послѣ двухъ или трехъ отвѣтовъ послѣдняго на предложенные имъ вопросы. Психологическій анализъ Платона удивляетъ своею тонкостію, точностію и подробностію; но въ то же время Платонъ сравнительно мало распространяется о дѣйствіи тѣла въ связи съ дѣйствіемъ души, особенно тамъ, гдѣ это дѣйствіе тѣла казалось мало понятнымъ. Въ этомъ случаѣ онъ прибѣгаетъ, какъ мы видѣли, къ образнымъ представленіямъ для объясненія явленія. Какъ можно замѣтить, онъ не даетъ серіознаго и научнаго значенія этимъ представленіямъ въ объясненіи явленія. Такихъ образныхъ представленій не допускаетъ онъ тамъ, гдѣ производитъ психологическій анализъ душевныхъ явленій, доступныхъ этому анализу; напротивъ, въ ущербъ своему поэтическому настроенію, до утомленія соблюдаетъ точность и подробность анализа. Такая точность и подробность анализа тѣмъ болѣе удивительна въ мыслителѣ, который своимъ блестящимъ изложеніемъ различныхъ мнѣній показалъ, что ему сродна поэзія. Платонъ съ помощію своего психологическаго анализа открылъ нѣсколько общихъ и необходимыхъ законовъ самостоятельной дѣятельности и проявленій нашей души.

Аристотель задается попыткою восполнить тотъ недостатокъ и пробѣлъ въ изслѣдованіяхъ душевныхъ явленій, который былъ оставленъ Платономъ Нужно замѣтить, что и Сократъ и Платонъ говорили о вліяніи дѣйствія тѣла на дѣятельность души. Но они говорили по преимуществу о томъ вліяніи тѣла на душу, которое враждебно дѣятельности и стремленіямъ души, которое извращаетъ нерѣдко и парализуетъ эту дѣятельность и стремленія. Сократъ высказалъ взглядъ на тѣло, какъ на нѣчто враждебное для души и противодѣйствующее ей. Платонъ довелъ этотъ взглядъ на тѣло до крайности. Такой взглядъ далъ Платону возможность рельефнѣе и точнѣе отмѣтить высшія стремленія души, ея нематеріальность и самостоятельность. Но участіе тѣла въ душевныхъ явленіяхъ имѣетъ мѣсто и тамъ, гдѣ оно не только не враждебно дѣятельности души, напротивъ, послѣдняя не можетъ ни начаться ни продолжаться, если будетъ устранено участіе тѣла и не будетъ со стороны послѣдняго существовать необходимыхъ условій, вызывающихъ и поддерживающихъ дѣятельность души. Человѣкъ такъ уже поставленъ въ мірѣ, что не иначе можетъ сдѣлаться участникомъ познанія этого міра и окружающихъ предметовъ,

какъ чрезъ органы тѣла. Но прежде чѣмъ начнется познаніе внѣшняго міра, душевная жизнь не можетъ привиться и развиваться въ этомъ мірѣ иначе, какъ въ организмѣ, извѣстнымъ образомъ устроенномъ. Такимъ образомъ, тѣло является необходимымъ условіемъ для того, чтобы душевная жизнь и дѣятельность могли явиться и продолжаться въ этомъ мірѣ. Дѣйствіе тѣла сопровождаетъ дѣятельность души до самой высшей ступени ея: въ ощущеніяхъ, воображеніи, памяти, припоминаніи и проч. На всѣхъ этихъ ступеняхъ Аристотель и старается изучить участіе тѣла и законовъ физическихъ въ дѣятельности и проявленіяхъ души.

Изучая такимъ образомъ душевныя явленія, Аристотель пришелъ къ нѣкоторымъ, достойнымъ вниманія, результатамъ. Напримѣръ, относительно того, гдѣ возможна душевная жизнь, онъ пришелъ къ убѣжденію, что тѣло „должно быть сложно“ (οὐχ οἷον τε δὲ ἁπλοῦν) для того, чтобъ оно могло сдѣлаться причастнымъ жизни и души [1]). Объ этомъ Аристотель говоритъ въ послѣднихъ двухъ главахъ трактата, которыя служатъ его заключеніемъ. Первымъ основнымъ проявленіемъ жизни и души въ животномъ организмѣ служитъ ощущеніе, которое свойственно всему тѣлу. Это ощущеніе вызывается чрезъ прикосновеніе (ἁφή) предмета къ поверхности тѣла, отъ чего и самое чувство получило свое названіе (ἁφή прикосновеніе отъ ἅπτω). Одно это чувство принадлежитъ всѣмъ безъ исключенія животнымъ и есть существа, которыя не имѣютъ другаго чувства, кромѣ упомянутаго. Оно такъ важно и необходимо для живыхъ существъ, что тамъ, гдѣ разрушается это чувство, жизнь и душа перестаютъ проявляться; животное перестаетъ существовать [2]). Относительно чувства, о которомъ мы сейчасъ говорили и которое принято называть „осязаніемъ“, замѣчено, что его не находится въ костяхъ и волосахъ. Аристотель полагаетъ, что волосы и кости потому не имѣютъ ощущенія, что состоятъ изъ одного элемента природы — земли.

Замѣчательно ученіе Аристотеля „о способностяхъ“ (δυνάμεις), изложенное въ трактатѣ о душѣ. Оно стоитъ въ связи съ стремленіемъ Аристотеля изучить дѣятельность души въ выраженіяхъ и обнаруженіяхъ тѣлесныхъ. Наблюденія надъ животными или, вѣрнѣе — надъ существами, имѣющими жизнь, показали Аристотелю, что одни изъ

---

[1]) De anim 3, 12, 5 Ibid. 3, 13, 1. Ὅτι δ' οὐχ' οἷον τε δὲ ἁπλοῦν εἶναι τὸ τοῦ ζώου σῶμα, φανερὸν, λέγω δ' οἷον πύρινον ἢ ἀέρινον.

[2]) De anim 3, 13 Ἀνάγκη μόνης ταύτης στερισκόμενα τῆς αἰσθήσεως (ἁφῆς) τὰ ζῷα ἀποθνήσκειν

существъ живыхъ не обнаруживаютъ душевныхъ явленій, которыя обнаруживаютъ другія существа того же рода, такъ что въ нѣкоторыхъ существахъ душевныя явленія весьма ограниченны сравнительно съ тѣми, какія обнаруживаютъ существа совершенныя. Тѣ же наблюденія показали Аристотелю, что ограниченность душевныхъ явленій въ живыхъ существахъ находится въ отношеніи съ ограниченностію въ нихъ тѣлесныхъ органовъ И наоборотъ, богатство душевныхъ явленій находится въ отношеніи съ богатствомъ органовъ тѣлесныхъ и ихъ совершенствомъ. Понятно отсюда, что душевныя явленія на столько возможны въ живомъ существѣ, на сколько тѣло по своему устройству способно проявлять жизнь и дѣятельность души. Равнымъ образомъ, только такія душевныя явленія обнаруживаются и такимъ образомъ проявляются, какія и какимъ образомъ способно бываетъ обнаруживать и проявлять тѣло. Еще Сократъ и Платонъ, какъ мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ, положили начало такому ученію „о способностяхъ“, поставленныхъ въ зависимость отъ тѣла и тѣлеснаго устройства. Аристотель расширилъ и усовершенствовалъ это ученіе. Аристотеля можно назвать творцемъ ученія „о способностяхъ“, понимаемыхъ въ указанномъ нами смыслѣ. Послѣднее считаемъ нужнымъ добавить, чтобы отличить ученіе Аристотеля о способностяхъ отъ ученія о нихъ, явившагося послѣ у схоластиковъ Ученіе о способностяхъ положило характеристическій отпечатокъ на весь трактатъ Аристотеля о душѣ и отличило ученіе его о душѣ отъ ученія о ней, представленнаго Сократомъ и Платономъ. Послѣдніе изучали душу въ тѣхъ по преимуществу душевныхъ явленіяхъ, которыя выражаютъ болѣе или менѣе независимую отъ тѣла, самостоятельную, высшую дѣятельность души.

Еще Платонъ пришелъ къ заключенію, что ощущенія тѣлесныхъ органовъ всегда истинны. Аристотель подтвердилъ выводъ Платона объ истинѣ и непогрѣшимости ощущеній, передаваемыхъ каждымъ чувствомъ въ отдѣльности. Онъ принялъ теорію, что чувство воспринимаетъ форму предмета безъ матеріи, подобно какъ воскъ принимаетъ отпечатокъ перстня. За отпечаткомъ, послѣдовавшемъ въ чувственномъ органѣ матеріально, Аристотель старается слѣдить дальше. Онъ, кажется, убѣжденъ, что образъ, составившійся матеріально въ чувственномъ органѣ, въ силу законовъ природы не пропадаетъ, а продолжаетъ существовать въ тѣлесной субстанціи. Въ ощущеніи требуется нѣкотораго рода соединеніе ощущающаго съ ощущаемымъ. Это полагаетъ различіе между ощущеніемъ „въ возможности“ и ощущеніемъ „въ актѣ“, такъ что ощущеніе „въ актѣ“ является не иначе,

какъ если послѣдуетъ упомянутое соединеніе. О „воображеніи“ Аристотель замѣчаетъ, что къ нему не приложимо „быть въ возможности“ и „быть въ актѣ“. По представленію Аристотеля, сформированный механизмомъ чувственнаго органа, какъ инструмента, чувственный образъ испытываетъ далѣе лишь одно движеніе, но не измѣненіе Существованіе въ насъ чувственныхъ образовъ съ возможностію передвиженія ихъ даетъ со стороны тѣла возможность происхожденію и существованію въ насъ двухъ способностей, каковы — воображеніе и память. Самый разумъ, въ связи съ которымъ стоитъ воспоминаніе, имѣетъ въ своей дѣятельности нужду въ чувственныхъ образахъ, сохраняемыхъ тѣлесною субстанціей.

Не считаемъ нужнымъ повторять здѣсь того, что подробно было изложено нами въ своемъ мѣстѣ. Теорія чувственныхъ образовъ, представленная Аристотелемъ, не устояла противъ научной критики. Тѣмъ не менѣе мы должны здѣсь сказать, что идея Аристотеля объяснить явленіе и раскрытіе въ живыхъ существахъ различныхъ способностей и душевной дѣятельности вообще въ связи съ устройствомъ и развитіемъ тѣлеснаго организма замѣчательна и достойна вниманія. Нужно правда сознаться, что Аристотель представилъ лишь слабую попытку въ изслѣдованіяхъ и объясненіяхъ этого рода. Но въ то же время нужно сказать, что онъ силенъ методическимъ анализомъ и умѣньемъ овладѣвать наблюдаемыми имъ явленіями. Послѣднее составляетъ преимущественное достоинство и отличительный признакъ психологическихъ изслѣдованій тѣхъ знаменитыхъ мыслителей древности, разсматриваемыхъ нами. Этого-то анализа и умѣнья и не встрѣчаемъ мы въ психологическихъ размышленіяхъ предшествующихъ мыслителей и весьма рѣдко и въ ограниченныхъ проблескахъ встрѣчаемъ у послѣдующихъ мыслителей. Изъ троихъ упомянутыхъ нами мыслителей Аристотель на долю своихъ изслѣдованій выбралъ такую область явленій, въ которой чрезвычайно мало подготовлено было до него научныхъ средствъ. Сообразуясь съ послѣдними, нужно сказать, что Аристотель, благодаря собственнымъ наблюденіямъ и опытному своему логическому мышленію, сдѣлалъ сравнительно много. Замѣчательна въ этомъ случаѣ „Исторія животныхъ“ (περὶ τὰ ζῴα ἱστορίων). Она вызвала удивленіе знаменитыхъ натуралистовъ нашего времени—Бюффона и Кювье [1]).

[1]) Одинъ изъ этихъ натуралистовъ (Бюффонъ) такъ говоритъ объ «Исторіи животныхъ» Аристотеля. «Это самое ученое «краткое изложеніе», какое когда-либо существовало, если наука дѣйствительно есть исторія фактовъ; если даже

Здѣсь мы оканчиваемъ предпринятый нами трудъ. Итакъ, трактатъ Аристотеля о душѣ нужно разсматривать съ двухъ сторонъ: а) онъ содержитъ въ себѣ сводъ и краткое систематическое изложеніе ученія о душѣ, высказаннаго Сократомъ и Платономъ, и б) онъ содержитъ въ себѣ и собственную попытку Аристотеля восполнить ученіе о душѣ Сократа и Платона въ тѣхъ пунктахъ, которые не были изслѣдованы и объяснены ими Нельзя, слѣдовательно, говорить и доказывать, что Аристотель первый положилъ начало психологіи, какъ науки; равнымъ образомъ, нельзя говорить и доказывать, что все, что содержитъ въ себѣ трактатъ о душѣ, принадлежитъ исключительно Аристотелю.

предположить, что Аристотель извлекалъ содержаніе своей книги изъ всѣхъ существовавшихъ въ его время книгъ, то и тогда *планъ сочиненія, его распредѣленіе, выборъ примѣровъ, точность сравненія, извѣстнаго рода строй мыслей, который я охотно назвалъ бы философскимъ*, ни одного мгновенія не дозволили бы сомнѣваться, что онъ былъ гораздо богаче тѣхъ, у кого заимствовалъ» *Фиге* Свѣтила Науки, стр 154.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Поправки.

На 14 стран. 10 строка сверху, напечатано: ὑποκείμερον, читай. ὑποκείμενον.

На 20 стран. примѣч. 2-е, въ первой строкѣ, напечатано: приводимъ, читай: переводимъ

На 25 стран примѣч 5-е, снизу вторая строка, напечатано ἔχει, читай: ἔχει.